

П.П. Африкантов

Сказки *о Саратове*

*Книга
десятая*

Саратов
2020

П.П. Африкантов

Сказки о Саратове

СКАЗКИ О САРАТОВСКИХ СИМВОЛАХ

Книга десятая

Саратов

2020

Африкантов П.П.

СКАЗКИ О САРАТОВЕ. Книга 10.

Сказки о саратовских символах. Текст 296 стр. 2020.

Книга состоит из двух частей. Первую часть составляют сказки о символах саратовской области. В них главными героями являются: саратовская глиняная игрушка, саратовская гармошка с колокольчиками, саратовский калач и стерлядь, украшающая герб города.

Так как книга выходит в год 75-летия Победы нашего народа над фашистской Германией, то автор посвятил этому событию три пьесы для детей и очерк. Пьеса «Глиняный денщик» посвящена 32-й Саратовской краснознамённой стрелковой дивизии. В очерке рассказывается о нашем земляке, пограничнике, который, в первые часы после начала войны, был тяжело ранен, выжил, сражался с фашистами и участвовал в Параде Победы.

Предназначена для широкого круга читателей.

Книга издана в авторской редакции.

Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование П.П. Африкантова.

© Текст, П.П. Африкантов, 2020

Сказки
о саратовских
символах

Сказка о глиняном петушке золотом гребешке, гармошке с колокольчиками, да румяном калаче с хрустящей корочкой.

Жили были в городе Саратове , глиняный петушок золотой гребешок, гармошка с колокольчиками да калач с хрустящей корочкой. Каждый жил на своей улице и имел хозяина. Гармошка с колокольчиками находилась у сапожника, калач с хрустящей корочкой жил у булочника, а глиняный петушок с ямчатой росписью у мастера - игрушечника.

У гармошки с колокольчиками хозяином был сапожник Иван Кудашкин. Он играл на гармошке с детства, и благородное её звучание уважал. Бывало, поработает в сапожной мастерской, устанет, а как возьмёт гармошку с колокольчиками в руки, да растянёт мех – и куда усталость делась. Бабы дивуются, ребятишки на заборе виснут, мужики самокрутками попыхивают, Ивана за душевную игру хвалят.

Только, не долго такая жизнь была у гармошки. Умер сапожник, а его место в мастерской занял его сын Сёмка, Семён значит. Только до отца ему было в мастерстве далеко. Не хватало у Сёмки усидчивости и терпения ни хорошо сапоги сшить, ни на гармошке научиться мастерски играть. Потому ребятишки на заборе, когда Сёмка играл, не висли, мужики музыку не

слушали, самокрутками не дымили и Сёмку за игру не хвалили. Понял Сёмка, что гармонист он так себе и решил игрой на гармошке не заниматься, а сапожную мастерскую людям в новом свете преподнести, чтоб обувь лучше покупали. Нарисовал ему художник пляшущие ноги в разной обуви на стекле окна, что из мастерской на улицу выходило, а посредине окна, Сёмка гармошку привесил, да ещё мех растянул, чтоб выразительнее было. На стекле написал:

*Сапоги и штиблеты Семёна Ивановича
сами в пляс пускаются*

Только Сёмка, как ни старался людей в мастерскую заманить, сапоги и штиблеты его лучше от этого не становились, а вот гармошка от долгого висения за стеклом на солнышке без дела только пылилась, да рассыхалась. И долго бы она висела посреди окна, подвешенная на гвоздике, кабы не поломойка, тётя Нюра. Вытирая пыль с окна, она зацепилась за злополучный гвоздик, на котором висела гармошка и вытащила его. Гармошка упала на подоконник и звякнула колокольчиками. Только перезвона не получилось, ДЗЫН – ЦЫН и всё, а поломойка, недолго думая, взяла и задвинула инструмент ногой под старое кресло с протёртой обивкой, что стояло у окна.

Закончив уборку в этой комнате, она перешла в другую, а гармошка осталась лежать под креслом. Под

старым креслом лежать было хуже, чем висеть на окне. Хотя висение на гвоздике в качестве рекламы обуви ей тоже опротивело, но там хоть мир божий было видно – за окном люди ходят, извозчики ездят, дворники улицу подметают, а тут пыль столетняя, пауки да тараканы. Не прогудев ни одним язычком, гармошка потихоньку вылезла из-под кресла и, увидев приоткрытую входную дверь, выскользнула на улицу и бросилась бежать, куда глаза глядят, только бы подальше от этого дома.

У калача хозяином был булочник. Тут своя история. Булочник умел выпекать отличные калачи, так, что жители города Саратова с утра занимали очередь за его калачами и готовы были стоять за ними в очереди весь день, лишь бы насладиться калачом с ароматной хрустящей корочкой. Выпекал булочник калачи вместе с женой Марфой, очень доброй женщиной. Жена булочника была хорошей хозяйкой и внимательно следила за тем, чтобы в булочной был уют и порядок.

Особенно она радела о калачах. Калачи были гордостью семьи булочника. В булочной на всеобщее обозрение был выставлен калач, чтоб привлечь покупателей. И до того он был аппетитный и красивый, и так ароматно пах, что и сравнить его во всей выпечке булочника было не с чем. Ни мягкие булки, ни пышногрудые караваи, ни кренделя, ни витиевато расписанные пряники, ни что не шло в сравнение с калачом.

Калач на выставке был главной заботой булочника. Каждый день Марфа выставляла на обозрение новый, только что испечённый калач. И это правило в течении тридцати лет никто и никогда не нарушал. Так бы, наверное, и всегда было, только умерла Марфа, и взял булочник другую жену.

Новая жена булочника, мадам Цукеркот, была из немок и отличалась властолюбием и педантичностью. Всегда ходила в белой блузке, сарафане с передником и чепцом на голове. Она стала наводить в булочной свои порядки. Муж ей был в этом деле не указ. Мадам Цукеркот, в первую очередь, занялась витриной.

– Это что такое!?! – доносился её властный голос. – Какое расточительство. Я этого не понимаю – калачи в витрине стоят на самом видном месте, а другие изделия, где-то сзади. Это неправильно, калачи и так все купят. Их знают не только в Саратове, а и за городом. Нечего их выпячивать и место ими в первом ряду занимать. Кыш отсюда! – и она убрала калачи в витрине с первого ряда на последний, оставив только один, что стоял над витриной на специальной подставке. Возможно, она подумала, что он не настоящий.

Это был тот самый выставочный калач, краса и гордость булочника. Именно этому калачу было хозяином отведено столь почётное место. И, как я уже говорил, по распоряжению булочника выставочный калач меняли каждый день. Это было правилом, которое никто не мог отменить, кроме самого хозяина

булочной. Однако, после женитьбы булочника ни на второй, ни на третий день этот калач никто с его почётного места не снял и не заменил новоиспечённым. Не заменили его ни через неделю и ни через месяц. Тут и решил калач напомнить о себе хозяйке:

– Госпожа хозяйка... госпожа хозяйка, – вкрадчиво произнёс он, когда та подошла к витрине.

– Кто?.. Кто меня зовёт!! – проговорила та сердито и в то же время удивлённо.

– Это я, калач, который на подставке. Я хотел спросить...

– Ах, это ты, – обратила мадам Цукеркот на него внимание. – Чего надо!?

Калач, зная крутой нрав хозяйки, начал говорить как можно мягче.

– Я хотел напомнить вам о том, что меня пора менять. Выставочный калач меняется ежедневно. Хозяин установил такое правило, и вот уже много лет это правило неукоснительно выполняется. Вы новый человек и я хотел только напомнить вам о правилах, которые установил сам господин булочник. Вы могли этого не знать...

– Ты решил учить меня! – нахмурилась мадам Цукеркот, отчего её лицо стало похоже на большую репу. – Хозяин им сказал, видите ли... Возомнили себя не весть чем. Я теперь устанавливаю порядки в булочной. Я! Слышите меня! Это всех касается. И никто другой, только я, понятно!? – и она обвела глазами

выпеченные булки, калачи и бублики. Те согласно закивали головами, повторяя:

– Разумеется, госпожа Цукеркот... А как же иначе... госпожа Цукеркот... Так и должно быть...

– Нет... нет, госпожа, я хотел только напомнить, – продолжил вкрадчиво говорить выставочный калач. – Я совсем засох и покупатели уже заметили это... и наверняка меня уже никто не купит, разве только те, кому врач рекомендовал есть сухари из калача.

– Ах! ты, наглец!! – побагровела от злости хозяйка. – Ты кем себя возомнил!? Тебя с удовольствием съедят не почтенные горожане как лекарство, а тебя съедят свиньи в моём хлеву! – С этими словами она схватила калач и швырнула его в помойное ведро. – Не надо нам никаких калачей на подставке! – сказала она и на место калача поставила расписной пряник, приказав полomoйке немедленно выбросить засохший калач свиньям.

Хорошо, что в том ведре помоев не было, а то бы простился наш калач с белым светом, превратившись в липкий комок. Поломойка подхватила ведро с калачом, вышла во двор и опрокинула его в свиное корыто. И ещё хорошо, что свиньи в это время у хозяина были сыты, их только что покормили. К корыту, чисто из любопытства, подошла только одна большая грязная свинья. Она ткнула рылом калачу в бок, фыркнула, пробормотав:

– Чёрствый калач... Хрю... Хрю. Эка невидаль. Хорошо, что только зачерствел и зеленью ещё не покрылся. Хрю...

– Что это? Хрюки... Хрюки... Что это? – Стали спрашивать свинью поросята, поочерёдно тыкая пяточками в бока калача и пытаясь его укусить.

– Хрю. Ничего интересного, – вразумляя детей, проговорила свинья. – Принесут пойло и мы его размочим. – Она повела рылом в сторону, давая понять поросятам, что калачом они займутся позже, и отошла от корыта. Поросята гурьбой побежали за ней, радуясь, что калач им достанется на обед.

Калач ещё какое-то время полежал на дне корыта с остатками недоеденной пищи, а затем, видя, что его на время оставили без внимания, перевесился через край корыта, упал на землю и, прячась за другими посудинами, добрался до невысокого, но крепкого забора. Там он быстро вскарабкался на него и, с высоты услышал, как один из поросят завизжал: «Мама! Мама! Наш обед убегает!» Свинья с поросятами, увидев беглеца, бросились к нему, но было уже поздно. Калач спрыгнул на другую сторону забора и был таков.

Третьим героем нашего повествования является глиняная игрушка, точнее – глиняный петушок со свистком. Как мы знаем, этого петушка сделал мастер - глинолеп. У него и жил петушок до поры до времени, пока с полки не перекочевал в коробку мадам

Гороховской. Мадам Гороховская – высокая брюнетка с чёрными, пробивающимися над верхней губой усиками, обладала зычным голосом, который был слышен во всех точках базара.

Мы упомянули коробку этой дамы. О ней стоит сказать поподробнее. В этой коробке мадам Гороховская вывозила глиняные игрушки на продажу. Она оптом скупала их у игрушечников Саратова и близлежащих деревень. Надо сказать, мадам Гороховская не любила игрушки и детей тоже, но игрушки давали ей хороший доход, потому как она скупала их у мастеров за сущие копейки, а продавала наоборот – втридорога.

Особенно ей хотелось выгодно продать глиняного петушка с золотым гребешком, разноцветными в хвосте перьями и пышным воротником из смеси красных, синих, зелёных перьев, с нанесённым на них ямчатым рисунком, который состоял из простейших геометрических фигур. Мадам Гороховская запросила за него слишком высокую цену и покупатели, глядя на петушка, только цокали языками от восхищения, а покупать не покупали, дороговато. Другие же игрушки довольно быстро расходились, а петушок после продаж всё сидел и сидел в коробке, не видя ни вольного света, ни свежего воздуха. «Как было хорошо у игрушечника, – думал он. – Там, на полках, стояло много других глиняных игрушек и было весело».

У игрушечника в мастерской было действительно много глиняных игрушек. Одни из них, полностью

готовые и приготовленные для мадам Гороховской, стояли на отдельной полке. У других имелись всякие недоделки.

Однако, не смотря на недоделки, игрушки не испытывали неудобств и бойко переговаривались между собой.

– Я вполне готова, – хвасталась перед товарками солидная курочка с ярким гребешком. – Мастер сказал, что сегодня поставит на мне штампиками рисунок на спине и груди. Он бы это уже сделал, но у него нет пробки от шампанского с рёбрами.

– А зачем ему пробка от шампанского? – спросила обезьянка, усаживаясь на край полки.

– Мастер сказал, что отпечаток пробки на моей спине будет очень кстати. Этакое солнышко с лучиками получится. – Похвасталась курочка.

– Счастливая, – заметил бычок. – Мне бы такое солнышко. Представляю, как это красиво.

– Красиво - некрасиво, но скоро мы все очутимся в коробке у мадам Гороховской, заметил баранчик, а там говорят не очень уютно.

– О каком ты уюте говоришь! – воскликнула козочка, – там просто скверно...

«Прав был баранчик, – думал петушок, вспоминая тот разговор, – и козочка права, – пытаясь в это время высунуть голову из злополучной коробки, но это ему никак не удавалось. Мадам Гороховская очень крепко

обвязала коробку верёвочкой. Помочь ему никто не мог. Других игрушек в коробке не было, все они перекочевали в сумки покупателей. «Может быть, меня завтра купят? – думал петушок, – завтра второй день праздника, и тогда я избавлюсь от этой ненавистой торговли».

Вот наступил второй день праздника и большой торговли. Мадам Гороховская сложила игрушки в коробку и, как всегда, крепко обвязала её верёвочкой. На этот раз игрушки мадам Гороховская вывезла на продажу все без исключения. Их набралось довольно много. Ей пришлось даже воспользоваться расписной тележкой и маленькой лошадкой – пони. Мадам продавала свой товар прямо с расписной тележки, то и дело выкрикивая:

Покупайте игрушки! -
Вашим детям веселушки.
Не горят, не дымят
И все весело свистят!

– Мадам Гороховская! Мадам Гороховская! – просит крестьянин, приехавший в город на праздник, – уступите курочку и петушка, суший пустяк, сбросьте по копейке на штуку.

– Ишь, чего захотел, – хмурит брови торговка, – а ну, геть от тележки! По глазам вижу, что чего-то украсть хочешь...

– Мадам Гороховская! Вы зря так подумали и на человека напраслину возвели, – оправдывается

крестьянин. – Я прошу уступить всего две копейки, по копейке на штуку. У меня два мальчика... будут драться из-за одной игрушки. Какую ни купи, хоть петушка, хоть курочку, всё одно.

– Не приставай! – отрезала продавщица и закричала:

– Подходи-и-и-и! Игрушки разные... глиняные не бумажные... Есть сушёные, есть в печи обожжённые!!!

В это время овод, докучавший лошадке мадам Гороховской, нашёл место и так куснул конягу, что та не выдержала и с силой ударила задними копытами в тележку. Игрушки попадали, а петушок буквально вывалился из тележки под её колесо. Пока торговка раскладывала по местам свалившиеся игрушки и ругала на чём свет стоит овода и лошадку, петушок, почувствовав свободу, выбрался из-под колеса. Он незаметно прошёл под тележкой, затем нырнул под другую тележку, что стояла рядом, с неё торговали самоварами, спрятался за возком с кожами и, видя, что мадам Гороховская его ещё нехватила, бросился со всех ног бежать прочь, петляя между торгующими и покупателями.

Долго ли, коротко ли скитались наши беглецы гармошка, калач и игрушка, то неизвестно, но в одно время они встретились в городском парке под лавочкой для отдыхающих. Изрядно побродив по городу, каждый из них думал только о том, чем бы набить свой голодный желудок. Увидев друг друга, они сразу

поняли, что их собрало под этой лавочкой. Несчастье всех заключалось только в том, что у них не было крыши над головой и очень хотелось есть. Из близстоящей харчевни вкусно пахло жареным картофелем и свежим горячим хлебом.

– Что будем делать? – спросил глиняный петушок, вопросительно посмотрев на гармошку с колокольчиками и на калач.

– Не знаю. – Пробормотала гармошка, звякнув одной клавишей. – Я только умею играть и больше ничего не умею. Я даже просить не умею, мне стыдно, – сказала она и опустила глаза.

– А ты на что способен? – обратился петушок к калачу.

– Я, к сожалению, ничего не умею делать руками, но отлично знаю, как выпекать всякие вкусные хлебобулочные изделия. Я долго стоял на самом видном месте в булочной и наблюдал за пекарями. Весь перечень их изделий я изучил досконально и особенности изготовления тоже. Изучал, пока не засох, и меня не выбросили. Жаль, что так получилось... – и он развёл маленькими ручками.

– А ты сам-то чего умеешь? – спросили разом петушка гармошка и калач.

– Я-то... – проговорил глиняный петушок. – Г-м. – Он на несколько секунд задумался. – Г-м, что я умею делать? То есть, вы спрашиваете – в чём заключается мой талант? И, подумав, многозначительно ответил. – Я

умею руководить. Своими глиняными курочками я очень даже успешно руководил и все были моим руководством премного довольны.

– Значит, ты, братец, ничего делать не умеешь, – заключил калач. – Руководить всякий может. Ты нам о деле скажи...

– Это вы зря так, – заметила гармошка, – уметь руководить это очень важно и ответственно. Мой хозяин повесил меня на окно, потому что не увидел во мне большей пользы для своего заведения, стало быть, он неважный руководитель, я так думаю.

– Мудрёно, но верно, – заметил глиняный петушок. – А теперь о том, что я могу ещё делать. Ещё я умею петь, плясать, если надо,... детей забавлять, на ум-разум наставлять.

– Вот это другое дело, – заулыбался калач. – Правда, у нас в булочной петушков не было, особенно глиняных, и я не знаю, на что твои таланты сгодится. Если б ты был слеплен хотя бы из ржаного теста, то можно бы было и подумать.

– Нам надо поразмышлять о нашей совместной деятельности, чтоб себя прокормить, – проговорила в тон калачу гармошка с колокольчиками. – Иначе мы с голоду ноги протянем под этой лавочкой.

– Кажется, я знаю, что нам делать, – проговорил петушок.

Все пристально и ждуще на него посмотрели.

– Давайте, братцы, организуем в городе трактир.

– Что-о-о-о!?! – вопросительно протянула гармошка на высокой ноте.

– В общем, – ответил петушок. – Если учесть наши возможности, и эти возможности сложить в одно целое, то и получается, что нам по плечу только организация трактира, или какого другого подобного заведения, например, ресторана или кофейни.

– В ресторан ходят только сановные люди, – проговорил калач. – Я слышал это от хлебопёков.

– В ресторане мне делать нечего... – сказала гармошка. – Мои колокольчики там ни, к месту, публика в ресторане изысканная, в кофейне я тоже не нужна. Может быть вы и нужны, а я нет. – Тихо и как-то обречённо проговорила гармошка.

– Объясни, пожалуйста, поподробнее. Почему именно трактир, а не что-то другое? – спросил калач петушка.

– А потому, что наши знания и умения очень к трактиру подходят. – Убедительно проговорил петушок. – Гармошка будет в нём музыку играть, я петь, плясать, гостей развлекать и детей забавлять. Вот почему именно трактир. Там всё можно.

– Ничего себе ты, Петя, вывел, – заметил калач. – Ты с гармошкой в трактире при деле, а я что, лишний?

– Ты, калач, будешь в этом трактире кухней заведовать, шеф-поваром станешь. Ведь посетителям надо, в первую очередь, поесть, а уж потом слушать

песни, танцевать и всё такое... Ты же будешь самое главное лицо в деле поест, а ты говоришь, что нужен не будешь...

– Здорово ты, Петя, придумал, – восхищённо воскликнула гармошка. Каждому умению своё дело определил. Хорошо... Только как мы это всё организуем?

– Вот и организаторские способности понадобились, – заметил глиняный петушок. – Об этом пусть у вас голова не болит. Я предложил – я и организую.... – заключил он, улыбаясь, и товарищи под руководством петушка принялись за дело. Калач из глины печку лепит, в которой будут булки да калачи выпекаться, гармошка ему помогает, глину месит, калачу глину подаёт, петушок досок раздобыл, дом рубит и песни поёт.

Наконец помещение под трактир построено, из печной трубы дым валит, из окна плясовая мелодия доносится, то и дело слышится «КУ-ка-ре-ку!», да звон петушиных шпор раздаётся. Вокруг дома вкусный запах разносится. На этот запах и люди, и звери валом валят. Спорится дело у друзей. Доход появился. Глиняный петушок себе сафьяновые сапожки приобрёл и малиновую безрукавку, гармошка в мастерской музыкальных инструментов побывала, где ей мех заменили и звучание настроили, калач франтом

вырядился, даже не узнать. Для работы себе фартук белый приобрёл и поварской колпак.

Так бы дело и шло, если бы не случилось непредвиденное. Приехали в город на ярмарку Сёмка-сапожник с сапогами и штиблетами для продажи, мадам Гороховская с игрушками и мадам Цукеркот с калачами и сладостями. Зашли они в тот самый трактир, который друзья организовали, и диву дались, как в том трактире уютно и всё вкусно приготовлено. А ещё в нём они увидели представление, в котором гармошка с колокольчиками играла задорную плясовую, глиняный петушок под музыку выплясывал и пел частушки, а улыбающийся калач, кланяясь, подносил присутствующим разного рода угощения.

В конце обеда глиняный петушок, галантно раскланявшись, подарил деткам посетителей по заливистому глиняному свистку. Обед удался на славу. Присутствующие встали и долго аплодировали хозяевам, говоря меж собой: «Как хорошо, что в городе появился такой хороший трактир... Ах, какой в нём приветливый персонал... Другим трактирам следует с них брать пример...» и так далее.

Разумеется, Сёмка Кудашкин, мадам Гороховская и мадам Цукеркот, сразу узнали в хозяевах трактира своих беглецов и, конечно, возгорелись желанием вернуть этих успешных предпринимателей себе обратно.

Калачница захотела снова обладать калачом, чтоб сделать его главным пекарем в булочной. Сёмка Кудашкин, у которого дела в сапожной мастерской не сильно удавались, решил вернуть гармошку с колокольчиками обратно себе и заодно нанять глиняного петушка для совместных концертов в его сапожной мастерской для привлечения покупателей, о чём он тут же и сказал мадам Гороховской.

На это высказывание мадам Гороховская показала Сёмке кукиш, а затем и кулак и заявила, что глиняная игрушка принадлежит ей и уступать её сапожной мастерской она не намерена. И быть бы между ними скандалу, если б не мадам Цукеркот. Она попросила сапожника и продавца игрушек собраться напротив трактира на лавочке и спокойно обсудить создавшееся положение.

Через несколько минут они все трое сидели на той самой лавочке, под которой когда-то сидели голодные гармошка с колокольчиками, глиняный петушок с золотым гребешком и калач с хрустящей корочкой.

– И как вы представляете наше положение? – спросила мадам Цукеркот.

– А никак. – Ответил Кудашкин. – Войду в трактир, суну под мышку гармонь и пойду домой, – вот и всё. Так ведь? – обратился он к мадам Гороховской.

– Целиком и полностью поддерживаю, – сказала мадам Гороховская и чёрные усики её задвигались.

– Друзья предприниматели! – проговорила мадам Цукеркот. – Наши действия не могут быть такими вызывающе прямолинейными. Мне даже неловко вас слушать. Так вы могли поступить сразу после их побега, – и она понизила голос. – Сейчас же, когда наши подопечные организовали собственное заведение, и оно стало привлекательным в городе, то такие действия накличат на нас презрение горожан, а это ударит по нашим продажам. Кто захочет покупать кренделя, игрушки, штиблеты и слушать музыку у людей бездушных и чёрствых, которые лишили горожан удовольствия бывать во всеми любимом трактире? Разумеется, никто. – Подчеркнула она и обвела взглядом присутствующих.

– Что же делать?! – изумился Сёмка-сапожник.

– Этого нам только не хватало! – воскликнула гортанным голосом мадам Гороховская.

– Вот я и предлагаю, – полушёпотом заговорила булочница. – Надо сделать так, чтобы всё произошло как бы само собой, чтоб трактира не стало, а его организаторы пропали неизвестно куда, понятно?!!

– Хорошо бы, только как же мы это сделаем? – спросил Кудашкин. – Так только в сказках бывает.

– А очень просто, – голос мадам Цукеркот прозвучал заговорщицки. – Самым безобидным средством к достижению цели будет пожар. Трактир сгорит, а вместе с ним, якобы, сгорят и их хозяйева, – проговорила мадам Цукеркот. – Пожар, жертвы – всё логично. Горожане

раздосадованы, но ни на кого не обозлены... Они так же покупают наши сапоги, игрушки, крендели и слушают у нас музыку. Мы даже в их глазах выступим благодетелями к погорельцам, если они их узнают.

– Здорово придумала! – Потёр от волнения руки Кудашкин. – А если поточнее, то, как это всё обставить?

– Это уже второй вопрос, – заметила мадам Цукеркот.
– С таким решением все согласны? «Согласны, согласны!» – закивали Сёмка и мадам Гороховская.

– Мы подожжём трактир с тыльной стороны. – Продолжила мадам Цукеркот. – Затем устроим в трактире панику криками: «ПОЖАР! ПОЖАР! Трактир ГОРИТ! СПАСАЙТЕСЬ!» Люди, сшибая друг друга, будут стараться покинуть помещение. Понятно – крики, вопли, падения, плачь, суматоха. Так всегда бывает при пожаре. Мы в это время хватаем петушка, гармошку и калач и скрываемся. Горожане посожалеют немного, как в этих случаях водится, и забудут о трактире, зато мы от мнения людей будем в безопасности.

– Здорово придумано! – восторженно проговорил опять сапожник, ёрзая на лавочке от нетерпения. – Я тогда схожу в керосиновую лавку и куплю литра три керосина, – и Кудашкин сорвался с места.

Возможно и удалась бы заговорщикам их затея, кабы не сорока. Она сидела рядом на дереве и всё слышала. Сорока рассказала петушку, гармошке и калачу то, что узнала, но не из особой любви к ним, а по причине

природной болтливости. «Тра-та-та-та... – затрещала она у самого входа в трактир. – Не слышите! Не знаете! Вам и на ум нейдёт, что вас хотят украсть. Тра-та-та-та... Бывшие ваши хозяева – булочница, торговка игрушками и сапожник договорились украсть вас самым бесовестным образом, а трактир сжечь! И об этом я...я...я... сорока-белобочка узнала. Уже и спички припасены, и керосин, и мешки, в которые вас будут совать. Это всё я узнала... и никто больше. А вы всё калачи печёте, музыку играете, пляшете и песни горланите, народ веселите, а у вас беда... беда... беда... – выпалила она. И тут же добавила. – Они притворились нищими, ждите, ждите, ждите нищих, в лохмотьях. Тра-та-та... Нищие к вам придут, трактир керосином обольют, а хозяев схватят и в мешок засунут...»

Услышали сороку калач, петушок и гармошка и пригорюнились. Никому не хочется снова в неволю идти.

– Значит, узнали они нас, – проговорил скорбно калач.

– Да, выходит так, узнали, – поддакнула гармошка. – Я, думала, не узнают, у меня мех новый, а вот на тебе...

– Я тоже думал, что меня в колпаке и при фартуке не узнают. Напрасные надежды... – и калач поник головой. – С другой стороны, я один из вас, кто от своих хозяев не сбежал, они сами меня отдали свиньям на съедение, я им был не нужен, а теперь – на тебе... Снова свиньям что ли решили отдать? Не понимаю.

– А тут и понимать нечего, – проговорила гармошка.
– Зависть всегда была уделом жадных, корыстных людей. Вот она ими и двигает, и ничего больше. Они просто хотят на нас побольше заработать.

– Не будем унывать, друзья... – весело проговорил петушок. – Мы предупреждены, и это главное. Не так ли? А теперь слушайте меня, – и он, наклонившись к друзьям, что-то зашептал, кивая в сторону весёлой компании студентов, что обедали в трактире. Затем подошёл к их столику, о чём-то тихо со студентами переговорил и вернулся назад. Об этом разговоре рассказал друзьям.

После рассказа петушка, друзья прибодрились и повеселели. А когда около трактира появились две нищенки и нищий в лохмотьях с котомками, около них сразу очутились студенты. Они окружили нищих и, подталкивая сзади и с боков, направили их к входной двери в трактир, приговаривая:

«Заходите, заходите! – Милости просим. Мы гостям всегда рады... У нас сегодня праздник в трактире, «День глиняного петушка» называется. Мы приглашаем вас на торжественный обед!»

«Да как мы можем войти в такое заведение, – упирались нищие....» – На нас и приличной одежды нет, – говорили они, не желая входить в помещение и видя, что их план с поджогом рушится.

«А мы вас настоятельно просим, – продолжали говорить и подталкивать их сзади студенты. – Хозяева трактира нищим особенно рады. Они хлебосолы...»

Когда нищие очутились в трактире, молодые люди стали раздевать гостей, приговаривая, что в трактире тепло и верхнюю одежду можно снять. Каково же было удивление всех, когда они увидели под лохмотьями великолепные наряды мадам Цукеркот и мадам Гороховской. Сапожник при виде таких обстоятельств сам снял с себя рваный сюртук, а гармошка уже вытряхивала из его мешка бутылки с керосином и спички.

– Друзья мои!!! – Воскликнул петушок. – Наши гости пожаловали к нам под личиной оборванцев, и не просто так пожаловали! В их суме оказались зачем-то бутылки с керосином и спички, да и сами они на оборванцев, как видите, совсем не похожи. На них приличные одежды, да и на живущих впроголодь людей, они не тянут!!!

– Это не керосин, а вода. – Перебила петушка мадам Цукеркот. – Мы её взяли, чтоб жажда не мучила.

– Ах, жажда! – воскликнул Михайло, – так звали одного из парней. – Тогда докажите, что это не керосин и сделайте по глоточку!

Мадам Цукеркот наотрез отказалась пить содержимое бутылки.

– Вот вам и доказательства, – сказал студент, усмехаясь.

– Что с ними разговаривать! – крикнул другой парень, которого звали Василий, – бить их надобно. Вон чего удумали – лучший в городе трактир сжечь!

– А давайте мы их самих сожжём... – предложил нарочно Михайло и подмигнул Василию. И они стали теснить незадачливых поджигателей, делая вид, что сейчас их будут связывать, при этом они корчили страшные рожи.

– Ой! Не надо нас жечь! – взмолились Сёмка, а за ним и мадам Цукеркот с мадам Гороховской и, упав на колени, они рассказали о своём плане, и что теперь они прилюдно отказываются от глиняного петушка, калача и гармошки.

– То-то, – засмеялись хором студенты и расступились, образовав узкий проход, через который, тут же прошмыгнули незадачливые заговорщики и пустились наутёк.

– Улю-лю-у-у, – закричали им вслед и захлопали в ладоши обрадованные парни, а потом ещё долго смеялись, вспоминая отдельные эпизоды.

Обрадованные глиняный петушок, гармошка и калач закатили по этому случаю, совершенно бесплатно, такой пир в своём трактире, что о нём и сейчас люди вспоминают. Потому, как гулять в трактире в этот день не возбранялось никому, ни бедным, ни богатым.

На том и сказке конец. С тех пор глиняной игрушке, гармошке с колокольчиками и калачу с хрустящей

корочкой в городе Саратове почёт и уважение, а глиняному петушку, за находчивость и смекалку, от автора особый поклон.

Саратов, 2019, 8 ноября

Лесной великан Берендей

Случилось это в седую старину на Волге-реке у города Саратова. Вокруг Саратова деревеньки пораскинулись, в них крестьяне живут, жито сеют и скот домашний выращивают, горожан этим хлебом кормят. Только не долго у них такая жизнь продолжалась. Настигла город и его окрестности беда великая – объявился лесной великан Берендей. Ростом, как две высоченные ели, на голове кустарник растёт, усы – что два дуба поваленных, а борода, словно осины вниз вершинами растут, корнями в подбородок вцепились, глаза похожи на две бондарные десятиведёрные бочки, а зубы – пни дубовые в два обхвата. Вот какое было это страшилище - Берендей.

Идёт великан по лесу, всё равно, что человек по лугу. Под ним самые непроходимые чащи, как трава склоняются. На одном плече его ворон сидит, а на другом филин. Ворон по указанию Берендея летает и

впереди местность осматривает и обо всём великану лесному докладывает, а филин то же самое делает, что и ворон, только в сумерки и ночью.

Подошёл Берендей к Саратову и расположился на Волге-реке, на острове, а город данью обложил. Ох! и обжора был этот Берендей. Повелел он горожанам, если те не желают смерти, ежедневно поставлять себе бочку мёда, бочку сала, бочку хлебов только выпеченных, бочку масла и три бочки щей наваристых. И чтоб, когда те щи в городе повара варят, до Берендея бы запах доходил и его душу ублажал и аппетит разыгрывал. Распорядок жизни у лесного великана был особенный. Он три дня ест, три дня спит и три дня песни поёт, да пляшет.

И потянулись к берегу реки со всех сёл и деревень обозы с провизией для Берендея. По деревням народ плачет. Последнее Берендею отдаёт, а на печках их ребятишки с голоду пухнут и кричат: «Тятка! Мамка! Хлебушка хотим! Не отдавайте великану наш хлебушко! Без него мы не бегать, ни резвиться не можем. У нас ножки и ручки высохли, пальчики на руках ослабли, что и ложку не держат». А родители им в ответ говорят: «Что вы, детки, плачете, что вы нашу душу на части рвёте, потерпите немного, Мы и сами голодны так, что в поле работать не можем от слабости. И всё из-за этого Берендея. Всё зерно отправили великану, а ему всё мало, всю скотину

поизвели, а ему всё мало. Может быть, найдётся человек, кто с Берендеем справится и освободит нас!?».

Были в городе и такие, кто не смирился с властью Берендея. Пытались смельчаки подкрасться к великану, чтобы его сонного убить, да ничего у них не вышло. Зорко оберегали от всяких напастей Берендея днём ворон, а ночью филин. Как что заметят, так сразу начинают: Филин ухать, а ворон каркать. Берендей просыпается и съедает того смельчака, кто отважился на него руку поднять.

Однажды не один, а целых десять смельчаков незаметно подплыли к острову на плоту, что их даже филин не увидел. Увидеть то он этот плот увидел, да думал, что это бурелом по реке плывёт, вот смельчаки и очутились на острове. Только им всё равно не удалось Берендея убить из-за чистой случайности. Они уже, обнажив клинки, к его горлу по бороде подбирались и филин их в этом буреломе совершенно не видел.

Залезла в это время к Берендею в одну ноздрю ящерица. Она на ноздрю подумала, что это пещера и решила в ней устроить своё жилище? Ползала она в ноздре, ползала, и так от этого ползания Берендею щекотно стало, что он не вытерпел да как чихнёт. От этого великого чиха все смельчаки, что по его бороде пробирались, в реку попадали, откуда их Берендей выловил и по одному проглотил, и молоком от шести коров запил.

Народ, после этого случая, к губернаторскому дому толпами повалил, кричит, и губернатора вопрошает: «Доколи будем терпеть супостата! Он город и деревни разорил, и ему всё мало!!» Губернатор на площадь к народу вышел и говорит:

– Велика беда у нас, больше этой беды и придумать нельзя. Указ мой такой. Если кто из смельчаков сыщется и победит Берендея, то будет этот человек самым почётным жителем города и всю свою оставшуюся жизнь ни в чём нужды знать не будет. Горожане будут его кормить, поить, обувать, одевать и даже чарку вина ежедневно подносить.

И совсем плохо бы пришлось городу и сёлам, и, наверное, совсем бы загибли, не случись в то время, когда губернатор свой указ объявлял, быть на площади глиняному петушку, гармошке с колокольчиками и калачу. Услышали они про такую беду и про указ и говорят меж собой: «Давайте подумаем, может быть, чем и поможем городу?»

– А чем мы поможем? – восклицает калач. – У нас нет ни меча острого, ни пики, ни щита, и не приспособлены мы для сражений. Я их просто в руках никогда не держал. Да и вы тоже, как я знаю, ратным делом не занимались.

– Это точно, – поддержал его петушок, – я как-то не подумал.

– А вот я подумала, – пропищала гармошка с колокольчиками.

– И что ты предлагаешь? – спросил калач.

– Слышите, как на острове Берендей поёт, а скоро выпьет вина и плясать начнёт?

– Говори толком, – обозлился петушок. А то ходишь всё вокруг да около.... Поёт... Пляшет... Сами слышим, не глухие...

Гармошка на такое замечание только улыбнулась и продолжила. – Как вы не понимаете? Он же без музыки поёт и пляшет.

– Так подыграй, чтоб Берендею веселее было, – съязвил петушок.

– И подыграю. Только надо так подыграть, чтоб Берендей в пляске остановиться не мог. Чтоб он плясал до тех пор, как упадёт от изнеможения.

– А ты так можешь? – спросил недоверчиво калач.

– Не знаю. Мастер, который меня делал, говорил, что в моих колокольчиках особая сила заключена. Покуда они звучат – пляшущий остановиться не может.

– А ты так играть пробовала? – опять спросил калач.

– Нет, не пробовала, – виновато проговорила гармошка, – точнее, я в стаде козликам плясовую играла. Так, они плясали и танцевали, без отдыха. Может быть, они так бы и долго плясали, не знаю, только я сама быстрее их устала. Вот и всё.

– Этот опыт сомнительный, – задумчиво проговорил петушок. – Если б ты играла, а они все от усталости

попадали, тогда другое дело. Тут же ты сама чуть от усталости не упала.

– А я думаю, что надо попробовать, – перебил петушка калач, – другого выхода всё равно нет.

– Я же говорю, что пока я играла, и звучали мои колокольчики козлята не переставали плясать, значит и Берендей будет плясать, – уверяла друзей гармошка.

– Ты, гармошка, начинай играть, а там увидим, что делать, – согласился с доводом гармошки петушок.

– У нас получится... Запляшется басурман. – уверенно проговорил калач. – Пошли на берег. – И все трое поспешили на берег реки.

Когда они пришли на берег Волги, Берендей уже бросил петь и его, от выпитого вина, потянуло в пляс. Он плясал, а от содрогания земли по реке ходили большие волны, и макушки церквей в городе раскачивались. И вот, когда Берендей уже от пляски достаточно устал, с берега донеслась плясовая музыка, с ударами колокольчиков, и Берендею от этих звуков захотелось ещё плясать и плясать.

Высоко поднимая ноги он плясал и припевал:

Съел баранов десять штук

И ногою топнул,

Три бочонка молока

И чуть-чуть не лопнул.

Хороша в реке водица
Освежает и бодрит
У меня от вида града
Разгорелся аппетит.

А гармошка с колокольчиками всё играла и играла. Берендей уже устал плясать, а остановится – никак не может. Наконец он взмолился: «Перестань играть. Смилуйся надо мной. Я остановиться не могу. Ах, эти проклятые колокольчики!!! Ах, эта проклятая музыка!!!»

Не только Берендей устал, но и гармошка устала и уже едва растягивала мех. И может быть, вся затея друзей закончилась бы ничем, если бы не петушок. Увидев, что гармошка от усталости едва ударяет молоточками, он подскочил к ней сзади, ловко продел крылья в ремни и стал помогать растягивать мех. Музыка зазвучала веселее, темп игры увеличился. Теперь гармошка только управляла клавишами, а глиняный петушок тянул и тянул мех туда и обратно. Берендей уже не пел залихватские частушки, а едва поднимал ноги и, всхлипывая, проговаривал:

Ах, зачем я народился
Зачем к городу пришёл
Видно бес в него вселился
Здесь я смертушку нашёл...

Гармошка же и петушок с двойной силой продолжали играть и играть. То один мех растягивает, то другой, то один на клавиши нажимает, то другой. Они уже оба устали, а Берендей всё не падает. И тут калач, глядя на измождённых товарищей, догадался, что надо делать. Он быстро отломил кусок от своего левого бока и бросил петушку, затем такой же кусок калача от правого бока полетел в рот гармошке. Музыка сразу зазвучала быстрее, у петушка и у гармошки появились силы. Каждый из играющих подумал: «Ах, какой молодец калач! Как он вовремя сообразил, что надо подкрепить нас. Без его догадки мы бы от усталости упали на берегу и умерли от изнеможения раньше великана».

А калач всё подкармливал и подкармливал своих друзей. То одному кусочек, то другому, пока сам не стал таким тонким, что и на калач перестал быть похож, а похож стал на какой-то гриб с тонкой ножкой. Однако, в это время он думал только об одном: «Если Берендей продержится хотя бы десять минут, то я должен буду прыгнуть сам играющим в рот, но только, чтобы они довели дело до конца и уже намеревался это сделать, как Берендей, последний раз поднял одну ногу, затем вторую, глаза его закатились и он рухнул на землю бездыханный».

После того, как Берендей издох от пляски, сразу упали от усталости и заснули крепким сном и глиняный

петушок, и гармошка, и калач. Спали они долго. А пока они спали десять искусных хлебопеков, принялись за починку калача. Они неведомо как нарастили ему бока, починили коричневую корочку и когда калач проснулся, то даже не заметил своей новизны.

За время, пока друзья спали, губернатор распорядился спасителей города перенести в городской замок и поместить в самую красивую комнату, положить на самые мягкие перины, которые только могли найтись в городе.

Друзья спали целую неделю, а когда проснулись, то не увидели уже Берендея, волжские волны унесли его тело в море, а на острове была видна только истоптанная трава да поломанный кустарник. Народ, после исчезновения Берендея стал воспевать трёх друзей спасших город. Он сложил о них песни, былины и сказки. Горожане даже поставили героям в городе скульптуру с надписью:

«Глиняному петушку, гармошке и калачу СЛАВА». Слово «слава» было написано крупными буквами и его было видно издалека. На том и сказке конец. Глиняный петушок, гармошка с колокольчиками и калач по сей день живут в городе Саратове и как обещал губернатор – ни в чём нужды не знают.

Саратов, 2019, 30 ноября.

ЧЕГО ОКО НЕ ВИДЫВАЛО, УХО НЕ СЛЫХИВАЛО И ЯЗЫК НЕ ОЩУЩАЛ

Жил был в деревне, близ города Саратова, старик и было у него три сына. Старший сын и средний были женаты, а младшенький, Ивашка, жениться даже не думал. А если б он и захотел, то кто за него в деревне в жёны пойдёт? Старшие братья в поле работают, а Ивашка целыми днями на печи лежит, на гармошке играет, или из глины игрушки лепит, в них сам играет и с ними разговаривает. Дурачок, и всё тут.

Снохи на Ивашку злятся и ругаются. Старшая сноха говорит: «Экий арысина вырос, а помощи никакой, всё бы на гармошке с колокольчиками тренькал. Скоро все с ума сойдём от звона этих колокольчиков. «На печь залезть нельзя, – вторит другая сноха, – глиной от игрушек измажешься». Снохи уж эту гармошку прятали, игрушки его глиняные скалкой разбивали, только всё одно – гармошку находит, игрушки снова лепит и радуется, и зла ни на кого не держит.

Особенно нравилось Ивашке, когда снохи калачи начинали печь. Тогда он улучит момент, спрыгнет с печки, хватъ готовый калач и снова на печь. После этого снохи брались за Ивашку по-настоящему. Возьмут в руки одна полотенце, а другая сковородник и давай Ивашку со всех сторон охаживать и приговаривать: «Не

воруй! Не воруй, а в поле и на подворье работай! С братьев пример бери». Они бы давно с Ивашкой счёты свели, да боялись свёкра. Старик за Ивашку заступался и особо своевольничать снохам не давал.

И вот умер старик. После похорон, выставили снохи Ивашку за дверь и сказали: «Иди куда хочешь, дурак. Вот тебе на дорогу сума, а в ней твоя дурацкая гармошка, твои дурацкие игрушки и вот тебе калач, чтоб с голодухи сразу не помер или назад не воротился. А так, глядишь, всё подальше уйдёшь и не вернёшься». «Спасибо и на этом», – ответил Ивашка и пошёл со двора, куда глаза глядят.

Долго ли он шёл, коротко ли, только чувствует, что проголодался и сел на пригорке поесть. Взял калач и только хотел кусочек отломить, как слышит: «Не ешь меня, Ивашка, я тебе целый буду нужен; добрую службу тебе сослужу». «А что же мне есть, лапти что ли? – спрашивает Ивашка, нисколько не изумившись тому, что калач оказался говорящий. Однако ломать его не стал, сунул в суму и дальше пошёл.

Шёл, шёл, только голод не тётка, каждую секунду о себе напоминает и вот, когда стало от голода невоготу, проговорил вслух: «А продам-ка я глиняные игрушки, куплю на эти деньги еды, тогда и калач ломать не надо будет». «Ой, ой! Не надо нас продавать, – слышалось из сумы, – мы тебе, Ивашечка, пригодимся».

«Что за напасть такая? – говорит Ивашка. – Одного есть нельзя, других продавать нельзя, чтоб поесть.

Осталась одна гармошка, она одна молчит и не отговаривается». «И несколько я не молчу, - слышалось из сумы. – Я очереди своей для разговора жду». «Можешь не продолжать, – проговорил зло Ивашка. – То же самое поди скажешь, как и они, что ты мне годишься». «Конечно пригожусь и не меньше других – утвердительно сказала гармошка. – Потерпи, Иваашка, скоро всё образуется».

«Об-ра-зу-ет-ся, – недоверчиво произнёс Ивашка. – Это по-вашему образуется, а по-моему в животе у меня скоро ветер свистеть будет. И ничего там кроме него не образовывается. Хоть бы горбушку от каравай да полкринки молока съесть».

Закинул Ивашка суму на плечо и дальше пошёл. Идёт, голод терпит.

Долго ли он шёл или коротко, только приходит он в столицу на центральную площадь и, видит – на ней множество народа собралось. Посреди помост стоит. На помосте человек громким голосом грамоту царскую зачитывает.

ГРАМОТА

Я царь всея Руси Спиридон, объявляю подданным свою волю царскую. Выдаю я любимую дочь замуж, но не за дворянина, не за боярина, а за всякого молодца, но с одним условием: пусть этот молодец принесёт мне то, чего око царское не видывало, ухо не слыхивало, и язык не ощущал. Кто царю это принесёт

и об этом объявит, того и царская дочь женой будет. А коли принесёт и царь это уже видывал, такое слыхивал, и то языком ощущал, значит класть тому молодцу голову на плаху. Как говорится – хотел сорвать куш, да оказался не дюж.

Надо сказать, что царь Спиридон был скуп и уже не раз в течение нескольких лет объявлял такие указы. Навезут ему добрые молодцы со всего света пряности разные, попробует царь, одно, другое и скажет, что это для него не новость, знает эту пряность, вкушал и того молодца раз и на плаху. Другой искатель руки царской дочери принесёт музыкальный инструмент с интересным звучанием. Послушает его царь и головой отрицательно помотает, слышал, мол. И этого молодца на плаху, а инструмент в царскую сокровищницу. Следующий - удивительные по своей красоте бусы и всякие женские украшения преподнесёт. И у него та же участь, а украшения в царскую сокровищницу.

Дело дошло до того, что царская сокровищница стала полна. Все сундуки добром заполнены, а царю Спиридону всё мало. Вот и на этот раз царский указ прочитан, а никто из толпы не выходит и царю в ноги не кланяется и не клянётся, что выполнит царскую волю, потому как каждый понимает, что царская воля обманчива.

Ждёт царь-Спиридон минуту, другую, третью, а никто не выходит и челом царю не бьёт, и выполнить условия

не обещает. Нахмурился Спиридон, посохом в землю стукнул и говорит:

– Это вы так царскую волю попираете! Это вы так царскую дочь позорите и мои седины срамите! Да у неё каждый волос десятка ваших жизней стоит. – Обвёл глазами толпу и приказал стражникам схватить первых попавшихся пятерых юношей и поставить перед ним, – будут женихами. Слуги побежали, первых попавшихся схватили и перед царём поставили. В их число попал и Ивашка, потому, как в первый ряд протиснулся, чтобы царя рассмотреть получше.

– Откуда ты будешь? – спрашивает царь Спиридон Ивашку.

– Мы из-под Саратова, из деревни, – отвечает Ивашка.

– И чем же ты, мил человек, можешь царя изумить и порадовать?

– Да ничем, батюшка царь, не смогу вас ни изумить, ни порадовать. В дальних странах я не был, яств заграничных не едал. Диковинок тоже никогда не видывал. Для меня и столица в диковинку. Усладить ваш слух тоже нечем, разве что могу на гармошке побренчать.

– Эка невидаль, гармошка, – говорит царь Спиридон, – их мне целую дюжину со всех концов света женихи натащили. А ты бы лучше за море сходил и там чего интересное поискал, может быть чего и найдёшь, то, что

моё око не видывало, ухо не слыхивало и язык мой царский не ощущал.

– У меня даже стольких лаптей нет, чтоб за море хаживать, – отвечает Ивашка.

«Вот мужичина, – заговорили обступившие их вельможи. – Посылает царь дурачину за границу, а он про лапти толкует. Ха-ха-ха!!! Лаптей, знаете-ли, не сплёл. Лаптями бы хоть попробовал удивить. Вот умора. Право, умора. Чего ещё от мужика ждать...»

– А знаешь ли ты, Ивашечка, что я должен за это с тобой сделать, что ты царскую волю не хочешь выполнять? – спрашивает царь Спиридон.

– Знаю, Ваше царское величество, – казнить вы меня должны. Я покорен вашей воле. Правда, я царицу в жёны брать не хотел и в очереди, как вам известно, за этим не стоял. А так как ваше слово – закон, то прошу перед казнью исполнить мою последнюю волю. Это похристиански.

– И что это за просьба такая? – спрашивает Спиридон.

– Прошу, Ваше царское величество, подать мне мою суму дорожную, хочу я напоследок чуток нашего домашнего хлебца откусать, да на свои самоделки в последний раз полюбоваться, и произвести какие-никакие перезвоны, что душе моей милы, а уж там и казните, бог с вами.

– Не разрешайте, государь! – слышался голос воеводы. – Охота нам тут его чавканье мужицкое

слушать. Откушать он, видишь-ли, хочет мужицкого хлеба напоследок, да на самоделки, топором рубленные, или, поди, из глины слепленные посмотреть. Одно слово – мужик, – заключил воевода.

– Дудками нас тоже не удивишь. А больше ничего мужик и не может, – добавляет первый министр.

– Цыц, наушники! – Топнул ногой царь Спиридон. – Велю дать Ивашке его суму подорожную, пусть перед смертью порадуетя.

Суму сразу подали. Достал Ивашка из сумы глиняные игрушки и давай в них играть, да с ними разговаривать. А игрушки до того хороши, что глаз не оторвать. Увидела царевна в окно светёлки, что пред Ивашкой на траве что-то лежит и всеми цветами радуги переливается, и в глаза искрами брызжет, не утерпела, на площадь прибежала, и сразу к Ивашкиным игрушкам. Смотрит, любитя, в руки берёт. Спрашивает:

– Это где такую красоту делают?

– У нас в Саратове делают. – Отвечает Ивашка. – Да хоть возьми мою деревню. У нас всяк игрушки лепить умеет.

– И ты умеешь? – спрашивает царевна Ивашку.

– Умею... Эти игрушки я сам сработал.

– Сам?! – удивилась девушка.

Царь Спиридон тоже в руки игрушку взял, дивуется и говорит:

– Какие красивые и душевные вещицы. Такого мне никто и никогда из-за океана не привозил. Вот уж что не видывало царское око, то не видывало.

– Так у них там, за морем, царь батюшка, такого и нет, – просто говорит Ивашка.

– Думаем, что он купца какого-нибудь ограбил, что из дальних странствий возвращался, – вставил самый толстый вельможа.

– Что на это скажешь? – спрашивает царь Ивашку.

– Наговаривают на меня, царь батюшка. Они такого не видели, потому что из столицы в сёла никогда не выезжали и не знают, что их мужики умеют делать. Я и сам вам какую хотите игрушку слеплю. У нас в деревне их каждый умеет лепить. У меня даже глина с собой есть.

– Слепи, Ивашечка, мне чего-нибудь, – просит царевна.

Достал Ивашка из сумы кусок глины и раз, два – слепил царевне игрушку. Потом попросил у царевны заколку из волос, что бриллиантами блистает, и такие ей рисунки этой заколкой на игрушке сработал, что диву можно дать.

– Вот видите, – говорит царь грозно, повернувшись к вельможам, – не знаете вы свой народ, дармоеды. Привыкли к заграничному...

Вельможи сконфузились, молчат и только зло на Ивашку поглядывают.

– Тогда разрешите мне ещё своего хлеба перед смертушкой откусать, – говорит Ивашка, – а сам из сумы калач достаёт и кусок отламывает.

«Что? Что это? Что такое!?» – задвигали носами вельможи, принюхиваясь.

– Что ты ешь, Иваша? – ласково спрашивает Царь Спиридон. – Уж больно запах вкусен и мне ранее неведом. Может быть, мне дашь попробовать?

– Можно и дать. – Сказал нехотя Ивашка, отломил и дал по куску царю и царевне. Остальное из рук Ивашки вельможи выхватили и стали свои рты набивать, да заморских кондитеров хвалить и всё про то же говорить, что мужицкий сын купца де убил и теперь они не узнают в какой стране убиенный купец это кушанье купил.

– Что вы заладили! Купца убил... Купца убил, – говорит Ивашка, обращаясь к вельможам. – Да нигде этот калач не покупался и никого я не убивал. У нас в деревне каждая хозяйка по праздникам такие калачи выпекает. Возьми хоть моих снох. Они хотя меня и тузят, то ухватом, то сковородником, однако на дорогу калач дали. – И улыбнулся. – Калачи у них отменные получаются, одно слово – мастерицы-ы-ы.

– Удивил ты меня во второй раз, – проговорил царь.
– Стало быть, эту вкуснейшую еду снохи твои состряпали?

– Как есть, они. Батюшка царь.

– В жизни такого лакомства во рту не держал, – говорит царь Спиридон, – пережёвывая ломоть калача. Вот уж воистину такого мой язык никогда в жизни не ощущал. Как бы вместе с калачом и язык не проглотить.

– Что, понравилось!? Батюшка царь, – весело говорит Ивашка.

– Очень понравилось, Ивашечка, очень.

А Ивашка, увидев, что от калача и крошек не осталось, достал гармошку с колокольчиками, да как растянет мех, да как нажмёт на лады, да как вдарит в колокольцы.

«Что это!? Что так красиво и игриво звучит?» – спрашивают друг друга придворные, а сами ногами притопывают в такт музыке и всё чаще и чаще. Царь тоже ногами задвигал, глядь уже вприсядку пошёл, коленца выкидывает. Тут уж, даже тот, кто стоял в дальних уголках площади не мог на месте устоять. Вельможи тоже животами заколыхали и уж через минуту другую стали сбрасывать с себя дорогие шубы, чтоб пляске не мешали. И до того расплясались, что царь стал просить Ивашку остановиться, потому как люди от усталости на снег стали валиться и продолжали лёжа ногами в такт музыке дрыгать.

– Ух, развеселил! Такой музыки моё ухо отродясь не слыхивало и такого весёлого инструмента я не встречал. Вот, бестия, где ты такую гармонию взял?! – спрашивает царь Ивашку.

«Не иначе купца ограбил, что из заморских стран возвращался и гармонь вёз», – говорят царю вельможи, поостыв от пляски и снова водружая на себя дорогие шубы.

– Отвечай, – говорит царь Ивашке, вытирая платком пот со лба пот. – Народ спрашивает и на тебя суд наводит.

– А что отвечать!? – весело говорит Ивашка. – У меня братья ещё лучше гармошки с колокольчиками умеют делать, они и звучат лучше, и перебор у них приятнее. Только делают мало. По вечерам, жёны прядут, а они гармошки клепают. У нас в Саратовской земле и не такое можно увидеть.

– Значит, гармошки тоже в Саратовской земле делаются?! – изумилась царевна.

– А где же ещё. Я за границей отродясь не был.

«Не верьте этому мужику, батюшка, – говорят чуть ли не хором придворные. – Купца он убил. А потому он убил, что у нас в царстве такого, чего за границей есть, никогда не было, нет и быть не может. Стало быть, преступление налицо».

А царевне уж больно Ивашка понравился. Не было у неё раньше таких женихов. Много всяких было, и из

луков стреляли хорошо, и на кулаках бились, и на лошадях верхом скакали, и на мечях сражались. Только это всё не то. Руками-то они делать стоящего ничего не умели. Царевна рядом стоит, плачет, по Ивашке слёзы льёт, а царь Спиридон думу думает, как с Ивашкой поступить. Не хочет он за простолюдина царевну отдавать. «Казнить бы его, – думает, – тогда и вопросов никаких. А с другой стороны, как же казнить, когда он сам царь всея Руси признался перед всем честным народом, что то, что Ивашка показал, он и не видывал, и не слыхивал, и языком не ощущал. Тут дело не простое. И так народ говорит, что я из-за жадности парней гублю».

Рядом вельможи царю шепчут: «Нельзя, чтоб Ивашка вашим зятем стал. Тогда мы должны будем с ним за одним столом сидеть, кланяться...»

– Цыц! Охолоньте, – прицыкнул на них Спиридон... – Позвать звездочёта, пусть рассудит, – приказал царь.

Привели звездочёта. Посмотрел звездочёт на игрушки, что у Ивашки были и какие он только что сделал, послушал, как он на гармошке играет и говорит:

– Ты хотел царь-батюшка видеть то, чего око не видывало. Вот и увидел. И больше того увидел. Узрел не только чудные поделки, но и мастера, что игрушки сделал, он же является твоим подданным. А это больше чем поделки.

Затем звездочёт послушал Ивашкину игру на гармошке и говорит:

– Ты, батюшка-царь, не только услышал прекрасную музыку на неведомом инструменте, но узрел и мастера, который умеет на этом инструменте играть. А это больше чем просто инструмент. Славно то, что гармонь делается в твоём царстве.

«А калач... Калач... Про калач-то сказать нечего, – стали говорить вельможи, – Ивашка его не пёк».

– Ивашечка, кто у вас в деревне печёт такие калачи? – спрашивает царевна.

– Да, почитай, в каждой избе по воскресеньям пекут, – просто отвечает Ивашка. – Этот калач жёнки моих старших братьев испекли и в дорогу мне дали.

– Вот видите, – продолжил Звездочёт, – Эти калачи в саратовском крае всяк печёт, а не избранные хлебопёки. Стало быть, саратовский калач, это больше чем калач, это ещё и наука его выпечки, которым обладают твои подданные, а не изделие, привезённое из-за границы. – С этими словами звездочёт, поклонившись царю, отошёл в сторону.

Выслушав звездочёта, царь Спиридон говорит: – Повелеваю! – пусть Ивашка женится на царевне, пусть Ивашкины снохи мне по воскресеньям калачи пекут, а сам Ивашка пусть игрушки лепит и на гармошке с колокольчиками играет. Братья его пусть гармошки с колокольчиками делают и народ веселят. – После этих слов стукнул царь Спиридон посохом в землю и встал. Народ царю в пояс поклонился.

На том и сказке конец. С тех пор прошло много времени, но до сих пор в Саратове делается прекрасная гармошка с колокольчиками, выпекается вкусный калач и лепятся глиняные игрушки с особым штамповым декором, что и глаз не оторвать.

Саратов, 2019, 12 сентября.

БЕРЕВЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ С ЗОЛОТЫМИ ПЛАВНИКАМИ

Решил Змей-Горыныч завоевать русское царство. Знает Горыныч, что ни дед его, ни отец, ни он сам – никто за тысячу лет не мог раз и навсегда его покорить. Налетит кто-либо из змеиного семейства на Русь, войско царское разобьёт и ну свои порядки устанавливать, дань налагать. Дед Змея-Горыныча, дань молодыми девушками брал и их целыми дюжинами проглатывал; отец – так тот непременно зерно отбирал, коров и овец, а уж сам Змей-Горыныч любил детишками малолетними живот набивать. Проглотит их живьём, и они у него ещё долго в животе плачут и отца с матерью зовут, чтобы их спасли.

И вот какая штука непонятная с такими завоеваниями происходила. Вроде бы уже и русское

царство покорят, и данью обложат, а не тут-то было, обязательно в земле русской найдётся богатырь, что змея не побоится и выйдет с ним на бой. Да хоть возьми того же Никиту Кожемяку. Мял он там себе кожи и мял, и Змей-Горыныч, ему нисколько не мешал. Так нет же, простой мужик, а пошёл за свою землю биться. Горыныч потом сто лет от этого Кожемяки на дне морском в себя приходил. И вот, когда он от побоев Кожемякиных оправился, то решил уже такой ошибки в завоевании русского царства больше не совершать, напролом не лезть и на силу свою не надеяться. Захотел змей одолеть русское царство иным способом.

Правил в это время в земле русской царь Тимофей. Был он человек добрый, простодушный, неспесивый, обременительный оброк на крестьян не накладывал, министрам велел жить тихо и смиренно, особо своих жён не наряжать, лишних нарядов не заводить и народ этими нарядами и собственными дворцами и экипажами не злить, а иметь всё по разумной достаточности, как православная вера велит. Народ был царём Тимофеем доволен и потому не бунтовал. Министры же царские наоборот, царя Тимофея за то, что он им пышно жить и расхищать государственное добро не позволял, не любили и между собой злословили.

Разумеется, царь каждому человеку в государстве приказы не отдаёт, а отдаёт их министрам, а уж те эти

приказы выполняют. Вот Змей Горыныч, пользуясь доверчивостью и простодушием царя Тимофея, а ещё больше нелюбовью к нему министров, решил хитростью переманить на свою сторону в русском царстве влиятельных царедворцев и министров, для того чтоб они Горыныча указы выполняли, а не царя Тимофея. Для выполнения этого плана, он пригласил Бабу Ягу и приказал ей собрать всех сорок, которые только в небе летают, и представить их ему для беседы.

Наутро все сороки были собраны. Трескотня стояла невероятная. Вышел к ним Змей-Горыныч и говорит: «Летите сороки в русскую землю и рассказывайте там всему народу и особенно министрам и царедворцам о том, как хорошо живётся в царстве Змея-Горыныча. Говорите, что в земле его колосья пшеницы, ржи и овса в человеческий рост вырастают. Из одного колоса можно хлеб испечь. А лошадей и коров столько, что лугов не хватает, чтоб их пасти. Каждая корова по целой бочке молока за раз даёт. Мёд и масло в его царстве не переводятся и всё потому, что Змей-Горыныч правитель просвещённый, грамотный, науку уважает и о своих подданных заботится. Поняли!?

– Поняли! – кричат сороки.

– Только смотрите не говорите, что все эти богатства я грабежом других стран нажил, головы посворачиваю, – и пальцем погрозил. – А о государстве царя Тимофея трещите, как о допотопном, убогом, бедном и человеконенавистническом. Будете так говорить – я в

долгу не останусь. Понятно!!?» «Та-к то-ч-но, ва-ше Зм-ее-вы-со-че-ст-во!!!» – протрещали тысячи сорок и полетели в русскую землю приказ змея выполнять и тень на плетень наводить.

После того, как сороки разлетелись, Змей-Горыныч говорит Бабе Яге: «Молодец Ягуда, что сорок собрала! Сороки птицы хвастливые и ума недалёкого, прибавлять любят к сказанному. Это дело ты для меня сделала, сделай и другое, секретное. Превратись-ка, Ягудочка, в красивую девушку и преподнеси царю Тимофею вот этот платочек, гладью вышитый. Он колдовской. Как только царь Тимофей платочек в руки возьмёт, то и голову потеряет. Ему будет не до министров и не до царства своего. Твоей руки просить будет – ты не отказывайся, в жёны к нему иди, рядом с царём будешь.

Когда станешь царицей, то никого кроме себя к Тимофею не допускай, потому как, расколдовать могут; сама министрами его руководи. Да будь с ними поласковой, золотом ублажай. Министры во всех царствах вороватые, да жадноватые и Тимофеевы министры в этом не исключение. Поняла??»

– Поняла, поняла... Я, сам знаешь, понятливая, – быстро проговорила Баба Яга. – Всё сделаю, как велишь, Горынюшка мой. Только я не за Тимоху - царька замуж собираюсь, а за тебя, чтоб стать владычицей змееносной.

– Будешь, будешь, милая Ягуда, владычицей змееносной, – заверил Бабу Ягу Змей Горыныч. – Ты мне главное – дело состряпай. Ох, и заживём мы тогда!!!

– Не беспокойся, Горыныч, Бабка Ёжка своё дело знает, не подведу, не впервой! – И баба Яга улетела.

Как видите, Змей Горыныч называет Бабу Ягу ласково Ягудой и даже Ягудочкой, а она его Горынюшкой величает. Вот два сапога-пара. Посмотрим, что у них дальше из их затеи выйдет. Распланировал Змей-Горыныч хорошо, знает, что министры у царя Тимофея вороватые и на золото падкие, и если им золото дать, то не только царство, а и отца с матерью продадут.

Летают по Руси сороки Змея-Горыныча и всем рассказывают о том, как в змеином государстве все люди живут счастливо и жизнью наслаждаются. А у царя Тимофея нет в государстве порядка супротив царства Змея Горыныча. Да и сам царь Тимофей пить стал, молодицу в жёны взял, Ягудой зовут. Царь Тимофей её Ягодкой называет, и никуда без неё не ходит и не ездит, во всём ей доверяет. Ягуда все бумаги царские подписывает и царской печатью скрепляет.

Министрам же царским от многих сорочьих разговоров очень захотелось посмотреть змеиное царство и узнать – правду ли о нём сороки толкуют, что там так хорошо. Они к Ягуде с поклоном пришли и

просят: «Уговори, мать родная, царя, чтоб разрешил нам съездить за границу и одним глазком посмотреть на змеиную землю, на царство его, больно уж хороши, говорят, его земля и царство!»

– Поезжайте, поезжайте, родные, – ласково говорит Ягуда министрам. – Я царя Тимофея уговорю, как только он проснётся. Не сумлевайтесь.

– Спасибо! Заступница наша, – хором сказали министры и поехали наперегонки за границу. А как только они туда приехали, то Змей Горыныч и стал их обольщать. Возит он министров по ресторанам, дорогие украшения их жёнам дарит. Тимофеевым министрам лучшие экипажи подают, вино дорогое в бокалы наливают, награды на них сыпятся, слуги Змея Горыныча им низко кланяются ...

– Эх, хорошо у Горыныча живётся! – говорят министры, – лучше, чем у царя Тимофея. Здесь тебе и почёт, и уважение, и вольности всякие, что царь Тимофей нам не позволяет.

Только они это произнесли, а Змей Горыныч тут как тут. Говорит им:

– Будете мне служить, то до конца своих дней станете жить так, как сейчас у меня живёте!

– Хотим так жить! – отвечают министры.

– А раз хотите, тогда, поезжайте на Русь и выполняйте указания Ягуды, молодой жены царя Тимофея. И нисколько ей не перечьте. Её слово для вас

закон! Поняли!?!?

– Поняли! Как не понять... – отвечают министры.

– А чтоб ещё лучше поняли, вот вам по золотому ордену, а жёнам по серьгам самоцветным.

Все министры взяли и ордена, и серьги для жён, а военный министр не взял, в сторону отошёл.

– Почему из лап моих награду не берёшь? – спрашивает Змей-Горыныч министра.

– Не к лицу мне военному министру брать награду от лютого врага русского царства, – отвечает министр.

– А зачем тогда приехал? Шпионить?!

– Врага надо знать в лицо, с этим и приехал.

– Умён ты, министр, но дерзок, – говорит змей. – Понравилось мне, что ты Родину не продаёшь. Хоть ты мне и враг, но мужество я ценю, потому убивать тебя не буду, а скажу Ягуде, чтобы сослала она тебя в самую, что ни на есть, дальнюю деревеньку, что на Руси имеется. Будешь там землю с мужиками пахать, да свиней пасти и радоваться тому, что жив остался.

Другие же министры обрадовались наградам, поклонились Змею Горынычу в пояс и домой, в Москву, поехали. А как только они приехали, и стали по слову Змея Горыныча обязанности исполнять, то в русском царстве сразу неурядица пошла. Например, надо отправить обоз с кожами из Москвы в Киев, а его отправляют в противоположную сторону, в Казань. И

так во всём. Возят этот воз по стране, возят, да так за бесценнок Змею Горынычу и отдадут.

Змей Горыныч, понимает, что это его хитрый план срабатывает. Раньше он дань с Руси силой собирал, а теперь воевать с царём Тимофеем и проливать кровь змеиную не надо, дань сама в руки Змея Горыныча идёт, где кожами, где мехами соболиными, где скакунами. Змей только Тимофеевых министров похваливает, да щедро награждает, а особо отличившихся своими подданными сделал и даже замки им разрешил в своём царстве купить, потому как жёны, особо отличившихся, совсем не захотели в своём отечестве жить и тут же к змею Горынычу переехали.

Воинство же царя Тимофея Горыныч до того довёл, что дальше некуда. Новый военный министр всё войско разорил. Захочет царь Тимофей войско собрать, отдаст приказ, а воевода только позёвывает и войско собирать не спешит. Воевода на этот счёт десятки отговорок находит, то лошади у конницы без сёдел, то копыя не точены, то овса лошадям не завезли. В результате, если раньше войско собиралось за пол-дня, то теперь его собрать и двух недель не хватает. Военных учений министр тоже не проводит говоря: «А чего их проводить. Лишний раз скакать – только подковы стирать. Казне убыток». А сам в это время подсчитывает, сколько ему змей за такое руководство войском золота даст.

Покатилась эта беда от столицы по всем землям Тимофеева царства. Услышали о ней в саратовской земле глиняный петушок, гармошка с колокольчиками и хлебный калач. И не от людей услышали, а от самого опального царского воеводы, которого к ним в деревню Малую Крюковку сослали, чтоб пахал и сеял, и как простой мужик жил. Послушали друзья рассказ воеводы и решили избавить страну от этого горя. Стали они думать, как царя расколдовать и как министров заставить не Змею служить, а своему государству русскому. Думали они, думали – так ничего и не придумали. Решили обратиться за советом к Ворону, что тысячу лет живёт на дубе и всё знает. Люди добрые подсказали, где тот дуб растёт.

Пришли они к тому дубу и говорят ворону: «Полонена русская земля не мечом, а обманом и хитрым планом. Как этому горю помочь?»

– Не знаю, отвечает ворон. – Только все ходят и ходят, спрашивают, и спрашивают. Всем то, то скажи, то это; никакого покоя, думать мешают. Двести лет назад приходил Иван-царевич, а пятьсот лет назад заезжал Соловей-разбойник. И всё ходят и ходят, спрашивают и спрашивают, и никак не угомонятся. Будто ворон – справочное бюро! Лучше сходите к реке, на которой Саратов стоит. В реке той живёт царь-рыба – серебряная стерлядь с золотыми плавниками, у неё спросите, она

знает, – и ворон повернулся хвостом к посетителям, говоря тем самым, что разговор закончен.

– Спасибо, Ворон, – проговорил калач. – Помог ты нам. Знаем теперь куда идти и что делать. Будь добр, прими от нас небольшой подарок, и он кивнул глиняному петушку и гармошке. Гармошка сразу заиграла плясовую, петушок стал плясать и коленца выкидывать, а калач отломил от своего бока и подал ворону частичку калача.

Повеселел ворон, услышав игру на гармошке и увидев задорный перепляс петушка. А уж, когда он отведал калач, то и совсем, передом к посетителям повернулся и даже на суку, где сидел, приплясывать стал. После выступления друзей, похлопал в знак благодарности крыльями и проговорил:

– Тысячу лет меня никто так не веселил, тысячу лет я такого не едал. А теперь скажу так. То что я вам сказал – это не вся правда, а только полправды. А почему полправды скажу. – Ну, придёте вы к реке Волге, а дальше что? – и, выждав паузу, добавил, – а ничего дальше и нет. Как увидеть серебряную стерлядь с золотыми плавниками, владычицу всех рек? – вы не знаете, как до неё добраться? – не ведаете. Вот потому это и полуправда, что знать знаете, а взять не можете.

«Так скажи нам, воронушка, скажи, родной, как нам царицу речную увидеть? Мы в долгу не останемся», – стали просить ворона друзья.

– То-то же... Уразумели!! – засмеялся ворон. – Скажу, конечно, скажу. Так вот слушайте. – Как подойдёте к реке, то на берегу увидите лодку с разохшимися бортами. Лодку эту просмолите и на воду спустите. Как только лодка будет готова – плывите на средину реки, там играйте, пойте и пляшите. Та рыбка, что из воды голову высунет, чтобы вас послушать, она и будет горничная серебряной стерляди с золотыми плавниками.

Только увидите эту рыбку, сразу петъ и играть бросайте. Горничная будет вас просить продолжить концерт, а вы не соглашайтесь, говорите, что сыграете и спляшете, только услуга за услугу. Пусть покажет дорогу к царице в пучине речной. И стойте на этом крепко-накрепко. Вот теперь всё. Дальше сами увидите, что вам делать. Идите с богом.

После этих слов трое товарищей поклонились ворону, и пошли на берег Волги.

На берегу реки они нашли лодку с разохшимися бортами, развели костёр и стали её смолить. Закончив работу, они спустили лодку на воду, сели в неё и приплыли на средину реки, где петушок и гармошка стали играть, петъ и плясать. Калач в это время смотрел на воду и ждал, когда над водой появится голова рыбки. И рыбка не заставила себя долго ждать. Её головка с красивым ожерельем высунулась из воды прямо около калача. Калач подал друзьям знак, и они сразу бросили

играть и петь. На что рыбка проговорила человеческим голосом:

– Никогда не слыхивала и не видывала такой музыки, таких песен и такой пляски. Нельзя ли, господа, продолжить ваш концерт, это прелестно.

– А мы закончили, – сказала гармошка, – до свидания.

– Как закончили!?! Я прошу вас поиграть хотя бы ещё немного, – проговорила рыбка.

– Поиграем и попоём, только услуга за услугу, – сказал петушок. – Ты нам за это покажешь дорогу к серебряной стерляди с золотыми плавниками.

– Ах, вам нужно увидеть царицу рек и озёр! – воскликнула рыбка-служанка. – Очень хорошо. Я провожу вас к царице, и там вы покажете ей своё искусство играть, и плясать, она будет рада, следуйте за мной, – и она нырнула в речную гладь.

– Да я же размокну, – испуганно проговорил калач, – Я так не договаривался, чтоб в воду лезть...– Только он это произнёс, как вдруг перед товарищами расступилась водная гладь и они увидели дорогу с водяным сводом и водяными стенами, идущую в глубины речные. Ни сколько не думая, петушок, гармошка и калач вылезли из лодки, и пошли по этому тоннелю.

Дорога уходила всё глубже и глубже, воды перед ними расступались и они шли по водному тоннелю всё дальше и дальше. По бокам и сверху они видели прекрасные картины речного мира, плавающих

больших и маленьких рыб. Рыбки подплывали прямо к кромке водяной стены и изумлённо смотрели на гостей из воздушного мира.

Долго ли коротко ли они шли, только пришли они к удивительному подводному замку, построенному из золотых и серебряных ракушек и украшенному камнями самоцветными. Смотрят – к воротам замка ведёт дорожка лазуритовая. По бокам дорожки цветы невиданные растут.

– В этом замке живёт владычица речная, – проговорила рыбка проводница. – Сейчас ей о вас доложат.

– А как же мы дальше пойдём, сухая дорога кончилась и водяной тоннель тоже? – вымолвил испуганно калач. Он никак не хотел отсыреть в воде. – Нет! Вы, братцы, идите, а я вас здесь подожду. Мне намочить не резон.

– А вы идите, идите, не бойтесь, – подбодрила их рыбка, и петушок первым шагнул из тоннеля на дорожку, прямо в водяную стену.

И вдруг, каким-то непостижимым образом, все трое очутились в, как бы, стеклянных комбинизонах. Вода омывала друзей, но к ним не прикасалась. Откуда-то появились два в человеческий рост окуня в ливреях и шляпах. Они, поклонившись, открыли двери замка, и повели друзей по великолепным залам дворца. Их убранство было настолько необыкновенным и непривычным и в то же время восхитительным, что

друзья замедлили шаг, чтобы всё рассмотреть и запомнить.

Они прошли по перламутровому залу, затем по залу, где были собраны все речные и озёрные водоросли. Некоторые из них испускали непонятный для земного глаза свет, а другие колыхались, хотя вода вокруг была неподвижной. Затем друзья попали в зал, где были представлены речные суда с древности по сегодняшний день. Все суда были в отличном состоянии.

– Это же подводный музей! – воскликнул петушок. Рыбка подтвердила его слова, сказав, что это зал музея подводного речного царства.

И вот они подошли к высоким нефритовым дверям. Перед этими дверями стояли два налима с алебардами. Рыбка подплыла к дверям, что-то сказала налимам, те приоткрыли дверь, рыбка шмыгнула вовнутрь и через две-три минуты вернулась, сказав, что царица готова их принять. В это время двери широко раскрылись, и друзья увидели большой аметистовый зал, в глубине которого на троне изукрашенным кораллами восседала царица речная.

Петушок, гармошка и калач вступили в зал. Перед ними появился какой-то водный вельможа со звёздами на жабрах и спине и громко произнёс в поясном поклоне и жестом в сторону трона: «Её водное величество Стерлядина-осетрина Волжская и всех рек и озёр!!!». И тут друзья увидели царицу совсем рядом. На

троне величественно восседала в серебряном одеянии с золотыми плавниками повелительница всех рек и озёр Стерлядина-осетрина. Серебряное одеяние её было обшито красивой каймой из драгоценных камней, а по золотым плавникам шли платиновые вставки. Откуда не возьмись, появилась стая маленьких золотых рыбок, которые закужились в танце перед тронem.

– Оставьте это. – Сказала речная и озёрная повелительница и махнула платочком. Рыбки сразу исчезли. – Зовите меня просто – Стерлядина. – Проговорила она, обращаясь к друзьям милым голосом, который напоминал журчание ручья и улыбнулась. Я слышала о вас и вашей прекрасной игре, и пляске. Но я не знаю, что привело вас в лоно речных вод, думаю, что это не просто праздное любопытство. Ради простого любопытства никто не рискует жизнью, не так ли?

– Так, матушка владычица речная, – проговорил петушок. – Дело у нас к тебе великое.

– Говорите и не смущайтесь. Я слушаю.

– Мы из царства русского.

– Это от царя Тимофея? – уточнила царица.

– Да, мы из его царства, – подтвердила гармошка и звякнула колокольчиками.

– Прекрасный царь. – Сказала Стерлядина. – Я его уважаю. Справедливый, простой, народ любит, министров своих в строгости держит.

«Так нет теперь этой строгости, матушка! Совсем нет!» – разом воскликнули друзья.

– Царь Тимофей женился на молодой Ягуде, – продолжил говорить петушок, – и совсем от дел по управлению государством отошёл. Теперь Ягуда всем управляет. Да так управляет, что разор в стране пошёл. Обозы с товарами идут не туда куда надо, мастерские кожевенные, стеклодувные, шерстобитные и другие простаивают; товары обозами Змею Горынычу везут и за бесценок отдают; какая же это торговля, когда за бесценок, это узаконенный грабёж, а не торговля. Вид один, что торгуем, а сами, таким образом, дань Змею Горынычу платим. Мы так полагаем. Потом, воинство в царстве без всякой дисциплины. Да и откуда дисциплине взяться, когда воины полуголодные, по деревням ходят, побираются.

– С чего всё это началось? – спросила Стерлядина и нахмурилась.

– Люди говорят, что платочек Ягуда дала царю Тимофею, – вставил калач. – С этого момента царь Тимофей и умом тронулся. Чистый ребёнок стал. Всё смеётся так заливисто и в ладошки хлопает, а до царства ему и дела нет.

– Эвон, какие дела в царстве русском, – произнесла Стерлядина и призадумалась. Застыли в ожидании, что она скажет, присутствующие в тронном зале. Это ожидание длилось недолго. – А что грустить!!! – громко сказала Стерлядина. – Всё поправимо. Ох уж этот хитрец Змей-Горыныч! Ой, хитрец! Раньше всё силой налегал, а теперь решил хитростью чужое взять. И ведь

удалось ему это сделать. Ой! Удалось.– И тут же скомандовала: – Позвать ко мне ерша самого мозговитого, что сто лет в норке сидит и не вылезит.

Приплыл старый ёрш, поддерживаемый с двух сторон слугами царицы.

– Я тебя позвала потому, что в царстве царя Тимофея случилось ужасное... – произнесла Стерлядина.

– Не надо, госпожа, ни о чём говорить, я всё знаю, – прошамкал ёрш беззубым ртом. – Знаю я, как вразумить заколдованного царя Тимофея. Только дело это не просто-о-е.

– Говори! – Строго потребовала Стерлядина.

– Дам я им одну свою иголку из верхнего плавника. Пусть ей уколят царя Тимофея и чары с него сами упадут. А тот, кто на него эти чары навёл, предстанет перед ним и перед народом в своём истинном обличье, – и он поклонился царице речной. Затем старый ёрш подплыл к Стерлядине и та выдернула у него из верхнего плавника одну иголку, одела на неё футлярчик и передала её петушку, гармошке и калачу. Петушок принял футлярчик с иглой и поклонился в пояс. Поклонились Стерлядине и его друзья.

– Ну, вот мы и решили вашу проблему, – сказала, улыбнувшись, Стерлядина. – А теперь покажите, что вы умеете. Я слышала о вашем искусстве много хорошего.

На эти её слова гармошка тут же заиграла, а петушок запел, после чего ритм участился, петушок и калач

заплясали, затем музыка уравнилась и все в зале стали танцевать.

Ах, что это были за песни, что за пляска и танцы, такого Стерлядина в жизни не видела. Она оставила трон и тоже присоединилась к танцующим. Её рыбки едва успевали заносить за ней шлейф её великолепного серебряного платья, а золотые плавники колыхались в такт музыки.

– Такого удовольствия я никогда не испытывала, сказала царица вод после танцев. – Всех за стол. Будем угощаться. Кушать всем!

Откуда ни возьмись, появились столы, а на них всевозможные яства. Придворные набросились на еду, а калач в это время отломил кусочек от своего бока и подал Стерлядине.

– Угощайтесь, царица речная и озёрная, – проговорил он скромно.

– Что это? – спросила та изумлённо. – Всегда я всех угощаю, а сейчас угощают меня. Инте-ре-сн-о! – Она взяла плавниками кусочек, что ей дал калач, положила в рот и стала жевать. Ах, какое сияние исходило при этом от лица Стерлядины. Удовольствие читалось в каждом лучике её глаз.

– В жизни такого не вкушала, – проговорила она. – Передайте царю Тимофею, когда освободится от чар и выздоровеет, пусть пришлёт мне в качестве подарка музыку, глиняную игрушку и это благородное кушанье. Услуга за услугу.

– Так точно, передадим, повелительница рек и озёр,
– хором сказали друзья и поклонились царице.

– А теперь идите и не забудьте, что царя необходимо обязательно уколоть, – сказала на прощание Стерлядина, – а то так и останется взрослым ребёнком.

После того, как друзья очутились на водной глади и в своей лодке, они решили сразу обдумать план и действовать.

– Давайте проберёмся во дворец, спрячемся там, где царь Тимофей ходит, подкараулим и уколем его плавниковой косточкой, – предложила гармошка.

– Не получится, – ответил ей Петушок.

– Почему же не получится!? – заупрямилась гармошка.

– А так и не получится. После того, как Ягуда стала всем управлять, около царя всегда не меньше десяти вооружённых охранников находятся, не считая дворцовой челяди. Кто же нас допустит к нему. И шага не ступим, как пику к горлу приставят.

– Петушок прав, – со вздохом проговорил калач. – Подбежать и уколоть – не выйдет.

– Тогда давайте на улице, у дороги подкараулим, – упорствовала гармошка.

– На улице охраны ещё больше. – Подчёркивая бесполезность этого шага, махнул крылом петушок.

– Я предлагаю плавниковую косточку вложить в меня, – тихо проговорил калач.

– Как это в тебя? Поясни, пожалуйста, раз предлагаешь, – сказал петушок.

– Пусть пояснит? – поддержала петушка гармошка.

– Всё очень просто, – начал калач. – Операцию назовём «калач на пробу». Режем частично меня на небольшие дольки. В одну из этих долек закладываем плавниковую косточку. Это будет совсем незаметно, косточка маленькая. Встанем у дороги и будем всем проезжающим и проходящим давать кусочек калача на пробу. Ты гармошка будешь играть, петушок плясать, то есть гостей завлекать. Царь будет проезжать и обязательно обратит внимание на песни и пляски. Его слуга спросит о том, что здесь происходит? Вы говорите слуге, что даёте на пробу людям кусочек нового кушанья с названием «Саратовский калач» и добавляете: «Все кто пробовал – от калача в восторге»

Царский слуга доложит об этом царю и царице. Царь – большой любитель покушать, обязательно заинтересуется новинкой. Это я вам гарантирую. А уж как дальше идея сработает, никто сказать не может. Главное – дать царю кусочек калача с косточкой, чтобы он сам и укололся.

– Я за это предложение, – проговорила гармошка.

– Только вы меня всего до конца не изломайте, – предупредил хлебный калач, – иначе, как же я возникну снова. Я вновь могу произрасти только из оставшейся части.

– Ладно, ладно. Не беспокойся. Всего не изломаем, – убедительно ответил петушок.

Целую неделю караулили у дороги петушок, гармошка и калач, ожидая царёва выезда из дворца. И вот дождались. На дороге показалась царская кавалькада. За нею – двадцать лошадей, запряжённых цугом, везли царский открытый экипаж. Любил царь летом прокатиться не в карете, а в экипаже, чтоб ветерком обдувало. Едет царь и вдруг до его слуха донеслась прекрасная музыка.

– Что это такое? – удивлённо произнёс царь Тимофей, – красивая музыка в моём царстве, интересный ритм? Немедленно узнать, что это такое!?

– А может быть не надо, – испугалась Ягуда, что сидела рядом, – мы что, скоморохов не видели?..

– А я говорю, узнать, – проговорил царь своенравно. «Ладно, пусть потешится, – подумала Ягуда, – мне это ничем не грозит».

– Узнать, что там такое!? – приказала она слугам.

Слуги бросились к толпе и, расталкивая людей, выяснили причину шума и вернулись к царёву экипажу.

– Что там? – спросила Ягуда.

– Новое кушанье предлагают попробовать, ваше величество, саратовский калач какой-то!

– Никогда не слыхивал о таком кушанье, – проговорил царь. – Желая попробовать.

«Царь желает попробовать!!!» крикнули слуги, что были рядом с царём. «Царь желает попробовать!!!» повторили слуги, что были дальше. «Царь желает попробовать!!!» – крикнули слуги совсем рядом с петушком, гармошкой и калачом.

– Всегда, пожалуйста... – Проговорил петушок и подал в туеске из бересты кусочек калача для царя.

Однако, Ягуда в самый последний момент что-то заподозрила и выхватила у слуги туесок с калачом.

– Всё пропало! – ахнула гармошка, – увидев туесок в руках Ягуды.

– И совсем не всё – сказал петушок, захлопал крыльями и взвился вверх. Он пролетел над слугами, очутился около кареты и ловко выхватил туесок из рук царицы и поставил его на колени царю Тимофею.

Царь же Тимофей, находясь под колдовскими чарами, как ребёнок схватил кусочек калача и начал им дразнить Ягуду, вертя кусочком перед лицом царицы, повторяя: «Попробуй, отбери! Попробуй, отбери!» Ягуда старалась выхватить кусочек калача из рук царя, но у неё это никак не получалось. И вот, когда она уже была близка к цели и почти завладела туеском, в этот момент царь Тимофей вдруг проворно бросил кусочек калача в рот и как ребёнок, показал царице кончик языка, что мол, съела...

«Ах» – произнесла Ягуда. «Ох!» – проговорил царь, сидя с приоткрытым ртом и страдальческой миной на лице.

– Что, неужели калач отравлен? – всполошилась Ягуда, но царь широко открыл рот и придворный лекарь ловко вытащил из его рта рыбью косточку, всем её показал и произнёс:

– Царское величество уколосось рыбной косточкой! – затем бросил её на дорогу. Царь на это хотел что-то сказать царице, только вместо неё рядом в коляске уже была не молодая красивая царица, а сидела старая согбенная с длинным прыщеватым носом древняя старуха в заплатах одежонке и костлявыми руками.

– Ты кто такая!?! – жёстко спросил бабу царя. Но та не ответила, а спрыгнула с коляски, и на карачках полезла под неё, а когда её почти схватили, вдруг исчезла. Тогда слуги и, окруживший царскую коляску народ, поняли, что у них была за царица. Поняли, что это была никакая не молодая царица, а настоящая баба Яга. Царь Тимофей, после такого превращения приказал немедленно позвать к нему войскового министра. И все по его жестам и приказам увидели, что Тимофей стал таким же разумным человеком как и прежде. Исчезли с его лица детское выражение, беззаботность и игривость.

– Нет его, ваше величество. Воевода сослан бывшей царицей в деревню Малая Крюковка, – отрапортовал слуга.

– Как сослан!?! – рассердился царь Тимофей. – Вернуть его из деревни немедленно.

– Будет исполнено! – гаркнули слуги, и несколько верховых галопом бросились исполнять царёв приказ. В это время на дороге показался обоз из двадцати подвод.

– Узнать, кто такие и куда путь держат? – распорядился царь.

Слуги быстро доставили главного в обозе купца к царю. Тот, увидев царя, упал на колени.

– Что и куда везёшь? – спрашивает царь.

– Тамбовские мы... – испуганно произнёс купец. Везу кожи в Киев.

– А почему на Казань путь держишь? Концы света перепутал!? – спросил сердито царь.

– Нет, мой государь. Сам понимаю, что так негоже ехать, огромный крюк получается, только царица приказала товар возить именно таким образом и никак иначе.

– Возвращайся в Москву и вези прямо на Киев! – приказал царь Тимофей.

– С превеликой радостью, наш государь, – проговорил купец и крикнул возницам: – Поворачивай на Москву, теперь прямо возить будем!!! Царь в себя пришёл!!! Конец змеиной власти!!!.

А змеиной власти, действительно, с этого момента пришёл конец. Перво-наперво царь Тимофей вызвал к себе всех министров. А те, прослышав про распоряжения царя Тимофея, идти к нему забоялись.

Когда же царь за ними послал вторично, с указанием – «Если не пойдут – в кандалах привести».

Совсем перепугались министры, бросились в свои кареты и поскакали вон из Тимофеева царства, радуясь тому, что в змеином царстве у них замки куплены. А тех, министров, кого Ягуда от государственных дел отлучила, и кого сослала в деревню, как военного министра, царь Тимофей всех на свои должности вернул. Затем, по поводу освобождения государства от скрытой змеиной неволи, устроил большой праздник. В знак особой заслуги перед государством он велел увековечить стерлядь на городском гербе, что мастера с великим удовольствием и исполнили.

А что было после этого с глиняным петушком, гармошкой с колокольчиками и с хлебным калачом неведомо. Сказывают, что они вернулись в деревню и по приглашению бывают в гостях у Стерлядины. Она всегда им рада, а ещё к ним приезжает в деревню военный министр, что был в Малой Крюковке в изгнании. Как приедет, так обязательно всей деревне подарки привозит, кому сани, кому корову, кому телегу, кто в чём нуждается. И это потому, что мужики и бабы в деревне встретили его хорошо и всяко помогли обустроиться на новом месте жительства, когда он в опале был. На этом и сказке конец.

Саратов, 2019, 21 декабря

*Внучке – Африкантовой
Ксении Константиновне
посвящается.*

Перламутровый туман

Жил был под Саратовом старик с внучкой семилеткой. Внучку семилетку звали Ксенией. Дедушка у Ксюши был лесник. Он следил за порядком в лесу, а внучка, когда он был на обходе, убиралась по дому. Домик их тоже стоял на опушке леса, окнами на реку. А ещё, недалеко от их домика, в лесу, было озеро. Точнее, это был пруд. Его запрудили бобры. Они сделали такую хорошую и надёжную плотину из деревьев, что вода никак не могла её прорвать и люди стали звать этот пруд Бобровым озером.

Ксюша, когда дедушки не было, находиться одна дома несколько не боялась. Она ходила то на Бобровое озеро, то на берег Волги, то на ручей, что впадал в Волгу, берега которого густо поросли осокой и знала многих обитателей этих мест. А ещё она была такая милая, работающая и приветливая, что и сказать нельзя. А уж, чтобы кому в беде помочь, то про то, и говорить нечего.

Тут мне читатель, или маленький слушатель могут возразить, дескать, в семь лет разве способно дитя, что-либо значительное совершить!?

– Да! Способно, – говорю я, и ещё как способно. Вот, например, Ксюша. Ходила она неделю назад на озеро. Вокруг пруда деревья разные к воде склонились, а вдоль берега бобровые хатки стоят, в них бобры живут. Идёт девочка по бережку и вдруг слышит, будто стонет кто-то. Ксюша и побежала узнать, что случилось. Подбегает к воде и видит, что подточенное бобрами дерево свалилось и бобриху придавило. Придавило так, что и не насмерть, но и самостоятельно выбраться ей невозможно.

– Как же её угодило под дерево попасть? – спрашивает девочка бобров, что вокруг толпились, но никто ничего разумного сказать ей не мог.

– Мы пытались, – проговорил седой бобёр, – но от нашей помощи ей только хуже становится. Дерево мы поднять не можем. Это нам не по силам. Так что делать? Как спасти нашу почтенную бобриху? – запричитали бобры.

– Вам надо переточить дерево в том месте, где оно с бобрихой соприкасается, Дерево переломится и освободит бобриху. Понятно, усатые?

Бобры взялись за работу и сделали всё так, как сказала им Ксюша. Вскоре дерево было перепилено и бобриха оказалась на свободе. Радости в бобровом семействе не было конца. Они пригласили Ксюшу в

один из своих домиков и очень жалели о том, что девочка не могла в него войти. Тогда седой бобёр сказал:

– Ксюша! Мы обязательно для тебя сделаем домик со входом снаружи, а не из под воды, в нём будет уютно. Но, будет вход и из-под воды, чтоб мы – бобры могли приходить к тебе в гости традиционным для нас способом.

– Хорошо! – засмеялась Ксюша, довольная тем, что помогла бобрам. Она пошла домой, а бобры вышли её провожать и долго махали листиками - платочками.

– Приходи к нам, Ксюша, в любое время! – кричали они. – Мы тебе всегда рады!!!

Не менее показательный случай произошёл с Ксюшей при встрече с серой цаплей и её птенцами.

У цапли в гнезде на дереве было три птенца. Птенцы серых цапель, когда немного подрастут, имеют привычку лазать рядом с гнездом по веткам и нередко застревают в них или падают на землю. Так вот однажды под таким деревом с гнездом и нашла Ксюша одного из птенцов цапли. Сама Ксюша не могла посадить птенца снова в гнездо, сил не хватало. Тогда она сходила за дедушкой, и они при помощи палки с развилкой на конце, кое-как возвратили птенца в гнездо, и цапля была им очень благодарна. Она провожала Ксюшу и дедушку до самого дома, кружилась над ними в воздухе, а потом села на конёк крыши их

дома и долго стрекотала клювом, видно благодаря дедушку и внучку за помощь.

Ах, да! Ещё забыл рассказать одну историю. Случай не выдающийся, однако впоследствии он сыграл важную роль. Это произошло в тот же день, когда дедушка и Ксюша спасали птенца. Идут они домой, Ксюша прутиком помахивает и вдруг видит как лисонька рыженькая, свернувшегося в шар ежа, к большой луже катит. Лиса для того это делает, чтобы ёж, попав в воду, развернул свой колючий шар, а она, хитрюга, этим бы ёжиком и пообедала. Кинулась с хворостиной девочка к лисе и та, испугавшись, бросила своё занятие и убежала в лес. Вот и вся история. Ксюша на этот случай даже внимания не обратила, отогнала лису и отогнала, чего тут такого?

Все эти случаи были, можно сказать, порывами доброго сердца, только и всего. Но без этих поступков, полных сострадания и любви, не было бы и третьего поступка, который произошёл сразу за тремя первыми.

Однажды внучка давай деда просить:

– Давай, деда, ходим в магазин, конфет купим.

Пошёл старик с внучкой в магазин, пришёл, в очередь встал. Ксюша рядом вертится, и на большой аквариум смотрит. В аквариуме живые рыбины плавают, на людей глядят. В этом аквариуме и заметила Ксюша небольшую рыбку-краснопёрку.

Рыбы в аквариуме, видно, уже смирились со своей участью, стоят на одном месте и еле хвостами шевелят, да рты открывают. Смотрит Ксюша, а та самая краснопёрка ведёт себя беспокойно и из аквариума убежать хочет. Стала девочка к ней приглядываться. Краснопёрка тоже на девочку обратила внимание. И у них, как бы взаимопонимание вышло. Девочка ладошкой из стороны в сторону подвигает, и краснопёрка хвостом так же самое сделает; девочка головой покачает, и краснопёрка за ней тоже повторит и при этом знаки ей подаёт из аквариума, дескать, вызволи меня отсюда.

Смотрит Ксюша, краснопёрка стала грустная-грустная и видно плачет. Она даже удивилась, – как это в воде плакать можно, чтоб и слёзы текли, и каплями на дно аквариума сбегали?

– Деда! Деда! – говорит Ксюша. – Посмотри, рыбка плачет, – и дёргает дедушку за пиджак. Показывает на аквариум.

– Кто там у тебя плачет? Стой, егоза, не вертись, – проговорил дед назидательно.

– Купи, деда, эту рыбку... – просит Ксюша и показывает на краснопёрку.

Тут парень, что стоял впереди деда, стал покупать рыбу и просит продавца выловить ему эту самую Ксюшину краснопёрку. Продавец взял сачок на палке и давай краснопёрку ловить. Да та никак не поддаётся, ловко от сачка уварачивается. Ксюша, аж вскрикнула,

когда увидела, что её рыбка чуть в сачок не попала. Несколько раз продавец принимался ловить краснопёрку, но поймать так и не смог. Вытащил он парню другую рыбку и тот остался доволен.

Тут дедушкина очередь подошла. Набрал дед того, сего, конфет внучке не забыл купить, а Ксюша ему всё о рыбке напоминает.

Посмотрел дед на аквариум, шумнул на внучку, чтоб не егозила, а сам думает: «Куплю эту рыбёшку, пусть внучка радуется, никого у неё, кроме меня, нет».

– Выловите, мне вот эту рыбёшку, – просит дед продавца и указывает на краснопёрку.

– Может быть, какую другую поймать? – говорит тот, – эта рыбёшка, какая - то неуловимая.

– А вы попробуйте, – посоветовал продавцу дед.

И только опустил продавец сачок в аквариум, как краснопёрка тут же в сачок сама и заскочила. Продавец был поведением рыбки очень удивлён: «То не поддавалась, а то раз – и сама в сачок прыгнула». Поместили дед с внучкой рыбку в банку с водой, чтоб не померла и домой пошли.

Принесли домой старый лесник с внучкой рыбку, да и запустили её, по просьбе Ксюши, в корыто с водой. Тут дедушка из дома по надобности вышел, а краснопёрка, как только за дедом закрылась дверь, вдруг высунула из воды голову, да и говорит Ксюше голосом человеческим:

– Спасибо, Ксюша, выручила меня и от неминуемой смерти спасла. Сослужи мне ещё службу – выпусти меня в какую-нибудь запруду, а я в долгу перед тобой не останусь. Только в Волгу не выпускай.

Удивилась девочка, что рыба заговорила. И спрашивает её:

– А ты кто?

– Я служанка цариц волжских. В реке, во дворце живут три родные сестры стерлядины, – отвечает краснопёрка. – Стерлядины в реке-Волге самые главные, они – царицы речные. Кто в речных глубинах живёт – все им подчиняются: и раки, и караси, и лещи, и щуки, и многие другие рыбы.

Удивилась Ксюша сказанному, а сама думает: «Как это могут три царицы в одном месте жить и вместе царством подводным управлять?»

– А почему их три, а не одна? Царица одна должна быть... – спрашивает девочка.

– Ты права, Ксюша. Эти стерлядины – родные сёстры. У них была мать – великая царица волжская Стерлядина - осетрина. Как только она умерла, то сёстры решили царство не делить, а управлять им совместно.

– Да, я видела этих стерлядин, – проговорила Ксюша, – они на нашем городском гербе нарисованы.

– А как же иначе, – заметила рыбка, – город Саратов – великий волжский город. Народ чтит свою реку и почитает речных правительниц. Не были б стерлядины

царицами волжскими, то и на гербе бы их не было. Только теперь в реке всё не так.

– А как же ты в аквариуме оказалась и почему всё не так? – спрашивает Ксюша.

– Рыбаки меня из Волги сетями вытащили. – Тихо проговорила рыбка.

– А в сети ты как угодила? Ты же служанка самих цариц речных! – удивлённо воскликнула Ксюша.

– Служанка-то я служанка. Только меня Водяной обманул и в сети рыбацкие заманил, вот так я и попала в этот аквариум.

– А кто он этот – Водяной? – спросила удивлённо девочка.

– Это управляющий в реке. Вообще-то у нас управляющий Налим, только Водяной давно его к рукам прибрал, сам за него командует, а Налим только безвольно плавниками разводит. Теперь все в реке боятся одного Водяного.

– А как же Стерлядины? Как они терпят этого Водяного?

Краснопёрка помолчала, и еле сдерживая слёзы, сказала:

– Стерлядины сами теперь во дворце в заточении под страхом смерти находятся. Их из стеклянного дворца никуда не выпускают, и ни с кем разговаривать не разрешают. Они теперь разговаривают только со старыми служанками. Водяной хитрый, он чтобы население реки ничего не узнало о заточении цариц во

дворце и не возмутилось, стерлядин за стеклянными стенами держит, чтоб их все видели. Вот такие у нас в реке дела творятся.

– Ничего себе! – удивилась Ксюша, – как же освободить цариц?!

– Освободить можно, только опасно, – проговорила скорбно краснопёрка. Главное, надо из реки убрать перламутровый туман, через который смотрят все рыбы. Дело в том, что когда смотришь через этот туман, то видишь всё наоборот. Царица плачет, а видишь ты её радостной и улыбающейся; она в рваном и грязном рубище, а видишь ты её в царских нарядах из парчи; ей дают есть непотребное в корыте, а ты видишь её за прекрасно сервированным столом.

– Это что же за чудовищный обман зрения!? – возмутилась Ксюша. – Как же так можно!?

– Ты совершенно права, – продолжила говорить краснопёрка. – Водяной изобрёл этот туман и своим изобретением прекрасно пользуется. Мало этого. К нам в реку приплывают делегации из других рек и озёр. Водяной сажает делегации в речной подводный трамвайчик и напускает в него перламутрового тумана. В результате гости видят в реке упитанных рыб, множество корма и тучи плавающего потомства. А, это всё сплошной обман.

– Где же выход из такого положения? – хмуро и задумчиво спрашивает Ксюша.

– Выход есть, – совсем тихо проговорила краснопёрка, – только перламутровый туман простыми речными средствами не уберёшь.

– Почему же?

– Потому что он живой. Это такое живое водяное облако, которое может принимать любые очертания, окраску и принимать любую похожесть. У Водяного в реке есть лаборатория, где он и вывел этот туман, соединив выходящие со дна реки газы, выделения каких-то микробов и водорослей. Это мне всё Налим по секрету сказал. Этот туман, совсем незаметен в воде, он даже может внушать любому свои мысли.

– Как это так?! – ещё больше удивилась Ксюша.

– А вот так. Ты под воздействием перламутрового тумана будешь думать, что это ты так думаешь, а это перламутровый туман заставляет тебя так думать и ты, не можешь его мыслям противостоять, понятно?

– Так это, подруга, чудовищно?! – воскликнула, чуть испуганно, девочка.

– Ты права. Он, Ксюша, ужасен. Но это не главный ужас. Главный ужас состоит в том, что жители реки, как бы они плохо не жили, под воздействием тумана думают и даже очень уверены в том, что они живут очень хорошо. Я сама видела этих бедных лещей, раков, язей и прочих, которым даже было невозможно доказать, что они плохо живут. Жители реки читают наши речные газеты, слушают глубоководное и мелководное радио и

во всех них пишется и говорится одна неправда. – Рыбка умолкла.

Прошло немного времени, и Ксюша спросила краснопёрку:

– Кто этому туману может противостоять в реке? Кто его может убрать из реки? Кто его сможет победить? Возможно, у водяного есть противоядие от перламутрового тумана? Должно быть, иначе Водяной им сам отравится.

– Никто этот туман не сможет из реки убрать. – Сказала краснопёрка. – Противоядие есть, оно находится за пределами реки, на берегу. Когда я последний раз виделась с царицами, они сказали мне о противоядии и рассказали, где оно находится.

– А откуда царицы об этом знают? – удивилась Ксюша.

– Им сам Водяной рассказал. Тем самым он подчеркнул, что свергнуть его власть рыбам невозможно, пусть даже и не замышляют; они по суше не ходят и добыть противоядие не могут. Видишь, какой он хитрый, всё продумал. Там же, во дворце стерлядин, я предложила царицам совершить побег, но они отказались. Сказали, что это будет очень заметно и их сразу поймают. Тогда они предложили мне незаметно выбраться из дворца по поддонному переходу, который выходит в подводную пещеру.

Цель моего побега заключалась в том, что возможно я сумею рассказать кому-нибудь из людей о беде,

случившейся со стерлядинами и прочими речными обитателями. И может быть, найдётся человек, который сможет помочь подводному царству. Стерлядины говорили, что речным обитателям могут помочь только люди, потому что люди сильнее водяного и его перламутрового тумана. Царицы, когда провожали меня из дворца, думали, что водяные крысы, верные слуги Водяного, ещё не стерегут подводную пещеру. Царицы ошиблись. Когда я выплывала из пещеры, водяные крысы были уже там. Мне незаметно убежать не удалось. Они погнались за мной. Их было очень много, а свернуть в сторону и спрятаться было негде.

Водяные крысы погнали меня прямо на рыбачий невод. Так я в него и попала. Когда поднимали невод, то водяные крысы хохотали и кричали мне вслед: «Не хотела быть в реке – будешь у человека на сковороде! Будешь знать, как служить трём стерлядинам! У нас теперь царь Водяной, а не стерлядины!»

Я поняла, что погибла. И только когда в лавке я увидела тебя, у меня появилась робкая надежда на спасение. Только, какое это спасение? Жить в своей реке я не могу, там перламутровый туман. Если я попаду в реку, то меня сразу схватят и превратят в довольную своим ничтожным положением рыбёшку, и я все свои остатные дни только и буду что скудно питаться и хвалить Водяного за прекрасную пищу.

У рыбки выкатились из глаз слёзы. Краснопёрка смолкла.

– И что же это за тайна Водяного, что находится не в реке, о которой ты говорила? – с любопытством спросила Ксюша.

Краснопёрка вдруг опасливо оглянулась, как бы боясь, что её подслушают, и стала говорить тихо, почти шёпотом.

– Эта тайна, является его смертью. Противоядие состоит из трёх водных растворов, налитых в три кувшина. Кувшины закупорены. Один из них спрятан в Бобровом озере, другой – в дупле высокого дерева, похожего на букву «У», третий находится в старой заброшенной лисьей норе. Если достать кувшин из дупла, кувшин из озера и кувшин из лисьей норы, вылить их содержимое одновременно в реку, то перламутровый туман исчезнет, растворится и его не будет. Это и есть, то самое противоядие против перламутрового тумана.

– Я поняла, – проговорила Ксюша. – Мне надо найти эти кувшины и вылить одновременно их содержимое в реку. Это так просто! – и она засмеялась.

Однако рыбке не было весело.

– Ты всё правильно поняла. Только сможешь ли ты это сделать, – проговорила краснопёрка, – ведь ты так ещё мала. Но, спасибо хоть за поддержку.

– А ты, подруга, не волнуйся. – Перебила её Ксюша. – Если стараться, то и получится. Ты говоришь, что я маленькая. Да, я сама и не смогу это сделать, но у меня

есть друзья, на их помощь я и рассчитываю, – ответила Ксюша.

– Это хорошо, что ты согласилась нам помочь, только знай, что кувшины в озере, в дупле и в лисьей норе хорошо охраняются. В озере его охраняют водяные крысы, подходы к дереву с дуплом стерегут змеи, а лисью нору охраняют земляные жабы.

– Я и мои друзья это учтём, – проговорила, улыбнувшись, Ксюша, тем самым подбадривая краснопёрку.

На этом разговор краснопёрки и Ксюши оборвался, в дом вошёл дедушка.

– Ну, что, Ксюша, полюбовалась рыбиной?, – проговорил он весело. – Сейчас будем с тобой из неё уху варить.

Как услышала внучка про уху, сразу бросилась к деду на шею и запричитала:

– Не надо, дедуля, рыбку варить. Давай я с ней ещё поиграю.

– Так она в корыте долго не проживёт, ей хоть небольшая, но воля нужна, – заметил дедушка.

– А мы чего-нибудь придумаем, ладно, дедусь, – и Ксюша обняла дедушку за шею ещё крепче.

– Ладно, ладно, егоза. Сделаю я ей небольшой запрудок в ручье, что в реку впадает. Там ей будет вольнее, чем в корыте и ты сможешь с ней заниматься, – заключил дедушка.

– Спасибо! Дедусь! – закричала от радости Ксюша. – Ты у меня самый хороший дедушка на свете!

– Ну-ну. Смотри, перехвалишь, – и дедушка, взяв лопату, пошёл делать запрудок. Через час он пришёл, сказав, что запрудок готов и что туда можно выпустить рыбёшку. После этого он взял корыто с краснопёркой, отнёс его к запруде и выпустил в нее рыбку.

Краснопёрка очень обрадовалась новому месту жительства и была очень благодарна Ксюше и дедушке. Она плавала, обдавая брызгами Ксюшу, и та заливисто смеялась от удовольствия.

Половина дела Ксюшей было сделано. Краснопёрка плавает в запруде и ей не страшен перламутровый туман. Теперь осталось наведаться на пруд к бобрам и попросить у них помощи.

Бобры встретили Ксюшу очень радушно, они помнили её добро и готовы были для неё на всё. Ксюша и поведала бобрам о сосуде с таинственной жидкостью на дне пруда и предупредила бобров о том, что достать сосуд со дна совсем не безопасно, его стерегут водяные крысы.

– Мы знаем это место, где всегда находятся водяные крысы, сказал седой бобёр. – Мы не придавали этому значения, они нам не мешали. Теперь другое дело. Мы теперь знаем, что крысы охраняют кувшин, в котором хранится противоядие. Нам надо забрать этот кувшин у

крыс и отдать его нашему верному товарищу, то есть, тебе.

Бобры были настроены решительно и даже, можно сказать, воинственно. Они сразу начали изготавливать из жердин копыя и колотушки, чтобы сражаться с крысами, а старая бобриха, что была когда-то придавлена деревом, предложила разгородить плотину и спустить часть воды в нижний пруд и тогда дно, где находится кувшин, полностью освободится от воды. «После того, как вода уйдёт можно атаковать крысиное войско, – проговорила она. – Нам будет легче сражаться, когда вода уйдёт. Наши копыя и колотушки легче применить на воздухе, чем в воде».

С ней все согласились. Бобры так и сделали. Они частично разобрали нижний венец запруды, и вода хлынула из озера в проём. Через полчаса вода из пруда ушла, а бобры и Ксюша увидели такую картину: Посреди пруда на боку лежит сосуд, а вокруг него заняли оборону водяные крысы. Они грозно выставили на бобров зубы и готовы были защищать сосуд до конца. Крысы никак не могли понять – почему из пруда ушла вода?

Бобры предложили Ксюше посидеть на берегу, пока они сражаются с водяными крысами, но Ксюша не согласилась и, вооружившись палкой, встала впереди бобриного войска. Войско двинулось вперёд.

Идти по илистому дну Ксюше было трудно, ноги увязали. Тогда ей спину подставил молодой сильный

бобёр. Девочка села на него, и войско стало продвигаться быстрее.

Хоть крысы были изворотливы, хитры и напористы, но устоять перед бобринными копьями и дубинами они не могли. Яростно защищаясь, они отступали всё ближе к кувшину.

– Вперёд, бобры!!! – кричала Ксюша, уже стоя на спине бобра и размахивая копьём, которое ей дали бобры и загоразживаясь от крысиных зубов деревянным щитом. Именно Ксюша со спины бобра и увидела, как крысы, желая сохранить сосуд с жидкостью, подхватили его и, прорываясь через бобринные ряды, потащили его прочь с поля боя.

– Бобры! – крикнула Ксюша. – Крысы уносят сосуд с противоядием, остановим их! – Она направила своего бобра наперерез убегающим крысам и преградила им дорогу. Этому водяные крысы совсем не ожидали. Они бросились на преградивших им путь бобров, желая их уничтожить и освободить дорогу.

Атака крыс была сильной и отчаянной. Ксюша отбивалась от крыс щитом и копьём. Она храбро сражалась и через пять минут от её щита и копья остались только древесные осколки. Её доспехи не могли выдержать крысиных зубов. Но тут подоспели быстроногие молодые бобры и помогли отбить атаку водяных крыс.

Через несколько минут небольшая кучка крыс с сосудом была окружена плотным кольцом бобров. Бой

закончился. Сосуд с жидкостью был в руках Ксюши. Она положила его на дно корзинки, прикрыла мхом и стала благодарить бобров. Только бобры не желали похвал.

– Ты, деточка, нас не благодари, – проговорил седой бобёр. – Мы сделали то, что и должны были сделать, потому, как, отравив большую реку перламутровым туманом, Водяной добрался бы и до нас, и тогда бы уже Водяному не нужны бы были крысы-охранники. Под действием перламутрового тумана, мы сами бы охраняли этот горшок. Это не нам спасибо, а тебе спасибо. Приходи к нам в гости почаще. – После чего седой бобёр что-то сказал бобрам и они стали ремонтировать плотину

Ах, как была рада краснопёрка, когда в её запруду Ксюша опустила один из трёх кувшинов. Только радость эта была не полная. Один, найденный и отвоёванный, кувшин был бесполезен. Его содержимое не могло уничтожить перламутровый туман. Надо было искать ещё два кувшина. И такой случай по поиску второго кувшина Ксюше вскоре представился. Ксюша пошла к ручью и увидела там ту самую цаплю, которой помогла спасти птенца. Цапля Ксюшу тоже узнала и, будучи им с дедушкой благодарной, спросила:

– Милая девочка, я чувствую, что я тебе нужна, говори.

– Совершенно верно, – сказала Ксюша. – Ты мне нужна, милая цапля. – И она рассказала цапле о дереве,

похожем на букву «У», в дупле которого находится кувшин и что этот кувшин, очень ей нужен. А ещё он нужен её друзьям, которые живут в реке и что это дерево и особенно дупло охраняются ядовитыми змеями.

Цапля внимательно выслушала рассказ девочки и сказала:

– Я сама того дерева с дуплом похожим на букву «У» не видела, а вот своих родственников спрошу, – и она, взлетев на высокое дерево, прокричала: «Мамки! Тётки! Братья! Сёстры! Летите ко мне все, где бы вы ни были!» Через несколько минут зашелестели крылья и со всех сторон к дереву стали слетаться цапли. Через пятнадцать минут вся лужайка была усеяна прилетевшими птицами. Они, вытянув шеи, внимательно смотрели на свою родственницу и ждали, что она им скажет.

– Уважаемые соплеменники! – Начала говорить цапля. – Мы все знаем, как трудно вырастить наше потомство. Наши птенцы, лазят по веткам около гнезда и нередко падают на землю. Там их подстерегают всякие дикие животные. Эта девочка – Ксюша подобрала моего птенца с земли, и они с дедушкой при помощи палки поместили его снова в гнездо. Ксюша с дедушкой совершили подвиг. «Подвиг! Подвиг!» – стали кричать цапли. – Мы, – продолжила цапля, – обязаны помочь девочке найти дерево с дуплом, похожее на букву «У». В

дупле этого дерева спрятан кувшин с противоядием. Мы должны этот кувшин ей отдать. Вы знаете это дерево!?

– Видели это дерево, похожее на букву «У»! – выкрикнули две цапли с краю лужайки, – знаем его! Это дерево растёт там, где много осоки у реки.

– Это дерево охраняется ядовитыми змеями! – выкрикнула цапля. – Будьте осторожны.

«Знаем! Знаем!» – закричали ещё несколько цапель.

– На крыло! Друзья мои! Летим к этому дереву! – прокричала Ксюшина цапля.

Вмиг зашелестели крылья и цапли стали взлетать с полянки. В это время к Ксюше подлетела та цапля, которой помогли бабушка и Ксюша спасти птенца, и предложила ей лететь вместе с ней.

– Я не умею летать... – сказала девочка.

– Я это знаю. Тебе не нужны крылья, когда они есть у твоих друзей, – и цапля во всю длину раскинула свои полтораметровые крылья, показывая Ксюше их силу и надёжность.

Ксюша тут же уселась цапле на спину и обхватила её за шею руками. Птица сделала разбег по поляне и взмыла в воздух. Девочка сначала немного испугалась высоты, но затем привыкла и стала смотреть вниз. А там, на земле, под ними были деревни, пруды, леса и перелески, вились край полей и оврагов дороги и дорожки. И это всё было так необыкновенно красиво.

Полёт цапли был плавным и размеренным. Огромные крылья ритмично подгребали под себя воздух не производя рывков и толчков. «Вот, рассказать краснопёрке или дедушке, не поверят» – подумала Ксюша и стала напевать песенку.

Вскоре птицы прилетели к назначенному месту, и первая шеренга цапель сразу вступила в бой с гадюками. Змеи находились на каждой ветке, на каждом сучке. Одни из них обвили ствол дерева, а другие вылезали из нор. Но такое обилие ядовитых рептилий не страшило цапель. Они шеренгами пикировали на дерево и выхватывали длинными клювами змей из кроны. Те в их клювах извивались, пытаясь освободиться, но в воздухе цапли были сильнее и проворнее их. Ещё цаплям помогали их длинные шеи. При помощи длинных шей и длинных клювов птицы доставали змей оттуда, где они считали себя надёжно защищёнными.

– Я тоже хочу сражаться со змеями, – заявила Ксюша цапле, на которой летела. Не садясь на землю, её цапля подхватила с земли клювом довольно длинную палку и подала её девочке. Ксюша, вооружившись палкой, стала отбивать атаки особо агрессивных змей, которые прыгали с ветвей цаплям на спину и обвивали их крылья, заставляя приземляться или просто падать с высоты и калечиться.

И вдруг девочка увидела, как самая длинная змея метнулась с ветки дерева и упала на спину её цапли. Она обвила Ксюшу и, глядя ей в лицо и открыв рот, прошипела, шевеля раздвоенным языком: «Слушай, паршивое человеческое отродье. Ничто не мешает мне тебя укусить и лишит жизни. Ты в моей власти. Твоя жизнь на кончике моего зуба. Прикажи птице лететь прочь от этого дерева. Я оставлю и тебя и её живой, если вы долетите до вон той горы, что виднеется за рекой. Там я отпущу вас».

– Оставь девочку! – прокричала цапля, понимая, что и её жизнь, и, особенно, жизнь девочки в большой опасности. Если бы цапля была одна, то она бы поборолась с этой гадюкой, но на спине девочка, а другие все цапли заняты истреблением змей и не обращают на них внимание.

Цапле ничего не оставалось, как подчиниться требованиям змеи и повернуть в сторону горы. Через несколько минут они были у назначенного места, где гадюка ловко отцепилась от своих жертв и ринулась с высоты в прибрежные камыши. Вода и камыши смягчили удар от падения и змея, выбравшись из камышей, поползла к своей норе. И вот, когда змея заползала в нору, тут и произошло самое важное событие. Ксюша заметила с высоты, что змея никак не может протиснуться в узкую нору и что у неё в средней части туловища заметно сильное утолщение живота, которое и мешает ей это сделать.

– Так она проглотила кувшин, что был в дупле, и с ним пытается убежать!!! – закричала изо всех сил девочка. Цапля сразу сообразила, что надо делать и, резко накренившись, крикнула Ксюше: «Держись! Я пикирую!», – резко пошла на снижение. И ещё кончик змеиного хвоста находился у норы, как цапля, приземлившись, ухватилась за него клювом и стала тянуть. Силы были равны. Цапле никак не удавалось вытащить рептилию из норы, и тут ей на помощь подоспела Ксюша. Она ухватилась руками за хвост цапли и изо всех сил стала тянуть.

Эта борьба с перетягиванием продолжалась довольно долго. Наконец змея стала уставать. Всё больше и больше её тело стало вылезать из норы. Наконец появилась и её голова. В этот момент змея сделала отчаянный бросок, намереваясь схватить цаплю за шею, но тут настороже была Ксюша. Она ударом палки пресекла попытку змеи убить птицу. Цапля, выпустив хвост змеи, одним ударом своего крепкого носа размозжила голову гадюке, а затем выдавила из её живота кувшин.

Ксюшиной радости не было конца. Теперь два кувшина с противоядием были найдены, оставалось добыть только третий, и можно было освободить реку от перламутрового тумана.

– Спасибо тебе, – тихо проговорила Ксюша, прислонив голову к шее цапли. – Если б не ты и твои

сородичи, кувшин так бы и находился в дупле того большого дерева.

– Похожим на букву «У», – проговорила цапля и они дружно рассмеялись. Затем цапля отвезла по воздуху Ксюшу к дедушкиному дому, и они расстались. Девочка с радостью побежала к запруде и опустила в воду второй кувшин. Рыбка и Ксюша ликовали.

Теперь Ксюше осталось найти старую лисью нору, которую охраняют жабы, но как это сделать, она пока не знала. Помог случай. В перелеске она встретила ёжика. Этим ёжиком оказался как раз тот, которого Ксюша спасла от лисы.

– Послушай, ёжик, – сказала она, – ты не видел старой, брошенной лисьей норы в округе? Главная её примета – это земляные жабы. Они оборудовали её под своё жилище.

– Тэк... тэк... тэк... – проговорил ёжик, остановившись и рассматривая Ксюшу подслеповатыми глазами и принохиваясь. – Чую, что ты та самая девочка, что спасла меня от зубов лисы. Нюх меня не обманывает. Мы ежи слабо видим, а вот чутьё у нас отменное.

– И память тоже, – добавила Ксюша.

– Кхе, кхе, кхе... – разве такое забудешь, – проговорил ёж. – Один шаг до лужи оставался. Если перевести на наш ежиный язык, то оставался один шаг до моей смерти. Лиса закатила бы меня в лужу, я бы раскрылся, и она бы меня съела. Спасибо тебе, добрая и

неравнодушная девочка. Спасибо. До самой смерти буду помнить. А про лисью нору слышал, знаю, в лесу говорили.

Ты вот что, голуба душа, постой здесь минуточку, я корзинку с грибами ежейхе отдам, и мы с тобой сходим к этой норе на разведку. Я даже не спрашиваю тебя, зачем она тебе нужна? У ежей принцип – ты помог ежу, ежи помогли тебе и без всяких вопросов. У ежей взаимопомощь на первом месте, в крови, так сказать, – и ёжик шмыгнул куда – то под коренья.

Через тройку минут он вышел уже без корзинки с палкой в руке.

– Пошли на овражий спуск. Там, на взлобке, и будет эта лисья нора, – и ёжик засеменил впереди Ксюши.

Ёжик был мал, но передвигался он довольно быстро, шустро пролезая под ветками. Через час, изрядно утомившись, они были уже на месте. Это была та самая, заброшенная хозяйкой, лисья нора. А вокруг норы, как мины на минном поле, торчали из земли жабы шишкастые головы. Ёжик, как только подошёл, то сразу вступил с жабами в диалог.

– Как живёте – можете, жабушки? – спросил ласково он. – Что за службу несём?

– А это не ваше дело. Проходите не останавливаясь, – проговорила резко толстая жаба. – Чужие здесь не ходят. Мы сидим, лежим, никому не мешаем. Может быть, вы чего потеряли и ищите? – спросила она.

– Конечно, ищем, – сказал ёж. – Оставил я в лисьей норе фуражку и кувшин, а в какой – никак не вспомню. В вашей их нет?

– В нашей их нет, но если сомневаетесь, то можете посмотреть, мы вам не препятствуем, – и жабы расступились, освободив проход к лисьей норе. Ёжик тут же юркнул в нору. Его достаточно долго не было, а когда он появился, то по его виду было видно, что в норе он ничего не нашёл: ни выдуманной фуражки, ни кувшина. Ёжик чихнул для порядка и сказал:

– Там ничего нет.

– Странно, – произнесла разочарованно Ксюша. А про себя подумала: «Жабы позволили нам осмотреть лисью нору, потому что знали, что там нет кувшина. Тогда где он?»

– А вы не блефуете? – спросил жаб ёжик.

– Что это за слово такое «бле-фу-е-те»? – прошамкала самая большая земляная жаба, – мы такого слова не знаем.

– Это значит, что вы нас вводите в заблуждение, – пояснила девочка. – Кувшин у вас, а вы делаете вид, что у вас его нет. И всё очень убедительно. Любой в это поверит. Ведь вы и толстушки, и не поворотливые, и не воинственные, и не ядовитые, а на самом деле умные и хитрые, а совсем не амёбы, которыми представляетесь. Я угадала? Это ведь лучший способ сохранить кувшин. Ваш ум и хитрость гораздо больше, чем глупая агрессивность водяных крыс и безрассудная ядовитость

змей. Не сохранили кувшины ни водяные крысы на дне озера, ни ядовитые змеи в дупле дерева, а вы храните, и на вас никто не может подумать. Великолепно придумано!

В это время, Ксюша отошла в сторону и позвала к себе ежа, и когда тот подошёл, она ему тихо сказала:

– Как мы убедились, эта лисья нора служит прикрытием, то есть, для отвода глаз. – Думаю, этот кувшин жабы спрятали не далеко от норы, на открытом месте и на это место никто не может подумать. Мы его никогда не найдём, если не перехитрим земляных жаб.

– Как же мы их перехитрим? – спросил ёж.

– А очень просто. Ты будешь с палочкой ходить и обследовать вокруг норы кочки и ямочки, а я буду наблюдать за поведением жаб, за их движениями, за их мимикой, за тревожностью в глазах. Когда ты будешь рядом со спрятанным и замаскированным кувшином, они обязательно встревожатся.

– Отлично придумала, – сказал ёж и тут же, вооружившись палочкой, стал обследовать территорию около норы.

Земляные жабы, выпучив глаза, смотрели на него и молчали. Они даже не реагировали на летающих и чуть ли, не садящихся им на нос насекомых, которыми они всегда не прочь полакомиться. «Раз они впали в такое состояние, что и на мух не реагируют, то кувшин точно здесь. Они боятся, что мы его найдём, – подумала

Ксюша. – Надо наблюдать, наблюдать и наблюдать». И тут девочка заметила, как жабы просто цепенели, когда ёжик подходил к одному, усеянному земляными бугорками холмику. «Значит в этом холмике спрятан кувшин», – определила Ксюша, и она решительным шагом направилась прямо к нему.

– Не позволю!!! – выкрикнула толстая жаба и загородила собой девочке дорогу. Но Ксюшу было уже не остановить.

– Прочь с дороги шишкастая прихвостень Водяного! – проговорила она сквозь зубы и носком туфли откинула жабу в сторону, затем палкой копнула этот холм и о чудо! Этот холмик оказался совсем и не холмиком, а пупыристой, очень похожей на землю старой жабьей кожей. Под этой кожей и лежал третий кувшин.

– Здорово они его замаскировали, – удивился ёж. – В жизни бы не нашёл.

Ксюша ничего жабам не сказала, а молча взяла кувшин и положила его в корзинку. Жабы не сопротивлялись, они оцепенели от Ксюшиных решительных действий.

Ах, как была рада краснопёрка, когда увидела принесённый третий кувшин с противоядием. Не долго думая, рыбка, Ксюша и ёжик, взяв по кувшину, одновременно вылили в ручей через дедушкину запруду сразу содержимое трёх кувшинов. Ручей помутнев,

понёс содержимое кувшинов в реку, а сзади этого противоядия плыла краснопёрка, а по бережку бежали ёжик и Ксюша. Как только противоядие достигло реки и влилось в её воды, вода в реке взбурлила и по всей Волге прошла мелкая рябь, затем послышался неземной вопль и из реки, подняв миллионы брызг, вылетело перламутровое облако. Противоядие его жгло и кололо и оно больше не могло находиться в реке.

За один край этого облака держался, свисая до воды, Водяной. Он пытался удержать облако. Рыбий его хвост старательно захватывал воду. Но все усилия были тщетны – перламутровый туман всё рыхлел и таял. Наконец он стал с кулачок, а затем и совсем исчез, а Водяной рухнул в воду и больше из неё не показывался.

Говорят, он ушёл из реки и обосновался на дальнем лесном озере, но это только слухи, а вот в реке его точно не стало. Хозяйственными всеми делами снова в Волге занимается Налим, а три царицы – стерлядины, как и прежде, правят речным царством по совести и по закону. Говорят, что девочка Ксюша была у них в гостях в подводном царстве, в их стеклянном замке и ей очень понравилось.

Стерлядины приняли её со всеми царскими почестями и даже предлагали остаться и помогать им в управлении царством. Только Ксюша не согласилась. Ведь у неё был дедушка, он старенький, и за ним уже нужен догляд и уход. А вот рыбка в гости к Ксюше навещается. Её Ксюша из реки в туеске с водой

приносит домой и выпускает в аквариум. Они долго разговаривают. А потом Ксюша относит её в реку обратно. Так они и живут, вспоминая уже те времена, когда сражались с водяными крысами, змеями и как обхитрили земляных жаб.

2020. Саратов, 2020, 2 февраля.24.02.

Глиняный денщик

В одной стране правителем был канцлер Рейх. И был этот Рейх очень могущественный, все соседние страны завоевал и заставил их жителей на себя работать. Молодых мужчин из завоёванных стран в свою армию призвал, и стало его войско огромное-преогромное, одних полков считать - не пересчитать. И вот однажды вызывает к себе канцлер Рейх своего любимого генерала по имени Вермахт и говорит ему:

– Многие страны мы с тобой покорили, генерал Вермахт, многих мечу предали, осталась только одна страна не завоёванная – Россия. Победим её – и весь мир будет лежать у наших ног. Наш народ после победы над Россией, будет жить в изобилии. Все её богатства нам достанутся. Завоюй Россию, дорогой Вермахт.

– Слушаюсь! Мой непобедимый канцлер! – гаркнул генерал Вермахт и щёлкнул каблуками.

– Вот и хорошо... Ступай, мой друг, приходи с победой, – и в знак особого уважения и доверия похлопал генерала Вермахта по плечу.

Долго воевал генерал Вермахт с русским войском, но никак не давалась ему победа. Тут разобьёт русские полки, глядь, а такие же полки в другом месте появились. И никак не может понять генерал, почему это происходит, почему русские такие живучие? Вызывает к себе генерала Вермахта канцлер Рейх и спрашивает:

– Скажи, мой лучший генерал, почему ты до сих пор со своим войском не разбил русские полки?

– Мои солдаты остановились у Калинового моста, на речке Смородина, – отвечает генерал канцлеру.

– А почему они там стоят и не могут взять Калинов мост?

– Мой канцлер, – отвечает генерал, – на той стороне речки занял оборону русский полковник Волгин. Сделал себе крепкий-прекрепкий блиндаж и обороняется, подступиться нельзя.

– А кто этот полковник Волгин?

– Полковник Волгин родом из Саратовской деревни Малая Крюковка.

– И в чём сила этого полковника, что он так хорошо обороняется? Может быть, у него солдат больше или укрытие крепче, или пушки дальше стреляют? А, может

быть, он какое-то слово знает, или талисман с секретом у него имеется?

– Мне неизвестно, мой канцлер! Солдат у него даже меньше чем у нас, а сражаются они невиданно и неслыханно...

Каецлер Рейх подумал и говорит:

– Дам я тебе в подмогу главного воина по имени Мёртвая голова. Этот воин не знает страха и усталости. Он поможет вам занять этот Калинов мост и блиндаж полковника. Когда будете в блиндаже, выясните, в чём сила полковника Волгина, а я для вас подготовлю план дальнейших действий и пришлю с офицером.

– Есть взять солдата Мёртвая голова, с его помощью захватить Калинов мост и блиндаж русского полковника и выяснить, в чём сила русских! – гаркнул генерал Вермахт.

А в это время, когда канцлер Рейх разговаривал с генералом Вермахтом, за Калиновым мостом в блиндаже русских, полковник Волгин говорил с первым своим заместителем майором Фадиным.

– Сможем ли мы удержать этот блиндаж? – спросил полковник Волгин майора.

– Нет, не сможем. У нас нет ни снарядов к пушкам, ни патронов, – отвечает заместитель. – Не знаем, как сил хватило до этого часа продержаться. Мы готовимся оставить позиции у Калинового моста и перейти на новые. Вам, товарищ полковник, придётся оставить этот

блиндаж. Тем более, канцлер прислал генералу Вермахту солдата по имени Мёртвая голова. Нам без снарядов, этого солдата не победить, сила в нём огромная. Он разметал все наши укрепления у Калинового моста, остался только ваш блиндаж. Солдат Мёртвая голова уже совсем близко, вам надо срочно уходить, и добавил, глядя на полку. – Вы, товарищ полковник, в новый блиндаж и эти вещи возьмёте, – и он указал на глиняного петушка, саратовскую гармошку с колокольчиками и хлебный калач, что стояли на полке.

– Обязательно возьму, майор, без них нельзя, – отвечает полковник, – Это символы нашего родного саратовского края, моей деревни Малая Крюковка. Этот калач испекла моя мама, а испечён он из нашей саратовской пшеницы; на этой гармошке я сам играл на вечеринках. Тех девчат и ребят, которые под неё плясали уже нет в живых, все погибли, защищая Калинов мост; а глиняного петушка слепил мой отец и я вспоминаю, как в него играли мои дети. Эти изделия, майор, зовут нас на подвиг. Нет ни одного солдата или офицера, чтобы вошёл в этот блиндаж и глаза бы у него не повлажнели, глядя на эти реликвии. Глядя на них, в наших воинах появляется великая сила. А наши враги не знают этого.

В это время раздаётся сильный удар по блиндажу. Оглушённый полковник падает, его хватают солдаты и уносят. Все быстро покидают блиндаж.

В блиндаж, после того, как его покинули русские, входит, генерал Вермахт и несколько его офицеров.

– Ну вот, а вы говорили, что русских у Калинового моста победить невозможно, – проговорил генерал. – Доказывали мне, что у них есть какой-то амулет, или талисман. Ну и где эти амулеты и талисманы!? Может быть это их талисман?! – и он ткнул гармошку в бок тростью. Гармошка тихонько взвизгнула от боли. – Может быть амулетом является этот глиняный болванчик? – и генерал Вермахт ткнул тростью в петушка. – Это обыкновенное русское варварство... – Генерал брезгливо поморщился, глядя на изделия. – Есть калач нельзя, он может быть отравлен.

После этих слов генерал сел на стул, на котором сидел русский полковник и положил фуражку с высокой тульей на стол.

– Связь налажена, – отрапортовал генералу вошедший в блиндаж офицер.

– Очень хорошо. Сейчас я позвоню канцлеру Рейху, порадую старика нашими успехами. – Берёт трубку и говорит: – Господин канцлер! Мои солдаты захватили мост чрез речку Смородина и заняли блиндаж русского полковника у Калинового моста! Что мне делать дальше?

– Пока отдыхайте, мой доблестный генерал, – слышалось в трубке. – Я сегодня пришлю вам пакет с

секретной картой, в ней будет указано, направление вашего нового удара... Выполняйте приказ.

– Есть, выполнять приказ!! – сказал генерал и вытянулся.

В это время, когда вражеский генерал с офицерами радовались победе, на полке игрушка, гармошка и калач вели тихий разговор.

– Нам надо как-то украсть эти документы, что генералу обещали прислать... – прошептала гармошка.

– Хорошо бы, только ничего не выйдет. Пакет пришлют завтра перед наступлением. Даже если мы его выкрадем, мы не сможем его передать полковнику, – заключил калач и тоже шёпотом.

– А что если им в чай насыпать сонной травы. Помните, её пьёт от бессонницы наш полковник. Они уснут, а дальше мы успеем уничтожить пакет, – тихо сказала гармошка.

– Идея хорошая, только через сутки, двое пришлют новый пакет от канцлера, и что? – спросил петушок.

– Давайте хоть это сделаем, а то сидим... смотреть на нас тошно... – буркнул калач.

– Хорошо, – сказал петушок. – Попробую выступить в роли игрушки-официанта и поухаживаю за генералом и его офицерами.

– Стой? – проговорила гармошка, пытаясь удержать петушка за крыло, но куда там. Петушок спрыгнул с

полки прямо на стол, за которым сидел генерал с офицерами.

Генерал Вермахт был немало удивлён появлением петушка.

– Это что такое!?! Русские игрушки, кажется, начинают оживать?! – и он вопросительно посмотрел на старшего офицера.

А глиняный петушок отвечает:

– Господин генерал, – сегодня обслуживать вас буду я, – и петушок галантно поклонился генералу и его свите.

– Это забавно... – сказал старший офицер. – Эти русские воевать не умеют, а механического денщика завели. Ха-ха-ха!!!

– В этом что-то есть, – проговорил генерал. – Глиняный денщик... Мило... Очень мило... Пусть обслуживает. Посмотрим на его способности. Мы будем его звать Ку-ка-ре-ку. Ха-ха-ха!!!

– Как желаете, – поклонился петушок.

– Слушай... Ку-ка-ре-ку, приготовь нам чая, – приказал Вермахт.

– Сию минуту, ваше благородие... – и петушок, поставил чайник на огонь, приготовил заварку, после чего взлетел на полку к гармошке и калачу.

– Ну, ты, Петя, даёшь, – проговорила гармошка. – Я думала, что у меня сердце в пятки уйдёт, когда ты к ним

на стол слетел и с генералом Вермахтом стал разговаривать.

– А что было делать? – должен же быть какой-то доступ к их желудкам. Сегодня в ночь привезут пакет, а утром вермахтовцы пойдут в наступление и что?

– И что ты решил? – спросил калач.

– Ничего не решил, – буркнул петушок. – Я думал, что увижу мешочек с сонной травой, какую наш полковник иногда заваривал от бессонницы, а этого мешочка на столе нет. Хотел им покрепче этой травы заварить, чтоб уснули.

– А дальше что, – спросил калач.

– Когда уснут, можно будет посмотреть, что в портфеле привезёт курьер. Другого плана у меня в голове нет.

– А это не мешочек с травой под лавкой валяется? – спросила гармошка и кивнула в направлении лавки.

– Точно. Это он, – подтвердил калач. – Видно в суматохе уронили.

– Молодцы, глазастые, – сказал петушок и вновь слетел на пол, стал его подметать и взял мешочек из-под лавки.

Поздно вечером прибыл курьер с секретным пакетом и, вручая его генералу Вермахту, отрапортовал:

– Канцлер Рейх приказал вскрыть его в пять часов утра, чтобы секретная информация не попала к русским.

– Прекрасно! Господин капитан. Мы вскроем пакет утром, а теперь все за стол, будем пить чай. Эй! Ку-ка-ре-ку! Готовь чайник, – приказал генерал и положил пакет себе в портфель.

– Есть! Ставить чайник! –

Глиняный петушок быстро, но не суетливо двигался по блиндажу. Он развязал мешочек с травой и насыпал в заварочный чайник добрую порцию сон-травы. А когда трава заварилась, стал наливать её в генеральские бокалы, которые Вермахт всегда возил с собой.

«Какой чудный запах... – говорили офицеры генерала, вода носами. – В жизни ничего подобного не пили. Скорее, Ку-ка-ре-ку, наливай нам этого чудно пахнущего напитка.

Через час генерал Вермахт и его офицеры уже спали непробудным сном. Гармошка, калач и петушок слезли с полки, взяли генеральский портфель и вытащили из него секретный пакет. Немного помучившись с печатью, друзья осторожно вскрыли пакет и вытащили из пакета карту. В пакете, кроме карты больше ничего не было.

– Я думал, что будет письмо от канцлера, а тут одна карта, – проговорил расстроено калач.

– Карта в военном деле, это самое главное, – толкнул его в бок петушок.

– И что ты в ней видишь? – спросил калач, – одни маленькие и большие разноцветные стрелки.

– Эти стрелки и есть самое главное, – заверил калача петушок. – Они говорят о том, куда будет наносить удар по русским генерал Вермахт.

Все стали рассматривать карту и думать, что с ней делать.

– А я придумала... – пропищала гармошка, – нам не надо сжигать карту.

– А что с ней, позволь тебя спросить, делать? – строго спросил петушок.

– Надо подрисовать стрелки и тем самым обозначить новые точки удара, – просто сказала гармошка.

– Ты гений, гармошка! Дай я тебя за это поцелую в твой блестящий колокольчик, – проговорил, улыбаясь, глиняный петушок.

– Идея отличная, – сказал калач. – Мы документы не уничтожаем, не крадём и не переправляем их нашему полковнику, а просто подрисовываем стрелки, обозначив ими новые направления удара. Блестяще! Гениально! Давай Петя, принимайся за работу.

– А почему я?

– Потому, что ты это сумеешь сделать лучше нас. Твой нос очень ловко вскрыл пакет, не повредив ни одной печати, мы тебе доверяем.

– А где я возьму цветные карандаши? – спросил петушок.

– Как где? – У генерала, конечно, – и гармошка, открыв генеральский портфель, тут же нашла необходимые по цвету карандаши.

Петушок, как заправский картограф, засунул между перьев красный карандаш и стал пририсовывать стрелкам носики с направлением совсем в другое место. Одну стрелку он направил в болото, другую в чащу леса. Во время работы его под крыло подтолкнул калач и получилась на карте приличная загогулина.

– Ну вот, всё испортил... – обиженно сказал петушок. Чего толкаешься?...

– Я нечаянно, – ответил калач. – Не расстраивайся, всё получилось красиво...

– А загогулина?

– Будем считать, что это указан маневр вражеского полка или солдата Мёртвая голова.

– Ну и хитрюга ты, калач, сразу оправдался, – улыбнулась гармошка.

Наконец работа выполнена, все стрелки подправлены. Друзья свернули подрисованную карту и вложили в пакет. Гармошка подклеила сургучную печать и получилось совсем незаметно. Все трое, сделав дело, тут же залезли на полку и притихли.

Рано утром проснулся генерал Вермахт. Он посмотрел на часы и, выждав немного, вскрыл пакет и достал карту.

– Что означает, эта загогулина? – спросил он офицера, принёсшего пакет, и ткнул пальцем в загогулину, оставленную петушком.

– Это, я думаю, показан маневр во время боя для солдата Мёртвая голова, – господин генерал. Видите, загогулина похожа на букву «М».

– Раньше в штабе такого не указывали... – сказал Вермахт удивлённо. – Может быть, связаться с канцлером Рейхом и уточнить?

– Это для обмана противника, – отчеканил офицер. – А если вы будете уточнять, то в штабе могут, вас, генерал, посчитать некомпетентным военным начальником.

– Это ты правильно говоришь, – проговорил генерал и отдал войску приказ наступать, согласно присланной карты.

Русский полковник внимательно наблюдал за передвижением полков генерала Вермахта и недоумевал, почему один из них, вместо того, чтобы наступать прямо, полез в болото, Другой полк запутался в лесных дебрях, а третий, вместе с солдатом Мёртвая голова делает на открытой местности какие-то странные зигзаги.

– Не знаю, что у генерала Вермахта происходит, но мы не упустим этот момент, – проговорил полковник. – Приказываю помочь полку противника утонуть в болоте, второму полку Вермахта не дать выйти из леса. Третий полк вместе с солдатом Мёртвая голова, разгромить ударами пушек, пока они зигзагами ходят по полю, совершая непонятный маневр.

Через два часа боя полки генерала Вермахта были разбиты, Калинов мост был отбит и блиндаж полковника тоже, а сам генерал Вермахт был взят в плен. Его привели к русскому полковнику. Генерал не понимал задаваемых ему вопросов, а только твердил, что он действовал согласно утверждённого на карте канцлером Рейхом плана. Принесли эту карту. Полковник взял её в руки и рассмеялся, заметив подрисовки.

– Ай, да молодцы!!! Ай, да молодцы!!! Видно какой-то опытный разведчик постарался, – проговорил он.

А вскоре к нему привели этих трёх, как говорил полковник, «опытных разведчиков».

– Товарищ полковник, – отрапортовал глиняный петушок, – задание Родины выполнили, карту подрисовали, разрешите вас угостить чаем.

– Молодцы!!! Только заварку я налью сам, – и он потянулся к заварочному чайнику.

– Эту заварку употреблять нельзя, – отстранил руку полковника калач.

– Это что за новости? – серьёзно спросил полковник.

– В чайнике такая заварка, что отпив её не только человек, но и слон уснёт, – сказал петушок.

– Ну и ну! – проговорил полковник, улыбаясь, и тут же попросил вестового принести награды. Полковник лично прикрепил петушку, гармошке и калачу на грудь по медали «За отвагу». А потом, обращаясь ко всем, сказал:

– Вот видите, как нам наши достопримечательности помогают!!! Не только наш дух укрепляют, но и вражеские полки в болота заводят. Доложу об этом главнокомандующему.

Глиняный петушок, гармошка с колокольчиками и калач так до конца войны и были рядом с полковником, помогали ему громить войско канцлера, и в конце-концов, отсекали ему голову в его же берлоге, чтоб не замышлял больше на Русь ходить.

Саратов, 2019, 27 декабря.

Монстр Тунгалот

Когда ты ещё не родился, и меня тоже не было на белом свете, появился на земле саратовской монстр по имени – Тунгалот. Откуда он пришёл – никто не знал и где его место обитания – никто не ведал. Многие области захватил в русском государстве Тунгалот, многие города были под его властью, дошла очередь и до Саратова. А власть у Тунгалота была особенная, не как у других завоевателей. Возьми хоть того же дракона о десяти головах. Так он съедал молодых девушек. Или

великан Берендей – этот всю скотину поел, и всё ему было мало.

Тунгалот никого на захваченных территориях не ел: ни девушек, ни скотину. Ему люди сами несли всё, что он пожелает, подчиняясь неведомой силе, которая исходила от Тунгалота. Но прежде, чем люди становились такими послушными и безвольными и подвластными, Тунгалоту надо было отобрать у них самое главное, что они имели – их творческий божий дар.

Этот божий дар никогда нигде людьми не прятался, он всегда у горожан был на виду. Так, таким даром саратовцев было умение выпекать несравненный саратовский хлебный калач, изготавливать чудесную саратовскую гармошку с колокольчиками с очаровательным звоном и играть на ней, и лепить превосходную саратовскую ямчатую глиняную игрушку.

Саратовцы умели их делать лучше всех на свете и этим очень гордились. Они называли эти чудесные изделия достопримечательностями своего города и символами земли саратовской, и всякий человек, приезжавший в Саратов, обязательно покупал у городских мастеров или калач, или гармошку, или глиняную игрушку.

Были эти изделия не просто символами. Так при помощи глиняной игрушки саратовцы воспитывали своих детей. Игрушка делала их добрыми, сильными, смелыми и любящими свою Родину. Саратовский калач

– был воплощением трудолюбия саратовцев, он давал им жизненную силу и стойкость, а гармошка с колокольчиками веселила душу и делала её неподвластной никаким монстрам. Вот такие это были символы.

Тунгалот знал об этом и понимал, что пока у горожан есть их символы, города Саратова ему не завоевать и жителей его не покорить. Разумеется, он мог бы разбить все игрушки в городе, порвать все гармошки и проглотить все калачи, только это ничего не решало. Горожане, обладая божьим даром, тут же налепят новых игрушек, наработают гармошек и напекут калачей. Тем дело и кончится.

Надо было в начале, отнять у них божий дар, чтоб саратовцы не могли ничего этого делать. Именно в нём заключалась жизненная сила саратовцев, без него они безвольны и беспомощны. Чтобы божий дар перестал действовать, горожане должны добровольно отдать Тунгалоту свои изделия и пообещать – больше игрушек не лепить, гармошки не делать и калачей не выпекать. Но кто ж на это из горожан пойдёт, кто – ни за что, ни про что расстанется с божьим даром!?

Чтобы так произошло, Тунгалотом был придуман хитрый зловещий ход. Монстр напустил на город голод. Три года подряд поля вокруг Саратова не давали урожая. Это был страшный голод. Многие люди от голода теряли рассудок и были готовы отдать всё, лишь бы получить кусочек хлеба или горсточку овса и

выжить. В то время тут и там по улицам Саратова раздавались крики: «Тун-га-лот!!! Возьми гармошку, сделанную моим дедом...» «Тун-га-лот!!! – возьми мои ямчатые игрушки...» «Тун-га-лот!!! Возьми рецепт выпечки хлебного калача, это единственное что у меня осталось! Не дай помереть с голоду мне и моим детям...»

– Пообещайте мне, что вы никогда не будете лепить свои паршивые игрушки, никогда не будете делать свою мерзкую гармошку с колокольчиками, и выпекать этот поганый калач!!! – гремел голос Тунгалота.

«Мы обещаем...! Обещаем...! Обещаем...!» – доносилось с разных сторон.

Страшно было смотреть на этих ползающих по улицам и умирающих по подворотням людей. Так при помощи голода, отобрал Тунгалот у саратовцев их достопримечательности их удивительные изделия, а с ними и их творческий дар, и строго-настрого приказал больше калачей не выпекать, игрушку не лепить и на своей саратовской гармошке не играть.

Но, были и такие, кто не поддался, ни голоду, ни уговорам, ни пыткам и не отрёкся от божьего дара. Этих стойких и непримиримых Тунгалот связал и угнал в Хвалынские горы, приковал цепями к стенам в пещерах и завалил те пещеры камнями. Не любит монстр, чтоб ему перечили.

Живут так горожане год, два, десять лет, притерпелись. Вроде бы и Тунгалот не такой уж и

страшный, рубашку последнюю не снимает, хоть и скудно, но кормит. Тут главное – ему не перечить.

Живут горожане, ходят понурые, подавленные и даже друг на друга не глядят. Если идут мужики друг другу навстречу, стукнутся лбами, почешут ушибленные места и, не сказав ни слова, разойдутся. Не люди они стали без божьего дара, а стало быть, без игрушки, гармошки и калача. Стали они тенями безучастными, всё им не в радость, живут без забав и творчества, не танцуют, не пляшут; скудно, скучно, не хорошо стало в их домах.

И всё бы так в городе и шло, если б не Иван Микитов сын, торговый человек по призванию, купец по названию. Приехал он после дальних странствий в Саратов и своего родного города не узнал. Улицы и переулки все на месте стоят, а вроде всё как-то не так: дома кособочатся, крыши скудеют, на улицах свиньи ходят и рылом мостовую рушат, рядом ребятишки в земле перемазанные сидят и плачут, а няньки и мамки на них внимания не обращают.

«Что с ними происходит? – думает купец Иван. – Не эпидемия ли какая? Жизнь горожан стала на животную жизнь походить – поел, попил и набок и ничего их не волнует, ни к чему сердце не лежит и не к чему они не стремятся. Город рушится, а им хоть бы хны».

Возмутился Иван Микитов сын и спрашивает проходящего мимо мужика, дескать, что это в городе

творится? А тот, этак блаженно улыбается и отвечает: «Ничего, батюшка, не творится, живём потихоньку, главное – живы и то хорошо. Благодетель о нас заботится».

– Да как же это, хорошо! – возмущается Иван-купец.
– У вас скоро свиньи деток поедят, и ваши дома подкопают, а ты говоришь хорошо! Чего ж тут хорошего! Вон по улице ребятишки играют: у одного руку свиньи по локоть отъели, у другого ногу по колено.

Тут баба подошла в грязном мятом сарафане, на руках ребёнка непричёсанного держит и тоже мужику вторит: «Живы мы, батюшка. А если кого из ребятёнков свиньи сожрут, так мы ещё народим и всё будет хорошо. Главное – мы счастливы».

– Вы что, ополоумели что ли?!?! – кричит вне себя купец. – Знамо ли такое дело, что вы говорите!! У них свиньи детей калечат, а им хоть бы что! Счастливы они... – Плюнул купец с досады и пошёл дальше по улице.

Идёт, видит у дома на скамеечке бабушка сидит, старенькая - старенькая в сто годов. «Дай, – думает, – поинтересуюсь у неё, что происходит?» Подошёл и спрашивает:

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, мил человек, – прошамкала та в ответ.

– Я купец, Микитов сын, Иваном зовут. Может быть слышала? Из купцов я.

Та в ответ кивает, подслеповатыми глазами на купца Ивана смотрит и отвечает:

– Микитку знаю. Дельный был человек.

– Скажи-ка, бабулечка, – говорит Иван, – что в городе происходит. Мужики и бабы какие-то замороченные ходят, их детей свиньи калечат, а спросишь, почему так? то ответ один – «Хорошо, что живы, батюшка». И больше от них ничего не добьёшься. Разве это хорошо, что ты только жив и в желудке чего-то есть? Это зверю лесному хорошо, а человеку нет. Человек душой, разумом и божьим творческим даром наделён. Он этим живёт. Если у него всё это отнять, то и нет человека. Был человек, и нет его.

– Прав ты, Иван-купец, – проговорила старушка. – Так всё и есть.

И тут бабушка рассказала ему о том, что пока купца Ивана не было в городе, пришёл монстр Тунгалот и обманом и насилием отнял у людей их божий дар, запретил людям делать то, к чему они с детства приучены, на чём выросли и мужали, к чему их душа лежит. Не стало у горожан ни игрушки, ни калача, ни гармошки. Одна только еда скудная и осталась, как у животных. А виною всему Тунгалот.

– Спасибо, бабуся! – сказал Иван Микитов сын. – Теперь мне понятно, почему люди в городе такие безразличные и потерянные. Не знаешь ли ты, бабушка, где живёт этот Тунгалот?

– Вот этого я не ведаю, а знаю, что монстра Тунгалота может победить только наша народная игрушка. Больше никто с ним справиться не может.

– А как же игрушка с ним совладеет? Объясни.

– Запоминай, Микитов сын, – говорит бабушка. – Надо слепить из глины с Соколовой горы бычка, затем четырёх петушков, потом утоптать из репьев большое одеяло. Одеяло репьяное надо накинуть на спину бычку. Да так накинуть, чтоб одеяло и спину закрывало и шею и голову. Для рогов и глаз проделай в одеяле отверстия. Рогами бычок будет Тунгалота воевать. Репьяную защиту в бою Тунгалоту не пробить и не изломать. А по-другому Тунгалота никак не взять, потому как царство его не от мира сего, не от тела и силы, а от духа тьмы.

Дух тьмы, Ванюша, боится только изделий народного творчества, потому как в них сосредоточена любовь и правда. В этом их сила. Это и есть божий дар. Сделаешь всё, как я тебе сказала и жди. Тунгалота не ищи, он сам тебя найдёт и к тебе придёт. Нюх у него на тех, кто его воле сопротивляется и запретное делает. Только как боевой бычок и петушки будут готовы и Тунгалот появится, произнеси: «К бою вы теперь готовы, Тунгалота зрите в оба».

– Понял, бабушка, понял. Спасибо тебе. Скажи мне ещё вот чего....

– Только вопроса купец Иван задать не успел. Посмотрел он на бабульку и увидел, что она отошла к господу Богу. Спокойно её стало лицо, будто и жила она

до стольких лет, только для того, чтобы передать Ивану Тунгалотову тайну.

«Ну, – думает Иван купец, гармошку я сделать не сумею и сыграть на ней не сыграю, калач тоже не испеку, рецепта нет, а вот глиняную игрушку попробую слепить, в детстве у меня это неплохо получалось».

Не откладывая дела в долгий ящик, накопал Иван глины, добавил в неё воды, помял, получилось глиняное тесто, и стал он из этого теста игрушку лепить. Слепил глиняного бычка и четырёх петушков, как бабушка велела, высушил их, затем набрал репъёв и утоптал из них одеяло. Получилась этакая кольчуга для бычка. Хотел уже отдохнуть после проделанной работы, как поднялся сильный ветер, просто ураган. Завыло, затрещало вокруг, глаза запорошило пылью, и явился из этой пыли перед купцом Иваном сам монстр Тунгалот.

– Что, Иван – купеческий сын, лепишь!? – загрохотал он челюстями и языком. – А не знаешь того, что я запретил горожанам под страхом смерти играть на гармошке, лепить игрушки и выпекать саратовский калач!!!

Говорил монстр медленно. Его слова катились из пасти, как камни с горы и от дыхания шёл ветер.

Ты, Иван, нарушил мой приказ, – продолжал он, – и должен за это ответить. Отвечать будешь собственной жизнью, другого ответа я не признаю. Саратов теперь

мой город. Опоздал ты, Иван. Жители города отдали мне свой божий дар. После этого они стали постепенно превращаться в животных, чего мне было и надо!

Сейчас горожане ведут примитивный образ жизни, довольствуясь лишь маленькой толикой хлеба. Не мешай им так жить! Уходи! Они мои! Они счастливы! Нельзя у горожан отнимать их счастье, какое бы оно не было. Я из них создал новую популяцию существ на земле. Жаль, что ещё названия этой популяции не успел придумать... В общем, это не трудно сделать. Пусть будут «ЧЕЛОЖИВЫ». Звучит неплохо и со смыслом?!

Челоживы – это полулюди, полуживотные. Вот, что стало с твоими земляками купец. Стоило у них отнять дар божий, и они стали – *никто*. Ха-ха-ха-ха!!! Они превратились в счастливых идиотов... Ха-ха-ха-ха!!!

Он хохотал так, что дребезжали в окнах стёкла.

– Ты говоришь, что за свои слова надо платить жизнью! – вскричал купец. – Так я тоже горожанин, как и они все. Твои слова распространяются и на меня. Я готов платить жизнью за их жизни!!!

– Хорошо! – прорычал Тунгалот, – Ты сам вытащил свой жребий. Выбирай, на чём мы будем с тобой драться.

– Я выберу, обязательно выберу. Только ты сам знаешь, что я купец, а не воин, драться совсем не умею. Могу я выставить вместо себя замену?

– Выставляй хоть кого, – проговорил монстр и вдруг превратился в большого рыкающего льва, – мне не

страшно, – и хлестнул хвостом по траве. Только знай, что съем я тебя, а не их. – Лев посмотрел на Иванакупца и облизнулся.

– Договорились, – сказал купец. – Он поставил на землю бычка и петушков, накинул на бычка репьяное одеяло с прорезями для глаз и рогов и произнёс слово, которое ему сказала старушка. «К бою вы теперь готовы, Тунгалота зрите в оба».

И вдруг, его бычок, и четыре петушка стали расти и выросли на глазах до своих естественных размеров, а вместе с бычком выросло и репьяное одеяло, которое было для бычка совершенно безвредным, так как бычок был сделан из глины.

– Думаешь, что ты запугал меня этими мясными бутербродами? – прорычал лев-Тунгалот. Видал я и пострашнее, – и он с рыком бросился на бычка, как на самого большого. Бычок выставил навстречу льву-Тунгалоту рога. Тунгалот напоролся на них, громко взревел, отскочил назад. От боли и злобы его глаза налились кровью и вдруг, сделав невероятный прыжок, лев очутился на спине у бычка. Он стал рвать когтями репьяное одеяло и грызть его зубами, но репьяное одеяло надёжно защищало спину бычка, и не поддавалась. Наоборот, репы набились Тунгалоту в рот и нос. Льву-Тунгалоту стало трудно дышать.

Тут петушки захлопали крыльями, поднялись в воздух, схватили клювами за углы репьяное одеяло, подняли их и обернули репьяным одеялом Тунгалотальва, как конфетку оборачивает фантик, со всех сторон. Репьяное одеяло сковало движения льва, иглы репьев вонзились в его шкуру. Он завизжал от боли. По всему телу его пошли судороги. Он пытался разорвать репьяное одеяло, но у него ничего не выходило. Наконец лев-Тунгалот обессилел и затих.

– Как видишь, ты проиграл битву, – сказал купец-Иван, подходя к Тунгалоту. – Скажи, где ты скрываешь саратовских мастеров, которые не подчинились тебе, и ты их за это силой увёл из города? Ну! – проговорил Иван требовательно и угрожающе.

– Не скажу... – прохрипел Тунгалот.

– И не надо. Пусть не говорит, – протрещала сорока. – Я летала, я всё видела... Он их прячет в пещерах Хвалынских гор. Они там прикованы к стенам цепями.

От этих слов сороки Тунгалот аж прозеленел. Сорока выдала его тайну. Тунгалот хотел выторговать свою свободу в обмен на свободу этих несчастных мастеров. А тут эта болтливая птица.

– Хорошо! Твоя взяла! – Проговорил Тунгалот и покорно опустил голову.

– Веди нас к подземельям Хвалынских гор! – приказал купец. Он накинул на голову Тунгалота узду, взял в руки вожжи, сам сел на спину бычка. Впереди них шагали четыре глиняных петушка. Процессия двинулась к Хвалынским горам. Впереди них летела, показывая дорогу, сорока. Через два дня на третий они были на месте. Сорока показала большой камень, которым был закрыт вход в пещеру.

Как только они отвалили камень и вошли в пещеру, то увидели прикованных к стенам цепями крестьян и горожан, которые не подчинились приказу Тунгалота. Они сохранили в себе божий дар. В народе всегда находятся герои, наделённые смелостью и силой сопротивляться злу. Игрушки вместе с купцом сразу стали сбивать оковы с узников. Радость у мастеров была без конца и без края.

Освобождённые, тут же приковали к стене за лапы Тунгалота. Тунгалот в злобе хрипел и говорил:

– Вы думаете, что победили меня?! Ошибаетесь. Пройдёт время и какой-то бездумный любопытный обыватель прокопает в пещеру палкой отверстие и выпустит мой дух наружу. Вот тогда и посмотрим, чья взяла!!!

Но люди его не слушали. Уходя, они завалили вход камнями, строго настрого приказав сороке никому не выдавать места, где находится Тунгалот.

Прошло немного времени, как воротились мастера из Тунгалотова заточения в свои семьи. Они сразу начали делать глиняные игрушки, играть на гармошке и выпекать вкусные калачи, а герб города с тремя стерлядками, который сбил Тунгалот, снова поместили на старое место.

И. О! Чудо! Народ воспрянул духом. Он всё вспомнил. Глядя на свои игрушки, калачи и гармошки в нём проснулась потребность не только жить, но и творить, любить и быть любимыми. Первым делом горожане прогнали свиней с улиц и заперли их в свинарниках; наделали для детей глиняных игрушек и всех в городе накормили вкусными саратовскими калачами с хрустящей корочкой, а затем в городе был устроен праздник, на котором саратовская гармошка с колокольчиками, так веселила жителей, что те плясали до упада.

Саратовцы были необыкновенно рады. Жизнь их снова стала весёлой и счастливой, им вернулся божий творческий дар. «А как же сорока?» – спросите вы. С ней всё хорошо. Но ей так хочется рассказать про пещеру, так хочется, но она не может нарушить данное слово – не говорить никому, где замурован Тунгалот.

29.02.2020 Саратов, 2019, 2 октября.

Вязары

Как-то повёз игрушечник Трофим в дальнее село глиняные игрушки продавать. Положил их в телегу на сено и сеном прикрыл, запряг коня и поехал. Едет он, то полем, то перелеском, а тут в лес въехал. Дорога осенняя, тряская, лужи глубокие встречаются. Трофим их объезжает, а сам думает: «Хорошие игрушки получились, то-то будет выручка знатная...» А тем временем одна доска в задке телеги от тряски по кочкам возьми и подломись. Те игрушки, что на этой доске лежали, так сразу в дыру и попадали. Только упали они не на твёрдую землю, а в густую траву, так как игрушечник в это время большую лужу на дороге объезжал, вот и свернул в сторону. Трофим и не заметил, что у него игрушки из телеги вывалились, так дальше и поехал.

Игрушки же, немного полежав в траве, стали из неё выбираться. Рыбачка Алёна со стерлядкой в руках, первая завозилась и, через силу перешагивая через густую траву, вылезла и села тут же рядом под берёзой. Минуты через две к ней подошла калачница Марфа с калачом в руках. Она рядом с Алёной из телеги приземлилась. За ней Груня с коровкой – Пестравкой появились. Груня подошла и рядом на землю села, а Пестравка тут же начала травку жевать, что рядом с

берёзой росла. Позже подошли Ивашка-гармонист, петушок с топором на плече и гусь.

Ивашка стал сразу пробовать гармошку – не повредилась ли при падении; гусь, вытянув шею и пригнув её к земле, стал шипеть и возмущаться тем, что игрушечник Трофим не закрепил доску в телеге и что это большое безобразие. Один петушок деловито ходил взад и вперёд и о чём-то сосредоточенно думал.

Первой из выпавших игрушек заговорила Марфа.

– Подружки мои милые! Мы что, так и будем сидеть под этой берёзой и мёрзнуть. Ведь осень на дворе, дожди перепадают, туманы, а у нас нет ни крыши над головой, да и идти не знаем куда?

– Это верно, – проговорил гусь, – мы же лежали в телеге, накрытые сеном, и не можем знать, где и на какую дорогу повернул Трофим лошадь и где мы сейчас находимся?

– Верно, – подтвердила Алёна, – Мы знаем только то, что игрушечник нас вёз в город Саратов на базар и больше ничего.

– Совсем дело дрянь, – подвёл черту Ивашка-гармонист. – Где находимся? – не знаем, куда идти надо? – тоже не ведаем...

Сидят игрушки под берёзой, мёрзнут и никак ничего придумать не могут. От холода жмутся друг к дружке. Откуда ни возьмись сорока, села на сучок и трещит:

– Ишь, чего удумали! На ночь глядя в лес пришли! Чего сейчас в лесу делать!? Поздняя осень, ни грибов, ни ягод... пустота одна.

– Ты нас, сорока, не упрекай, – говорит в ответ петушок, – мы не по своей воле в лесу очутились. Доска в телеге обломилась, вот мы и вывалились. Где бы нами уже дети играли, а мы вот здесь мерзнем. Куда идти – не знаем, что делать – не ведаем. Лес вокруг... Помогла бы лучше нам, а то трещишь без толку.

– Ладно... ладно... Чего уж там, это я так, для форсу. Разве мы, сороки, в положение войти не можем.

– Так подскажи... – встряла Марфа-калачница. – Ты по лесу летаешь, всё знаешь, всё видишь, всё слышишь, а информация – дело великое...

– Знаю... летаю... слышу... вижу... На ус мотаю. Так как это самое сорочье дело – информацию собирать. Вороны вон тоже много чего знают, да не делятся. Прокаркает два слова и понимай, как знаешь... А мы, сороки, не такие, мы что знаем, сразу всем рассказываем и всё до тонкостей.

– Болтушки вы! – Не выдержал гармонист Ивашка. – Уже десять минут трещишь, какие вы сороки всезнающие и ни одного слова толкового, одна реклама вашей незаменимости.

– Ах, ругаетесь, так я совсем ничего не скажу, будете знать, – и сорока повернулась к игрушкам задом.

– Нельзя так с ней, – прошептала Ивашке Алёна. – Видишь, какая обидчивая.

– Извини, белобокая, я пошутил!!! – крикнул Ивашка сороке.

– И я пошутила, – протрещала сорока и, довольная тем, что перед ней извинились, повернулась к игрушкам передом, продолжила. – Вон, видите толстое высокое дерево, у которого макушка сломана, это дерево называется Вяз, – и она показала крылом в нужном направлении. «Да, да, видим» – закивали игрушки. – Так вот, идите к этому вязу, в нём найдёте дупло. В том дупле и переночуете, – и сорока улетела.

Игрушки пошли в указанном направлении и вскоре подошли к толстому дереву с дуплом. Дупло было не низко и не высоко, однако просто до него не доберёшься.

– И как же мы!?! – воскликнула Алёна.

– А топор на что, – сказал петушок и быстро вырубил несколько сучкастых жердин. Затем нарубил коротких палок, положил на сучки жердин палки, примотал их стеблями вьющейся травы. Получилась лестница. Таким же образом он сделал ещё одну лестницу, покороче.

Петушок приставил лестницу к дереву и быстро по ней добрался до первого сучка. Затем, он от первого сучка до второго установил другую лестницу, поднялся по ней и очутился рядом с дуплом. Оттуда он махнул товарищам топором, дескать, лезьте за мной, и скрылся в дупле. За ним по лестнице стали подниматься

остальные игрушки. Один гусь не хотел лезть по лестнице, а всё примеривался взлететь, но у него ничего не получалось, мешали ветки.

И вот все игрушки поднялись по лестницам и очутились в дупле. Дупло оказалось довольно просторным, так, что игрушки расположились в нём весьма неплохо. В дупле было тепло и уютно, а мягкая труха на дне служила хорошей постелью. Вскоре они уснули. А ночью погода изменилась – завыл ветер. Он раскачивал дерево и, поначалу было страшно, потому, как дерево старчески скрипело и вздыхало, и игрушкам чудилось, что к ним кто-то лезет страшный и большой. Но потом ветер утих, а утро уже было солнечное и спокойное.

Глиняшки проснулись отдохнувшими и весёлыми.

– Друзья! Раз уж так получилось, что по воле случая мы оказались здесь, в лесу и сорока помогла нам отыскать это великолепное дупло, то надобно уже нам самим позаботится о своей судьбе, – сказала молчунья Груня, обнимая свою коровку.

– Думаю, что в этом дупле мы и обоснуемся, – проговорил Ивашка, стряхивая с гармоники древесную труху. – А чего мы можем найти лучше этого? Думаю, что если мы хорошо поработаем, то это дупло превратится в шикарный дом.

– Так уж и в дом? – засомневалась калачница.

– А что!? Прорубим пару окон, чтоб светлее днём было, на вход в дупло установим круглую дверь..., сделаем перед ней крылечко с перильцами..., а? – продолжал рассуждать Ивашка.

Его идею подхватили. Каждый из присутствующих внёс своё предложение. Так рыбачка Алёна посоветовала поискать вокруг озеро или речку, чтоб в них рыба водилась, потому как жареная рыба им совсем не помешает; калачница Марфа предложила изготовить в дупле печь и полку, чтоб было, где калачи выпекать и на полку ставить; гармонист Ивашка захотел, чтоб вокруг ствола вяза, где находится дупло, была построена деревянная площадка с перилами и скамейками, чтоб было, где поиграть, поплясать и музыку послушать. Петушок порекомендовал, чуть ниже дупла, сделать ещё одно дупло, так чтобы жильё их было двухэтажным. В этом случае, первый этаж будут служить кладовой для съестных припасов.

– А ты что, Груня, молчишь, – обратился к девушке петушок, – посоветуй чего-нибудь.

– Мы совсем забыли о нашей коровке. Я предлагаю соорудить корзину и в этой корзине опускать коровку Пестравку, вниз пастись на лужок, что около дерева, тогда все будут и с молоком, и с маслом.

– Молодец, Груня, – похвалил Ивашка, – дельное предложение. – На том и порешили.

Вторым вопросом было обсуждение названия их общежитийного товарищества.

– Давайте назовём наше товарищество именем «Лесовики», – предложил гусь. Мы же в лесу живём, значит, лесовики.

– «Лесовик» – это другое. Это из области сказок про всяких гномов, кикимор и прочих, – усомнился в предложении Ивашка. – Нам надо такое название, чтоб оно суть нашего положения обозначало, где мы живём, как живём?

– На дереве мы живём, – буркнула Алёна.

– Вязары мы, вязары, – протараторил гусь.

– Что это за слово такое? Поясни, растолкуй, – попросил петушок. – Не слышал раньше.

– И растолкую, – боевито проговорил гусь. – Произведено это слово от названия этого дерева, в котором мы нашли своё убежище. Это дерево называется «Вяз». Стало быть, мы кто – «Вязары».

– Здорово придумал, – воскликнул Ивашка. – Я за это название, оно таинственное и древностью попахивает.

– Правильно! – поддержала его Алёна. – Глиняные игрушки, самые древние игрушки на земле. Они созданы были сразу после появления человека. Поэтому, название для нашего сообщества очень подходит. Есть в этом названии и мужественность, и таинственность...

Так игрушки и решили. Сказано, принято, сделано. Петушок тут же обстругал дощечку, написал на ней слово «ВЯЗАРЫ» и прикрепил к дереву с дуплом, только низу, чтоб все могли прочитать.

Игрушки стали теперь себя гордо именовать «Вязаровцы».

После совещания сразу застучали топоры, зазвенели пилы. С дерева от дупла полетела щепка и опилки. Петушок с гусем доски пилят, Ивашка с Марфой печь из глины сооружают, Груня для коровки-Пестравки большую корзину плетёт. Через три дня всё задуманное было сделано. Дупло было облагорожено. В нём появились полы, кровати, в окна лились солнечные лучи, а из печи через трубу выходил дым и по всему лесу разносился чарующий запах Марфиных калачей. И потянулись к жилищу глиняных игрушек лесные жители, чтоб посмотреть, как Вязаровцы живут, а заодно и угоститься.

А угощать Вязаровцы любили. И шла по лесу о них слава. И чем больше о Вязаровцах узнавали – тем больше была слава и чем больше была слава, тем больше было у них возможностей встретить и недоброжелателей.

Сорока считала себя родоначальником этой славы, потому как именно она посоветовала игрушкам поселиться в дупле Вяза. Правды ради, надо сказать, что она действительно подсказала, где игрушкам можно

переночевать и дупло показала, но не более того. Теперь же она летала по лесу и всем говорила, какое товарищество она организовала на дереве в дупле. Это же самое она сказала и волчьей семье, жившей в самой глубине леса в логовище.

– Лежите, серые! Спите!!! – протрещала она над самым ухом седой волчицы и вожака стаи по имени Деревянная лапа, прозванного так за то, что он действительно, когда-то попал в капкан и чтоб не попасть к охотникам, отгрыз себе лапу и убежал. Потом ему бобёр выточил деревянную лапу и вот уже много лет вожак ходит на ней. – Лежите говорю я вам, – вновь повторила сорока, – а того не знаете, что я в лесу товарищество вязаровцев организовала!

– Что!? Как!? Где!? – встрепенулась волчица. – Какое такое товарищество!? Брешешь, белобокая?

– Я не брещу, а трещу к вашему сведению, брещут собаки.

– Ладно, не придирайся. И не надо о собаках. Там где собаки, рядом и охотники... Лучше скажи, где конкретно это дупло находится? В лесу много всяких дупел. Лапы сотрёшь по всему лесу от дупла к дуплу бегать

– Не надо бегать. Вяз с отломанной верхушкой, все знают. Там у них лестница приставлена. По лестнице они к дуплу и поднимаются. А на ночь ту лестницу убирают.

– Спасибо, милая... Дерево это мы знаем... Спасибо...
Лети, уж, – сказала ей Седая волчица ласково и сорока улетела.

– А что, – проговорил Деревянная лапа, – оглядывая выводок. – Не пора ли и нам попробовать калачиков в их вязарне. Говорят уж больно они хороши.

– Это было бы очень кстати, – проговорила Седая волчица. – Только нам волкам не престало по деревьям лазать. Высоко, и разбиться можно. Надо что-то придумать, чтобы эта коммуна нас кормила и поила, а мы бы ничего не делали!

– Ха-ха-ха!!! Это ты, Седая, славно придумала, – зарычал Деревянная лапа. Может быть, ты сама и придумашь, как всё это обстряпать. А то я что-то сегодня плохо думаю, видно вчера лосятиной объелся.

– Я предлагаю слепить из глины шпиона и заслать его в дупло, проговорила Седая. Он там хорошенько всё обо всём узнает и нам расскажет, а мы уж обмозгуем, что нам дальше делать.

– Это мне нравится, это ты хорошо придумала, – похвалил Седую волчицу Деревянная лапа. – Только это что за шпион такой будет, которого мы сделаем?

– Ты, муженёк, совсем не хочешь головой работать, всё на клыки полагаешься. Как ты без лестницы к дуплу поднимешься, если не будет на дереве помощника и тебе эту лестницу оттуда он не спустит?

– Молодец, Седая, – и Деревянная лапа потёр лапу о лапу от предвкушения трапезы в дупле.

– Давай муженёк, слепим из глины Чучмыкало и пошлём это Чучмыкало к вязарам. Чучмыкало претворится больным и неимущим, вот вязаровцы его в дупло и пригласят, – предложила волчица.

– А кто это Чучмыкало, зверь, али человек? – поинтересовался вожак.

– И не зверь, и не человек. Мы же с тобой лепить не умеем. Ни путёвого зверя не слепим, а уж тем более человека. Слепим того, кто получится, тот и будет Чучмыкало.

– Ха-ха-ха!!! Вот здорово придумала! Славно у тебя, Седая, на это мозги работают. – И волки принялись за дело. Принесли глины, перемяли её лапами и слепили Чучмыкало. Что-то похожее на козу, зайца и поросёнка одновременно с двумя парами рожек и двумя парами ушей. Приделали ему пороссячий хвост, прилепили лапы на передние ноги, а копыта на задние. Высушили его, подкрасили, чем и как могли и отправили к дуплу, строго настрого наказав про волков ничего не говорить, а если вязаровцы будут спрашивать кто он таков?, твердить одно, что он – Чучмыкало, слеплен из глины, пустите в ваше дупло перезимовать, иначе Чучмыкало погибнет от холода и голода.

Принесли волки в зубах Чучмыкало к дереву с дуплом, а сами спрятались за соседнее дерево и стали

наблюдать. Чучмыкало же, выждав, когда волки спрячутся, заголосил:

«Помогите глиняному Чучмыкало!

Не дайте пропасть бедному сиротинушке!

Холод идёт – у Чучмыкало одежды нет!

Голод грядёт – у Чучмыкало поесть нечего!

Дожди идут – Чучмыкало размокает!

Враги окружают – Чучмыкало защитить некому!»

Услышали его причитания в дупле и стали разговор вести. С одной стороны вроде странник, а с другой стороны никто из вязаровцев никогда такого имени не слышал. Первой в пользу Чучмыкало высказалась сердобольная Алёна.

– Он же говорит, что он глиняный, значит, наш брат и надо помочь, – сказала она.

– Глиняный - то он глиняный, только кто его слепил? – нельзя в дом вот так, сразу, кого угодно пускать. – Заметила осторожная Марфа.

– Нас много. Что он может нам сделать дурного? – сказал гусь и потом он такой махонький... Я с площадки смотрел.

– Пусть влезает, – заключил Ивашка. – Эй! Кто ты там! Поднимайся в дупло! – крикнул он, высунувшись в окно. Через пять минут в дупло просунулась чудненькая голова с двумя парами ушей и рогов, лапами на передних ногах и копытцами на задних.

– Это и есть я – Чучмыкало, – проговорило странное существо и тут же забралось на стол и стало уплетать пирожки.

– А спрашивать хозяев разве не надо? – сделала гостью замечание Алёна. – И у нас на столе не сидят.

– Я никогда не видел столов и не знаю, как на них сидят, или на чём-то ещё? – ответил Чучмыкало.

– С ним всё ясно, – буркнул петушок, – слепил его какой-нибудь озорник, да и выбросил на улицу. Только не выгонять же его теперь от нас! Будем перевоспитывать.

– Совершенно верно, – поддакнул Чучмыкало. – Меня надо перевоспитывать, а выгонять бессердечно и нецивилизованно.

– Хорошо. Берёмся за его перевоспитание и приучаем к манерам хорошего поведения, – подвела черту Груня. – Работой мы его обеспечим, будет Пестравку на лугу летом пасти, а сейчас его надо оттереть, иначе от него псиной воняет.

– Ох, и омерзительно ты воняешь, поддакнул гусь, – с твоим появлением наше душло как бы превратилось в псиную конуру.

Через полчаса Чучмыкало, отёртый от запаха волчьей стаи, сидел за столом на скамейке болтал ногами и мотал коротким поросычьим хвостиком. Он был премного всем доволен. И ещё он был рад тому, что вязаровцы не выставили его за дверь и что так всё

хорошо обошлось. Через какое-то время, присмотревшись к жизни игрушечного товарищества, он увидел, что в нём все равны, и каждый делает то, на что способен.

В первое время своего появления в дупле, Чучмыкало ничего не делал, а только влезал в доверие и ждал команды от волков. Его задача была только одна – стать в вязаровской команде своим и ещё, когда вязаровцы уснут, спустить вниз лестницу. Много ли времени прошло, или мало – никто не знает, только стал Чучмыкало у вязаровцев своим.

У вязаровцев было правило. Каждый вязаровец по очереди, в свой день, был обязан спускать вниз лестницу, чтобы игрушки могли сойти с дерева на землю. Там они заготавливали целебную траву, собирали ягоды, ловили рыбу.

Чучмыкало уже доверяли дежурство и он спокойно спускал лестницу, используя для этого деревянный ворот. И вот однажды, когда Чучмыкало спустил лестницу и спустился по ней сам, из-за ствола показалась серая морда Деревянной лапы.

– Эй! Чучмыкало! Ну! Кто там главный? Кого там можно украсть и потребовать выкуп. – И Деревянная лапа потёр лапу о лапу.

– У них нет главных, – проговорил Чучмыкало.

– Как нет главных? – удивился вожак.

– Нет у них главных, так что крадите любого и требуйте выкуп, подтвердил Чучмыкало.

– За любого они выкуп платить не будут.

– Будут. У них такой закон.

– Тогда спусти лестницу сегодня ночью, когда свистну, понял? И попроси кого-нибудь тебе лестницу поднять. Скажешь, что за что-то внизу зацепилась. Он полезет вниз, тут мы его и сцапаем.

– Понял я тебя, Деревянная лапа, понял. Так и сделаю.

И вот настало время ночного дежурства Чучмыкало. Ровно в 12 часов ночи, когда все стали укладываться спать, Чучмыкало объявил, что лестница почему-то не поднимается, видно за что-то зацепилась. Проверить лестницу пошёл петушок, там под деревом его Седая с вожакom и сцапали. Заткнули ему рот, бросили в мешок и отнесли в логово. На следующий день стая прислала парламентёра. Молодой волк по имени Везуля подошёл к дереву с дуплом, постучал по нему палкой и, выставив ногу, прорычал:

– Эй! Выходи! Слушай Везулю! Везуля сейчас вам бумагу читать будет. Гы-гы-гы!!!

Игрушки высыпали из дупла на пристроенный настил и стали смотреть вниз, отыскивая глазами Везулю. Везуля начал читать.

УЛЬТИМАТУМ

Волчья стая, именуемая «Нелюдимая», захватила в заложники вашего глиняного петуха с топором. Если ваше товарищество не обяжется выплачивать нам ежемесячно дань, то мы вашего Петуха с топором загрызём. Выполняйте условия ультиматума и ваш петух с топором будет жив. Гы-гы-гы!!! Ниже указаны цифры, чего и сколько поставлять.

Волк подпрыгнул и нанизал листок с ультиматумом на сучок.

– Вот, получите!!! Приду за ответом завтра, – и Визуля ушёл. После его ухода Ивашка быстро спустился вниз и принёс бумагу с текстом ультиматума. Вязаровцы стали изучать текст. Хотя особо изучать там было нечего. От Вязаровцев требовалось через каждые две недели предоставлять волчьей стае одного барана, сорок куриных яиц и одного гуся.

– Нет! Вы посмотрите! – возмущалась Алёна, – склад нашли.

– А, может быть, порвём ультиматум и вопрос решим? – сказал Чучмыкало. Он так специально сказал, чтоб вязаровцы обратили на него внимание. И эта его уловка сработала.

– Они петушка загрызут. Тут же ясно написано, – пояснила Марфа, думая, что Чучмыкало не понял текст.

– Да я понял, понял, – проговорил Чучмыкало. – Что будет страшного, если у нас станет на одного члена в

команде меньше? Ничего страшного не произойдёт. Пусть петушок сам выбирается, как знает.

– Да ты что такое говоришь! – возмутился гусь. – Для тебя потеря петушка, как я вижу, дело обыденное!!! Ты об этом так спокойно говоришь!!! Да ты завтра нас всех по одному отдашь. Так выходит!? Так только волки поступают. Загрызть соплеменника, если он оступился, у них обычное дело. Постой, а не будешь ли ты, Чучмыкало, волчий шпион? Больно уж ты по волчиному рассуждаешь? А... Я угадал? – и гусь строго посмотрел на Чучмыкало.

Чучмыкало от этих слов гуся даже затрясло от испуга.

– Нет, нет... Я не шпион, – проговорил он, заикаясь.

– Тогда кто тебя слепил? Говори! – выкрикнул Ивашка. – Не мог же ты из глины сделаться сам. Говори! – Ну! Мы знаем, кто нас слепил – игрушечник Трофим... – Сердито проговорил Ивашка и добавил угрожающе, – скажешь правду – сохранишь себе жизнь.

Так он сказал, чтоб только напугать Чучмыкало.

– Я скажу... скажу... я обязательно скажу, – всхлипывая, повторял одно и то же Чучмыкало. – Меня слепила старая волчица. Её в стае зовут – Седая.

– Можешь не продолжать, – оборвал Чучмыкало Ивашка. – Слепили и заслали к нам на дерево. Значит, лестница ни за что не зацепилась, её просто ты по сигналу стаи спустил, а волки её привязали, чтоб поднять было нельзя, так!?

– Так... – опустив голову, произнёс Чучмыкало.

– Ну и гад же ты, – произнесла Алёна.

– Он не гад, – сказала Груня. – Он выполнял задание стаи. И надо сказать, успешно его выполнил, талантливо, иначе у нас не было бы вот всего этого! – и она, взяв листок с ультиматумом, потрясла им над головой. – Это ещё говорит о том, что у нас отсутствует служба собственной безопасности и вот – результат нашей беспечности налицо. Мы же Чучмыкало ни одного провокационного вопроса не задали и не раскусили его сущности, когда с ним знакомились!

– Всё это так, только вопрос всё равно надо решать. Наш товарищ в беде, – вставил гусь.

– У меня есть предложение, – проговорила Алёна. – Давайте Чучмыкало обменяем на петушка с топором... А!? Мы ведь раскрыли их шпиона. Я слышала, так бывает... Завтра Везуля придёт за ответом, а мы им и выставим их Чучмыкало.

С этим все согласились.

На следующее утро по дереву постучали. Это пришёл Везуля и не один, а с главарём волчьей стаи Деревянной лапой. С дерева через перила свесился Ивашка. Он цепко держал за воротник Чучмыкало.

– Ваш шпион разоблачён! – сказал Ивашка. – Не пора ли обменяться с вами, любезные. Вы нам петушка, а мы вам вашего Чучмыкало. Как, идёт?

– Не...а. – Сказал волк Деревянная лапа. – Этого Чучмыкало можете оставить себе. Я его вам дарю. Ха-ха-ха!! Мы, если надо, себе ещё такого же слепим.

– Как это дарите!?! – я же ваш... – растерянно и очень удивлённо громко спросил Чучмыкало Деревянную лапу.

– Тебя раскрыли как волчьего шпиона! – крикнул Деревянная лапа. – С этого момента ты перестал быть для волчьей стаи ценным, такова логика нашего волчиного сообщества. Мы бы тебя могли взять, если бы ты был не из глины, а, например, из мяса, на обед бы пригодился. Ха-ха-ха!!! Простите, господа, – обратился вожак к обитателям дупла, – наш ультиматум остаётся в силе, и мы ждём ответ. Ответ дадите завтра утром. Думайте, – и волки ушли.

– Что же нам делать!?! Я думала, что они дорожат своими шпионами? – сказала Алёна.

– Это волчье отродье дорожит только своими желудками, – пробормотал Ивашка. – Любую, хоть самую преданную им зверушку они бросят и вытрут об неё лапы, если она перестаёт быть для них полезной.

– Делать-то нам чего? – встрепенулась Груня.

– Я вас прошу, вы меня не отдавайте волчьей стае, – взмолился Чучмыкало. – Они меня разорвут на части и клочки по лесу разбросают. Бедный я бедный, никому не нужный Чучмыкало-о!

– А нам от тебя какая польза? – спросил шпиона гусь.
– Из-за тебя наш петушок находится в плену. Мы тебе и

сострадаем только потому, что ты тоже глиняный, как и мы.

– Только нас лепили любящие руки мастера, а тебя когтистые лапы волка. И ты не обожжён в огне, как мы, потому что твои серые мастера очень огня боятся, понял! – заключил Ивашка.

– Я думаю, если его обжечь, – встала Алёна, – то из него неплохая фантастическая игрушка получится. Я не шучу... Посмотрите на него, чем не лунное создание. Главное – в нём предательскую суть истребить.

– И то верно, – поддержала Груня, – заодно в нём выгорит вся эта волчиная мерзость, начиная с запаха.

– Так и сделаем, только позже, а сейчас надо думать, как петушка выручать, – проговорила Марфа, – Чучмыкало никуда не денется. – У, шпионская морда! – и Марфа угрожающе замахнулась на Чучмыкало веником. – Все беды из-за тебя...

– Я сейчас пойду к волчьему логову и освобожу глиняного петушка с топориком! – громко сказал Ивашка и стал одевать сапоги.

– Тебе туда нельзя идти, – заявил гусь. – Во-первых это должно быть далеко, а во-вторых, мы не знаем, где находится логово.

– Зато я знаю, – протрещала сорока, садясь на дерево со сломанной макушкой. – Вижу, что беда у вас. Ой, беда. Скажу я вам так. Летала я по лесу и видела вашего петушка с топором. У меня сразу возник вопрос: «Почему это петушок со связанными ногами и крыльями в логове у волчьей стаи находится?».

Резонный вопрос. И я, сорока, не могла на него однозначно ответить, полетела узнать о петушке к вам.

– А вы, госпожа сорока, не могли бы показать нам, где находится волчье логово? – Спросила тихо Алёна.

– Это кому показать?

– Нам всем, – проговорила вкрадчиво Алёна.

– Ха-ха-ха! Вот насмешила! Вот насмешила! – Засмеялась сорока. – Спасительница нашлась. Да знаешь ли ты, кто такие волки!? Их все в лесу боятся. Никто с ними биться не выходит. Во-первых – их много, очень много. Во-вторых – у них крепкие зубы. А вы, что им противопоставите?? Ни-че-го, – убедительно подчеркнула она и улетела.

– Сорока права, – проговорил гусь. – Волки с нами расправятся, как с лесными опёнками. Просто наступят – и нас нет.

– А если нам наделать калачей не из муки, – начала говорить задумчиво Алёна, – а из глины. А!? Разве мы не сумеем!? Мы же видели, как это делает игрушечник Трофим.

– Зачем нам калачи, да ещё из глины? – полюбопытствовал гусь.

– Кстати, гуси нам тоже с петушками не помешают.

– Да говори ты яснее? – проговорил Ивашка.

– И так всё ясно, – улыбаясь, сказала Алёна. – Дело ведь в чём? – У нас нет своей армии, чтобы нас защищала. Вот я и предлагаю наделать из глины боевых калачей, боевых петушков и боевых гусей. Все будут вооружены пиками, саблями, боевыми топорами. Боевые гуси станут у нас воздушными истребителями,

они будут нападать сверху, а ещё на них мы возложим воздушную разведку. Сделаем так же несколько больших башен-калачей на колёсах. В них укроется наша артиллерия. Пусть волки попробуют устоять против такого войска. Разумеется, никак нельзя обойтись без саратовской гармошки с колокольчиками. В бой надо идти с музыкой.

– Здорово придумала! – вскричал калач и запрыгал на месте от радости.

С таким решением вопроса все согласились. Действительно, а почему бы не выставить против серых разбойников самодельное войско. И работа закипела. Одни из вязаровцев носили глину, гусь летал за водой, Ивашка, Алёна, Груня и Марфа лепили. Работа у них спорилась и вскоре на ветках вяза, на подмостках, везде, где только можно, сушилось вязаровское воинство. После того, как изделия высохли, Ивашка с гусем принялись за обжиг. Несколько недель вязаровцы обжигали свои глиняные полки. Наконец всё было готово. Полки гусей-истребителей, гусей-бомбардировщиков, трёх башен-калачей с пушками, и сотня петушков с боевыми топорами и пиками были выстроены на поляне. Одного не доставало – карты, с месторасположением логова.

– Жаль, что у нас нет карты, – проговорил Ивашка.

– Как нет, а я на что!? – протрещала сорока над войском. – Я полечу впереди. Я отлично летаю между деревьями и буду указывать вам путь к логову. Только

знайте, Деревянная лапа, прознав, что ему придётся сражаться с целым глиняным войском, призвал на помощь другие стаи волков, и теперь их много больше чем было.

– Ничего, справимся, – проговорил Ивашка и скомандовал: «К бою, Вязаровцы! Веди нас сорока к логову серых разбойников!» И только он это сказал, как зашевелились, взмахивая копьями и саблями, сотни глиняных калачей. Они стали выстраиваться в шеренгу. Сзади шеренги стали трещать кусты и мелкие деревья, это выкатывались на боевые позиции башни-калачи с пушками наверху и с окнами-бойницами по периметру. Впереди всех шёл с гармошкой с колокольчиками Ивашка и играл для подъёма духа керамического войска вдохновляющую на ратный подвиг мелодию.

А волки их уже ждали. Огромной серой массой они заполнили лес за поляной. Куда ни бросишь взгляд – везде волки, волки, волки. Предводителем у них был Деревянная лапа. Он восседал на командном пункте, который был сделан в виде двухэтажной башенки на колёсах, которую тащили с десятков диких свиней. Кабаны клыками раздирали заросли на пути командующего, прокладывая путь через лес.

Два войска сближались и, наконец, на большой поляне их передовые шеренги встретились. Началась битва. Сразу послышались грозное рычание, лязг зубов, свист ядер, стоны раненых. Волки, как не были сильны и беспощадны, они ничего не могли противопоставить боевым керамическим калачам-башням. Их клыки

высекали искры ударяясь о керамические стенки калачей-башен. Но пробить их они не могли. Калачи-башни так усердно палили по скоплениям волков, что их каменные ядра убивали сразу десятками серых разбойников. Однако серые не сдавались и не отступали. Они ловко прятались за стволами деревьев, использовали густые кустарники для засад, откуда засовывали брёвна в спицы колёс башен-калачей и те не могли дальше двигаться.

– Боевые гуси, вперёд! – выкрикнул Ивашка, и десятки гусей, взмыв над лесом, принялись сбрасывать камни на головы диких свиней и волков. Это нанесло им ощутимый вред. Кабаны не выдержав атаки сверху, бросились с визгом бежать. Волки стали применять клыки к своим недавним союзникам. Но и клыками бегущих было не остановить.

Хоть кабаны и сбежали с поля боя, но волки были ещё достаточно сильны. Они всей серой массой навалились на вязаровское войско. И совсем бы плохо пришлось игрушкам, если бы не тихая Марфа. Она выгребла из печи угли, сложила их в тазик и, выбежав в первые ряды сражающихся, стала бросать раскалённые головёшки в волков. И это стало переломным этапом в сражении. Такого серые разбойники не ожидали. Ядра из башен они терпели, камни с неба они терпели, но, когда в них полетели раскалённые головни, волки не выдержали.

«Тикай, серые!!!» – крикнул кто-то из волков, – и вся эта, некогда злобная и воинственная масса, бросилась бежать с поляны. Над ними летала меж деревьев сорока

и трещала: «Тра-та-та-та-та». «Это пулемёт» думали волки и надавали жару, а боевые гуси снижались и, где лес был редок, клевали сверху серых разбойников.

Наступление вязаровцев было разгромным. Волки убегали и уже не сопротивлялись. Наконец одна из башен-калачей упёрлась в большое упавшее дерево и остановилась. Из неё вышли Алёна, Марфа и Груня. Они сразу поняли, что перед ними волчье логово. Женщины вошли в него и увидели связанного по ногам и крыльям петушка с топориком на плече. Он был еле живой. Женщины развязали петушка. А так как он был весьма слаб, то решили отправить его в дупло на колеснице предводителя волков, брошенной за ненадобностью. Очень пригодился и сам Деревянная лапа, которого нашли у болота под корягой, потому как он побоялся отступить со своей армией, так как волки не могли ему простить поражения и договаривались своего главнокомандующего загрызть.

Деревянная лапа не сопротивлялся. Он сам вошёл в оглобли и потащил свой командный пункт с петушком по просеке в направлении старого вяза с дуплом. В это время начался сильный дождь. Обожжённые глиняные игрушки не боялись дождя, они не могли размокнуть, а вот Деревянной лапе от ливня досталось, он промок до нитки. И только, когда все вязаровцы собрались в дупле, а их войско внизу встало на охрану дерева они вспомнили о Чучмыкало.

– Его надо немедленно найти, – встревоженно проговорила Алёна.

И тут в дупло влетела сорока.

– Не надо Чучмыкало искать, – протрещала она, – он не пропал, просто с ним произошло то, что и должно было произойти. Он в ливень пошёл в лес и размок, – и сорока положила на скамейку лепёшку мокрой глины. – Это всё, что осталось от волчьего шпиона, можете пощупать.

– Что же вы его не остановили?! – сердито спросила Марфа сороку.

– Почему ж? Останавливала, расспрашивала...

«И что он сказал?» – спросил кто-то тихо.

– Он сказал, что находится среди тех, кого он предал ему душевно тяжело, а быть с волками ему страшно и что он пойдёт туда, куда глаза глядят.

– Вы видите! Видите! Он всё осознал! – воскликнула Груня. – Я так и знала, он всё осознал!!! Только вот сделать уже ничего нельзя, Чучмыкало нет.

– Почему же ничего нельзя, – проговорил гусь. Из этого комка глины мы вылипим нового Чучмыкало и обязательно его обожжём, чтоб был совсем такой, как мы.

– И без псиного душка, – вставила Марфа и все весело засмеялись.

На этом сказке конец. А вот слепили вязаровцы нового Чучмыкало, или нет, то мне неизвестно. Я с той поры с ними не встречался, хотя знаю, они и сейчас живут в том самом дупле. Только Вяз стал старше.

Саратов, 2020, 7 января.

75-летию
Победы в
Великой
Отечественной
войне
посвящается

Глиняный денщик.

(пьеска для школьников
по сказке «Глиняный денщик»)

Воинам 32-й Саратовской
краснознамённой стрелковой
дивизии посвящается.

Действующие лица

Русские:

Полковник – командир 32-й саратовской дивизии

Фёдор – ординарец полковника, рядовой

Сержант

Солдат

Петушок – символ саратовского края

Гармошка – символ саратовского края

Калач – символ саратовского края

Немцы:

Генерал Фогель – Командир немецкой дивизии.

Беккер – майор, начальник разведки дивизии

Курт – денщик генерала, рядовой.

Телефонист

Посыльный офицер

Солдат

Полковник – командир полка

Полковник - командир полка

Полковник - командир полка

Пояснение: Ординарец и денщик – два разных названия, с примерно одинаковым содержанием в русской и немецкой армиях.

Сцена первая и последняя.

Действие первое.

Блиндаж. За столом сидит полковник и разговаривает с солдатом, который топит печку - буржуйку. В углу стоит красное знамя. На полке, у стены, разместились реликвии земли Саратовской: глиняная игрушка «Петушок» (мальчик), саратовская гармошка с колокольчиками (девочка) и калач (мальчик). Они весело болтают ногами, хихикают.

Фёдор : Зачем вы их товарищ полковник с собой возите? (кивает на полку с реликвиями). Вам думать надо, а они хи-хи, да ха-ха. Их место в музее, а они на фронте...

Полковник: (встаёт из-за стола, ходит по блиндажу) Говоришь, игрушку, гармошку и калач надо в музей отправить? Хихикают, думать мешают... Нет, Фёдор, не мешают они нам ни думать, ни воевать, а вот помогать - помогают. Да ещё как помогают. Когда я на них смотрю – у меня сердце кровью обливается от ненависти к

фашистам. В нашей 32 саратовской стрелковой дивизии обязательно должны быть символы родного саратовского края. Мы – дивизия ополченцев. То есть, ополчился народ на врага, до сердешной боли и вышел на бой! Смотри (показывает) – этот калач, он давно высох, но не пропал, его испекла моя мама, а испечён он из нашей саратовской пшеницы; на этой гармошке (показывает) я сам играл на вечеринках. Тех девчат и ребят, которые под неё танцевали уже нет в живых, все погибли, защищая Родину; а этого глиняного петушка (глядит) – слепил мой отец и я вспоминаю, как в него играли мои дети. Эти изделия, Федя, побуждают на подвиг. Глядя на них, в воинах Саратовской дивизии появляется великая сила. А наши враги не понимают этого. Для них это ненужный хлам, который мешает воевать... и больше ничего.

[Пауза].

Фёдор: Извините, товарищ полковник, не подумал.

Полковник: (подходит к реликвиям, смотрит на них и спрашивает) Ну, что братцы? Припёр нас фашист своими танками, дальше некуда. А у нас и патроны и гранаты кончаются, что делать? Ума не приложу. Потери большие. Видно нам этот блиндаж не удержать, отступить придётся...

Гармошка: А давайте, товарищ полковник, мы к солдатам в траншеи пойдём, поиграем, spoём, дух поддержим...

П о л к о в н и к: Это вы хорошо придумали, молодцы. (символы убегают. Слышится игра саратовской гармошки с колокольчиками). Ведь в самое пекло пошли, там головы поднять нельзя, а они там играют и поют... Вот она душа нашего народа!!!

С е р ж а н т: (вбегает) Товарищ полковник!!! Политрука сильно ранило. Говорить ещё может, а трогать и переносить нельзя, умрёт. Вас подойти просит.

П о л к о в н и к: беда одна не идёт, она за собой ещё двух ведёт.

(Сержант и полковник быстро уходят).

Ф ё д о р: (ходит по блиндажу) Кому эта война нужна? Кроме этих фашистов больше никому. Сколько стран захватили, столько людей убили, и вот теперь политрука смертельно ранило... А такой хороший, сердешный человек...

С е р ж а н т: (вбегает и кричит) Танки прорвались!!! Отходим! Немцы здесь будут минута на минуту (убегает)!

Ф ё д о р: Боже ты мой! Танки прорвались... (сворачивает знамя) Хоть вещи полковника успеть взять (суетится, бегаёт по блиндажу и запикивает что-то в вещмешок. Раздаётся рядом с блиндажом сильный взрыв, Денщик падает, встаёт, хватается за вещмешок, бежит к двери. Резко останавливается) Эх, а где же наши символы!? (следует ещё более сильный взрыв, падает посуда, сыпется земля. Фёдор, прижимая к себе знамя, убегает).

[Пауза]

В блиндаж входят запыхавшиеся петушок, гармошка и калач, они возбуждены.

Петушок: А здорово мы немчуру причесали!!! Когда в пулемётном расчёте бойца ранило, мы патроны подносили!!!

Калач: Лихо получилось! Гармошка играет, пулемёт строчит – Тра-та-та (показывает руками).

Петушок: Калач бойца перевязывает (обводит глазами блиндаж). Послушайте, а где все? Полковника нет, дяди Феди тоже...

Гармошка: Не бойсь, сейчас придут (усаживаются на свою полку).

Калач: И знамя тоже нет (садится рядом).

Петушок: Интересно знать, что здесь произошло, пока нас не было?..

Действие второе.

В блиндаж входит немецкий генерал Фогель, начальник разведки майор Беккер и денщик генерала. Генерал садится на стул, снимает фуражку)

Адьютант: Ставит в угол знамя со свастикой.

Беккер: (ходит по блиндажу, берёт некоторые вещи двумя пальцами и брезгливо бросает) Всё-таки блиндаж русского полковника мы взяли (смеётся). Эти русские бежали от нас только пятки сверкали.

Г е н е р а л: Не надо слишком преувеличивать майор. Это вам не на пользу. Лучше подумайте о том, почему русские так долго и упорно защищали этот клочок земли чуть ли не голыми руками. Об этом следует хорошо подумать. Если мы этого не поймём, то ничем хорошим для нас эта война не закончится (качает головой).

Б е к к е р: Здесь не о чем думать. Русские солдаты – слаборазвитые фанатики. А мы знаем, что ограниченные в своём развитии люди, всегда своенравны и упрямы, как ослы, потому так и сопротивлялись.

Г е н е р а л: Ваш ответ слишком прост, майор. Этому факту требуется более веское подтверждение.

Б е к к е р: (смотрит на полку, где жмутся друг к другу испуганные игрушка, гармошка и калач) А вот и подтверждение моим словам. Ха-ха-ха. Посмотрите генерал на эти музейные экспонаты. Это же отражение русской дикости. Ха-ха-ха! Русский Полковник таскается на фронте с этими побрякушками. Лучше б о гранатах да патронах позаботился. (Подходит к полке вплотную, размышляет). Кому нужна на фронте глиняная игрушка? (приподнимает петушка за гребешок и отпускает) Не понимаю. Детей здесь нет, играть некому (пожимает плечами). А гармошка? Где эти русские только откопали такое уродство (поворачивает гармошку вокруг) Ха-ха-ха! Это у русских называется музыкальным инструментом? У нас Вернер

в первом батальоне играет на концертном аккардеоне. А это что? (рассматривает калач) Какой-то зачерствелый круглый хлеб.

К у р т: Этот высохший хлеб, господин майор, у них калачом называется.

Б е к к е р: Вот не знал. Впрочем, и хорошо, что не знал. Зачем знать майору вермахта, как называются бусы в племени Мумба-Юмба. Ха-ха-ха!

Т е л е ф о н и с т: (Входит, ставит на стол телефон, приветствует) Связь установлена, господин генерал.

Г е н е р а л: Соедините меня с командующим армией.

Т е л е ф о н и с т.: (Говорит в телефонную трубку) Я Рейн – я Рейн – я Рейн... Как меня слышите? Приём. (Передаёт трубку генералу). Господин генерал! Командующий армией на проводе.

Г е н е р а л: Господин командующий, докладывает генерал Фогель. Высота, обороняемая 32-ой дивизией взята. Я нахожусь на командном пункте русских. Жду дальнейших распоряжений.

К о м а н д у ю щ и й: (Слышится из трубки) Молодец Фогель. Представляю вас к железному кресту. Скоро к вам придет мой ординарец с секретным пакетом. В этом пакете и будут мои указания. Вскрыть пакет завтра ровно в 5 утра. (Генерал положил трубку). Курт, завари чай. Мы с майором будем чай пить.

К у р т: Сейчас принесу дров и вскипячу (выходит за дверь. В блиндаж входит посыльный офицер с пакетом).

П о с ы л ь н ы й о ф и ц е р: (приветствие) пакет из штаба армии для генерала Фогеля!!! Вскрыть в 5,00 (вручает пакет, приветствует, уходит).

[Пауза].

Действие третье

На полке с реликвиями слышится тихий разговор.

Г а р м о ш к а: Слышали? Пакет с секретными документами доставили. Эх, если бы нам украсть эти документы и нашему полковнику отдать.

К а л а ч: Хорошо бы, только ничего не выйдет. Пакет в портфеле у генерала, а тот не отпускает его ни на минуту.

Г а р м о ш к а: А что если генерала усыпить?

П е т у ш о к: Точно. Насыпать им в чай сонной травы. Помните, её пил от бессонницы наш полковник. Они уснут, а дальше мы успеем украсть пакет.

[Пауза].

Б е к к е р: Куда-то запропастился денщик. Пойду посмотрю (выходит и тут же возвращается). Господин генерал. Денщик Курт погиб. Вот бедняга. Был солдат расторопный. Я сейчас сам заварю чай.

[Пауза].

П е т у ш о к: Идея хорошая. Тем более у них денщик погиб. Попробую выступить в роли их денщика и

поухаживаю за генералом и его офицерами.
(Приготовливается к прыжку).

Г а р м о ш к а: (пытается удержать петушка за крыло)
Стой, торопыга... (Петушок прыгает с полки и приземляется рядом с генералом Фогелем.

Г е н е р а л: (Удивлён появлением петушка) Это что такое!? Русские игрушки, кажется, начинают оживать?! – и он вопросительно посмотрел на майора Беккера.

П е т у ш о к: Господин генерал, разрешите мне заварить вам чай!? (Петушок галантно поклонился генералу и майору.

Б е к к е р: Это забавно... Эти русские воевать не умеют, а механического денщика завели. Ха-ха-ха!!!

Г е н е р а л: В этом что-то есть. Глиняный денщик... Мило... Пусть обслуживает. Посмотрим, что он умеет?

Б е к к е р: Мы будем его звать – Ку-ка-ре-ку. Ха-ха-ха!!!

П е т у ш о к: (Кланяется) Как вам угодно, господа.

Г е н е р а л: Ку-ка-ре-ку, приготовь нам чай.

П е т у ш о к: Сию минуту, ваше благородие... (показывает мешочек с травой друзьям и заваривает в чайничке травяной чай, те ему знаками показывают – сыпь больше.

Б е к к е р: Ку-ка-ре-ку! Наведи в блиндаже порядок.

П е т у ш о к: (поднимает упавшие вещи, протирает пыль, затем разливает чай по чашкам майору и генералу, те пьют чай, хвалят, петушок запрыгивает на полку к товарищам).

Г е н е р а л: Прекрасный вкус.

Б е к к е р: Никогда такого не пробовал. В нём есть что-то от мендаля.

П е т у ш о к: Я им сонной травы насыпал.

Действие четвёртое.

Г а р м о ш к а: Ну, ты Петя, даёшь. Я думала, что у меня сердце в пятки уйдёт, когда ты к ним слетел и с генералом стал разговаривать.

П е т у ш о к: А что было делать? – должен же быть какой-то доступ к их желудкам.

К а л а ч: Сейчас они выпьют чай и уснут.

Г а р м о ш к а: Хотелось бы.

П е т у ш о к: Кажется, они уснули. Быстро сон свалил – трава действует. Слезаем братцы. (Друзья осторожно слезают с полки, берут портфель генерала, достают секретный пакет, вскрывают его).

К а л а ч: (недоумённо) В пакете только одна карта.

П е т у ш о к: А тебе чего, три надо?

Г а р м о ш к а: (Рассматривает карту) На ней какие-то стрелки синими и красными карандашами нарисованы.

П е т у ш о к: Красные линии, это направления наступления немецких войск.

Г а р м о ш к а: Бросайте её скорее в печь, чего рассматриваете?!

К а л а ч: У меня идея: давайте не будем её сжигать. Толку от этого много не будет. Генералу из штаба

другую карту пришлют, время наступления подкорректируют и всё.

Петушок: Не ходи вокруг да около, говори прямо, чего придумал?

Калач: Петя... Ты хорошо рисуешь. Давайте подрисуем стрелки и изменим направления движения немецких полков.

Гармошка: Я нашла у генерала в портфеле цветные карандаши (протягивает петушку карандаши, тот рисует).

Петушок: Так, одну стрелку подрисовал, теперь другую. Не толкайся калач. (Сердито). Ну, вот. Из-за тебя вместо стрелки зиг-заг получился.

Гармошка: Пусть зиг-заг остаётся. Если начнём его стирать то всё испортим. Сразу заметят (Кладут карту в пакет, пакет засовывают в портфель генерала, забираются на полку).

[Пауза].

Действие пятое.

Слышится храп спящих немцев

Гармошка: (зевает) Я беспокоюсь – как бы немцы с такого чая не проспали начало собственного наступления.

Калач: Их надо разбудить.

Гармошка: Пропой им Петя подъём, а то наш план сорвётся, проспит немчура.

Петушок: Точно. Надо пропеть. (Кричит по петушину три раза. Просыпается Беккер и будит генерала. Генерал смотрит на часы.

Генерал: Без пятнадцати пять. (В блиндаж входят три немецких полковника. Приветствие.) Через пятнадцать минут, господа, мы идём в наступление согласно секретному приказу. (Полковники склоняются над картой) Господа! Это секретная карта. На карте стрелками указаны направления движения ваших полков. Сверим часы господа (сверяют часы). Вопросы есть?

Полковник: Движение моего полка указано зигзагообразно. Меня это смущает.

Генерал: Никаких смущений. План наступления утверждён командующим армией. Зигзагообразное движение вашего полка есть военная хитрость, чтобы сбить русских с толку. Отдавайте приказы о наступлении. (Офицеры расходятся).

Беккер: Через пятнадцать минут от русских только пёрышки полетят.

[Пауза]

Петушок: (шёпотом) По-моему у нас получилось... Фашисты поверили карте и нашим стрелкам. (раздаётся телефонный звонок).

Беккер: (берёт трубку, слушает, кладёт трубку и докладывает генералу). Господин генерал! Случилось непоправимое – первый полк попал в болото и тонет.

Генерал: О майн гот! (Кладёт руку на голову).

(Снова раздаётся новый телефонный звонок, Беккер берёт трубку, слушает и докладывает генералу)

Беккер: Господин генерал! Второй полк, двигаясь согласно указанного на карте направления, попал в непроходимую чащу леса и двигаться дальше не может ни вперёд, ни назад.

Генерал: О майн гот!! (Сжимает голову двумя руками).

(Снова раздаётся телефонный звонок)

Беккер: (берёт трубку, докладывает). Мой генерал! Случилось ужасное. Третий полк, совершая зигзагообразный маневр, попал под перекрёстный огонь русских батарей и почти весь уничтожен.

Генерал: (Вскакивают и генерал и майор). О майн гот!!! Такого не может быть...

Солдат: (вбегает в блиндаж, кричит) Русские наступают. Сейчас будут здесь. (Генерал и майор бросаются к двери. Дверь перед ними открывается и на пороге вырастает русский полковник и солдаты. Немцы испуганно пятятся).

Полковник: Отвоевались господа!!! (Полковник подходит к генералу). Я с вами не первый год воюю, генерал. Вы никогда не совершали столь трагических ошибок. А сейчас: один полк утопили в болоте, другой

загнали в непроходимые дебри, третий подставили под наши пушки.

Г е н е р а л: Я действовал согласно секретного плана Вермахта.

[Малая пауза]

П е т у ш о к, Г а р м о ш к а и К а л а ч: (хором с полки) А мы стрелки на немецкой карте подрисовали товарищ полковник!!! Вот они и вбухались. Ха-ха-ха! (покатываются со смеху).

Г е н е р а л: (Растерянно. Смотрит то на полковника, то на символы) Такое невозможно... Я не могу этому поверить, чтоб этот глиняный денщик, этот Ку-ка-ре-ку с компанией, сорвали немецкое наступление!?

П о л к о в н и к: Надо поверить. А лучше понять.

П е т у ш о к: (Спрыгивает с полки, подбегает к знамени со свастикой, выдёргивает его и бросает на пол). Вот тебе фашистская гадина... (Фёдор ставит на место дивизионное знамя).

Г е н е р а л: О! Я понял. Русский полковник специально оставил в своём блиндаже эти предметы, чтобы испортить секретную карту Вермахта. О! Я понял!

Ф ё д о р: Ничего, ты, фриц, не понял. Это же реликвии Саратовской области. Они саратовской дивизии воевать помогают, дух у солдат поднимают. Эх ты! Немчура.

Г е н е р а л: Да-да. Это ваш амулеты-диверсанты, амулеты-диверсанты. Это есть ваш секретный план.

Ф ё д о р: Тьфу ты... Сам ты амулет-диверсант. Ничего ты своими саксонскими мозгами так и не понял. Вот

твердит: «Амулет-диверсант. Амулет-диверсант», это же си-м-во-лы, тут понимать надо, а не ваши амулеты. (Безнадёжно машет рукой в сторону генерала).

Генерала Фогеля и майора Беккера уводят. В блиндаже остаются полковник, денщик, петушок, гармошка и калач. Гармошка, петушок и калач от радости виснут на шее у полковника и, перебивая друг-друга, рассказывают ему о произошедшем. Даносится: «А он как даст!..», «Гармошка упала!..», «Пушка как бабахнет!..», «Мы по пластунски!..» «Танки рычат» (голоса затихают).

Ф ё д о р: (Выходит, встаёт к зрительному залу лицом)

Всё ребята.... Конец.

Занавес закрывается

Ведущая: Вот и закончилась эта фронтовая история. 32-я Саратовская стрелковая дивизия разгромила немецкую дивизию, а помогли ей в этом наши родные символы. Они не держали в руках оружие, но они крепили дух саратовских воинов-победителей.

2020 год. Январь.

Жаворонки

(пьеска для школьников)

Действующие лица

Панкратов Иван Степанович – командир партизанского отряда во время ВОВ.

Катя – медсестра

Прохор – партизан

Степан – партизан

Комиссар

Жаворонки – два мальчика и девочка –

Партизаны (для массовки) – несколько человек.

Действие первое.

На сцене кустарник. Весна. Жаворонки поют. Среди кустарников ходит в фуфайке нараспашку и с повязкой на рукаве партизанка санинструктор Катя. У неё через плечо санитарная сумка. Она рвёт первые цветочки, улыбается, нюхает.

Катя: Ах, какая прелесть! Весна. Жаворонки поют. (сцепляет руки за головой) И зачем эта война!? Вчера наш хирург Матвей Иваныч умер. А такой был хороший человек. Врач от Бога. Жалко. Я думала, что на войне просто так не умирают, А он взял и умер, сердце не выдержало. (Пауза) И куда это Прохор запропастился!?

Договорились - у этих кустов встретится, прямо за землянкой и на тебе! Его всё нет. (аскорблённо) А говорит, что любит. Если б питал чувства, то вперёд меня бы пришёл (ходит взад и вперёд, вглядывается в лес) Нет, зря я на Прошу так (Улыбается)... Прохор меня по-настоящему любит. Это по его лицу видно, не то, что вестовой Степан. Степан парень отчаянный, храбрый. Фрицев колотить у него хорошо получается, а вот до любви он ещё не дорос. Для него, что фрица в плен взять, что девушку – методы одни и те же – кляп в рот и выполняй, что я говорю (смеётся).

П р о х о р: (Вбегает) Катя! Катя! Ты здесь!?

К а т я: (Иронично) Я-то здесь, а вот ты где бродишь?

П р о х о р: Я у детей в землянке был. Трёх новеньких, шестилеток бойцы привели; в лесу нашли.

К а т я: (Удивлённо) Как в лесу нашли?

П р о х о р: Так вот и в лесу. Фашисты в деревню Остапово вошли, всех жителей и старых и малых в амбар колхозный загнали и подожгли. Эти трое, что в лес прибежали, самыми маленькими оказались, потому из сарая и выбрались, под сруб подлезли...

К а т я: (Взволнованно) Дети не обгорели?

П р о х о р: Нет, не обгорели. Только испуганные, молчат, даже не плачут, как окаменелые. Я им игрушки из глины слепил наши саратовские, жаворонков, чтоб пели. Поиграл с ними немного... Как в свистульки стали свистеть - повеселее стали, в глазках искорки

появились. Слышишь (раздаются свисты) Это они посвистывают, наши маленькие жаворонки.

К а т я: Точно жаворонки. И в небе поют, и дети свистят, похоже.

П р о х о р: Просто здорово! Я вот что иногда думаю: «В народной игрушке заключена великая сила любви, и она проливается из неё на всех нас. И мы от этой, пролитой на нас любви, становимся во имя её храбрыми, стойкими, смелыми, горячо любящими свою Родину». Это правда, Катя. Игрушка – это тоже наше оружие. Может быть, даже для врагов наших страшнее автомата и пулемёта будет ...

К а т я: Ой! Какой ты молодец Проша, всё умеешь и с фашистами воевать и игрушки лепить (обнимает Прохора.). Пошли скорее к нашим жаворонкам (взявшись за руки уходят).

К о м и с с а р: (выходит на полянку, смотрит в сторону уходящих Прохора и Кати, качает головой) Вот ведь как жизнь устроена. Вокруг война, смерть. Не успеваем партизан хоронить, а тут любовь. И никакие фашисты с этой любовью справиться не могут. Потому что любовь созидает, а фашизм – разрушает. Любовь защищает, а коричневая чума в могилу гонит. Вот так вот (уходит)

Действие второе.

На полянку вбегает боец Степан.

С т е п а н: (Громко кричит) Санитара сюда! Санитара! Катя! Ты где! Командира... Понкратова ранило!!! Перевязать надо... (нервно, разводит руками) Сам видел. Только что сюда пошла и нет...

К а т я: (вбегает на полянку) Чего кричишь? Кого перевязать надо?

С т е п а н: Командира нашего ранило...

К а т я: Где он!

С т е п а н: Вон (показывает рукой) видишь, на носилках несут.

Показываются несколько партизан с носилками. Носилки ставят на подставки (пни). Катя бросается к носилкам.

К а т я: Иван Степаныч! Товарищ командир! Миленький... Как же это вас так (расстегивает на раненом фуфайку, достаёт бинты, торопится).

С т е п а н: На засаду немецкую нарвались. В соседний отряд ходили. Туда прошли, а оттуда – засада.

К а т я: Рана тяжёлая. Срочно нужна операция. Если операцию не сделать, то он умрёт. Пулю достать надо...

С т е п а н: (Обращается к Кате) Так делай эту операцию. Кто у нас санитарка, ты, или я?

К а т я: Я не хирург. Сам знаешь, что наш хирург умер. А я умею только перевязки и уколы делать.

С т е п а н: А у меня вообще нет никаких курсов по военному делу. Первого фрица вилами в нашей деревне заколол, когда он стал корову со двора выводить. Второй фриц в это время хотел в меня из карабина

выстрелить, да осечка вышла. Я и его укокошил. Это и были мои курсы по предмету – как с врагами Родины надо бороться... Вот так (говорит Кате приказным тоном). Делай операцию и немедленно!

К а т я: Сравнил меня с сабой... Ты врагов убивал, а я должна Ивана Степановича собственными руками резать (плачет в голос). Разница есть. Герой с дырой. (короткая пауза) У меня рука не поднимается... Ы-ы-ы-ы (вытирает слёзы). (Подходит Прохор).

П р о х о р: (Степану) Что пристал к девчонке? Не умеет она. Ни делала этого никогда. Не знает... Понял...

С т е п а н: (Грубо) Ты же, Екатерина, помогала Матвею Петровичу, когда тот операции делал, что-то видела, запомнила...

К а т я: (сквозь слёзы) Помогала... Как помогала? Подай это... Вытри пот со лба, сделай укол... Проверь пульс... Вот и вся моя помощь.

П р о х о р: (Обращается к Степану) Слышал?!

С т е п а н: Заступник нашёлся! Да я тебя сейчас (снимает с плеча автомат, двигается на Прохора) По закону военного времени! Саботажники!

К а т я: (Встаёт между Прохором и Степаном) Охолоньте оба! Петухи!

С т е п а н: Что ты Катька в этом мямле нашла (кивает на Прохора). Как фрица в плен взять – так это Степан. А как в поцелуйчики играть, да игрушки свои дурацкие лепить – так это, понятное дело, Прохор (уходит).

П р о х о р: (Обнимает Катю, прижимает к себе) Любушка моя. Скажи мне. Ну, хоть один шанс спасти командира есть? Ну, хоть один единственный из тысячи... Ты знаешь, как я тебя люблю. У тебя получится? Сделай, а? Во имя нашей любви... Я сам буду у тебя пот со лба вытирать, подавать что надо. Другого варианта нет. Другой вариант только один – мы его вот здесь на этой самой полянке через час закопаем и всё. А как говорит наш комиссар: «Любовь созидает». Так твоими руками и нашей любовью и будем его лечить.

К а т я: (Бросается к Прохору на шею восклицая) Прошенька! не могу я!!! Родно-ой! Не могу-у-у!!!

П р о х о р: (Отрывает Катю от себя, смотрит в глаза) Ну хоть один шанс, что получится, есть. Я знаю, что есть! (целует Кате лицо).

К а т я: (Всхлипывая) Шанс есть, но я боюсь.

Действие третье.

Подходят Степан и комиссар отряда.

С т е п а н: Вот товарищ комиссар, полюбуйтесь. Целоваться боец Катерина умеет. Это у них с бойцом Прохором даже очень неплохо получается. Сами, когда подходили, видели, а вот операцию командиру сделать, она не умеет. Видите ли, не научена. Целоваться никто не учил, а целуется, а вот жизнь командиру спасти – курсов не проходила? Как это понять? А?

К а т я: Дурак ты Стёпа, хотя и двух фрицев убил.

Комиссар: (Улыбнувшись в усы) Это ты, Катерина, в точку попала. Женская, Стёпа, натура тонкая. С ней деликатно надо, а ты сразу человека готов во враги записать. Так ведь Катенька? (Катя молча кивает).

Прохор: Она, товарищ комиссар, согласна, только трусиха, я с ней говорил.

Комиссар: Вот и умница. Готовься Катюша к операции (Стоит и смотрит на раненого). Эх... Сколько мы с ним партизанских троп потоптали. Милый мой боевой товарищ...

Катя: (Жёстко и требовательно) Степан – быстро грей воду.

Степан медленно собирается идти. Катя ударяет его прутом вдоль спины.

Степан: (выгунвшись и почёсывая место удара) Ох-хо-хо! Этого я от тебя Катюха не ожидал...

Катя: (сердито) Да быстро, я сказала, а то ещё получишь (Степан убегает). Прохор! – неси лейку, полотенце и нож. Да быстро, иначе тоже получишь. (Прохор опасливо обходит Катю, пятится и убегает следом за Степаном. Катя готовит командира к операции. Пауза).

Комиссар: К командиру вернулось сознание.

Катя: (смотрит на раненого) Открыл глаза.

Командир: (слабым голосом) Режь дочка... Режь... Не бойся... Я приказываю (теряет сознание).

Приходят Степан с ведром воды и Прохор с инструментом и полотенцем.

К а т я: (командирским голосом) Степан! Поставь ведро с водой рядом с носилками и слей мне воду на руки. Прохор! Открой инструмент и дай мне скальпель. Сам встань с другой стороны носилок и держи инструменты (берёт скальпель, одевает маску) Потерпите, товарищ командир (склоняется над раненым, копошится, делает операцию, достаёт пулю и бросает в тазик (Пуля звонко ударяется о тазик, Прохор подходит к Кате).

К о м и с с а р: (Оттирает пот со лба) Фух – ты! Лучше самому под ножом лежать, чем вот так ждать и переживать.

К а т я: (поворачивается, снимает маску) Будет жить. (Тут же падает от усталости и перенапряжения. Прохор подхватывает её во время падения и бережно кладёт на траву.

С т е п а н: Что с ней?

П р о х о р: (Снимает фуфайку, подкладывает Кате под голову) Устала бедненькая, перенервничала. (Гладит по волосам).

К о м и с с а р: (Протяжно) Вот дела-а-а-а... Унесите командира в землянку. (Появляются несколько партизан и уносят носилки с командиром со сцены).

(Пауза).

К а т я: (приподнимаюсь на локтях. Слышится пение жаворонков) Вы слышите? Это жаворонки... Слышите? Наши жаворонки...

(Все поднимают головы вверх, вглядываясь в небо. Слышны птичьи трели).

Степан: Так они всё время в небесах поют.

Прохор: Не туда Степан смотришь. (Поворачивает лицо к лесу.)

На сцену вбегают два мальчика и девочка. Они свистят в свистульки и бегают друг за другом, затем убегают со сцены.

Катя: (Улыбается) Вот они наши жаворонки. Я когда пулю доставала, всё о найдёнышах наших думала (встаёт с помощью Прохора и Степана на ноги).

Прохор: При помощи саратовской глиняной игрушки ребятишки оттаяли, это факт. Великая сила в народной игрушке заключена. Она и воспитывает и лечит и надежду даёт одновременно. Давай Катя усыновим и удочерим наших жаворонков после войны. Ты не против?

Катя: Проша... ты никак сразу и сватаешь и детками обзаводишься? Так что ли?

Прохор: (Смущённо) Выходит так...

Катя: (Прижимаясь к Прохору) Конечно не против.

Прохор: А вы нас, товарищ комиссар, зарегистрируете?

Комиссар: (Обнимает Катю и Прохора) Я не против. Вот командир поправится и мы вас распишем по всей боевой форме с нашими подписями и командирской печатью.

Катя: И ребятишек впишите?

Комиссар: (Поглаживает усы) И ребятишек впишем. Я же сказал – по всей форме.

С т е п а н: Пойду в разведку. За всех поквитаюсь (идёт в направлении кустов).

Фигуры на заднем плане замирают и затеняются. Вперёд (на свет) выходит комиссар и обращается к зрителям.

К о м и с с а р: (монолог) Великая и несокрушимая сила таится в русском народе. И не понять врагам, где она есть и как её одолеть? Где она начинается и где кончается. В небе она или на земле? В крови его или в душе! А может быть она соткана из памяти поколений нашего народа из прошлых веков и до наших дней и разлита в необозримом пространстве нашего отечества! Всё так. Всё как сказал. Гордитесь своими предками, любите свою страну и делайте всё, чтобы она процветала!

2020 год. Февраль.

Сорванцы

(пьеска для школьников)

Действующие лица

Витя Сукачёв – ученик 5 - «б» класса.

Женя Сукачёв – ученик 5 - «б» класса.

Прохожие – три человека.

Больной старик

Врач скорой помощи.

Вихров Игорь Валентинович – директор школы

Санитар скорой помощи

Мила – ученица 5 - «б» класса.

Катя – ученица 5 - «б» класса.

Валентина Павловна – учитель истории

Ученики 5 - «б» класса за столами.

Действие первое

На сцене лежит в непритязательной куртке пожилой человек. Шапка валяется рядом. Мимо него проходят люди. Некоторые останавливаются, разглядывают и высказываются по этому поводу:

Первый прохожий: «Напьются, что и ноги до дома не дотаскивают».

Второй прохожий: «Бомж, наверное»,

М и л а: Старикашка лежит. Живой или нет. Может скорую вызвать?

К а т я: (Презрительно) Тебе это надо? Нам надо к контрольной готовиться. Эти бухарики себя до дома не дотаскивают, а ты тут расстилайся скатертью (уходят).

На сцене появляются ученики пятого класса Витька и Женька.

В и т я: (весело) Хорошо, что мы с последнего урока удрали!

Ж е н я: Ага.

В и т я: (смотрит на лежащего старика) Глянь Женёк. Тут старикашка лежит.

Ж е н я: БОМЖ наверное? До своей клетухи не дошёл, свалился и отдыхает.

В и т я: (рассматривает лежащего) Нет, Женёк, Не похож он на пьяницу. Давай скорую вызовем. Может быть ему плохо?

Ж е н я: Давай. Только я думаю, что ему очень даже хорошо.

В и т я: Запаха водки нет. (достаёт телефон) Надо позвонить (звонит) Алло, скорая? Дедушка тут на улице лежит. Ему плохо. Улица Марины Расковой 9. Спрашиваете, как нас зовут? Звонят вам Витька Сукачёв и Женька Стукачёв, ученики 5 –го класса школа № 2.

Ж е н я: Давай ему подложим шапку под голову. Точно не БОМЖ.

В и т я: Давай. (Поднимает голову деда. Женя подсовывает под голову шапку).

Слышно звуки подъехавшей машины скорой помощи. Врач осматривает лежащего.

В р а ч: Нужна срочная госпитализация. (делает укол).
Подходит санитар с носилками. Витя и Женя помогают погрузить носилки в скорую помощь (слышна сирена отъезжающей скорой помощи).

Ж е н я: (Недоумённо) Действительно оказался больным, а я в начале думал, что он пьяный. Кстати, Ты чего мне эсэмэсил на уроке и предлагал сбежать с урока и срочно встретится?

В и т я: Идея есть. Я в газете прочитал, что по Мамаевому оврагу проходила линия обороны наших войск.

Ж е н я: Ну и что, что проходила?

В и т я: Давай в этом мамаевом овраге покопаемся, может быть, чего-нибудь ценное найдём.

Ж е н я: Чего ты там собрался найти?

В и т я: Много чего может попасться. По телеку показывают, как мальчишки ведут раскопки в местах боёв. Находят планшеты, патроны, наганы и даже гранаты. Иногда медальоны.

Ж е н я: Какие такие медальоны? Медали что ли?

В и т я: Сам ты медаль на шее. По этим медальонам искатели узнают, какой боец здесь воевал и погиб. Вот так вот. Медальон, он даже важнее автомата. Автомат ржавый и гнилой. Из него даже не выстрелишь. А если

медальон найдёшь, то о тебе в газете напишут или даже съёмочная группа приедет, по телеку покажут. Дети и внуки погибшего тебе спасибо будут говорить. Героями будем. Понял теперь!?

Женя: Понял! Понял! Вот тогда уже на родительском собрании никто не скажет, что мы оболтусы, а сам директор выведет перед всей школой и руку пожмёт. Ветеранов пригласят. Другие классы придут. Да что там классы – другие школы тебя на встречу приглашать будут.

Витя: Вот здорово! Милка с Катькой от зависти лопнут. Списать контрольную никогда не дадут, жадины. А тут, сами будут предлагать, представляешь. Подходят они к нам и говорят: «Витя, Женя, мы всё решили. Спишите у нас пожалуйста». Вот житуха будет... (Витька с Женькой садятся на скамейку и принимают мечтательные позы – смотрят вверх, улыбаются)

В это время Милка с Катькой, танцуя и кружась выходят на сцену. Они держат в руках раскрытыми тетрадки.

Мила: А где же наши герои класса Сукачёв и Стукачёв?

Катя: Не только одного класса герои, но и всей школы.

Мила: (показывает тетрадку) Ты хотел, Витя, у меня списать решение задачки? Списывай пожалуйста.

Видишь какой у меня почерк разборчивый. Всё разберёшь.

К а т я: На, Женя, тетрадку, списывай контрольную. У моей шариковой ручки цвет хороший. Для героев нам с Милкой ничего не жалко. (Витька с Женькой млеют от счастья. Милка и Катька уходят).

Ж е н я: (толкает Витьку) Чего размечтался. (Тот вздрагивает). Представляешь. Сон такой хороший приснился. Давай! Айда скорее копать (убегают).

Действие второе.

Входят директор школы Вихров Игорь Валентинович и учитель истории Валентина Павловна.

Д и р е к т о р: Эти Сукачёв и Стрекачёв на математике были.

У ч и т е л ь н и ц а: Были Игорь Валентинович. Были.

Д и р е к т о р: Вот и хорошо, вот и хорошо. Наконец -то за ум взялись...

У ч и т е л ь н и ц а: А что толку...

Д и р е к т о р: Что так?

У ч и т е л ь н и ц а: Нет, на сей раз вели себя тихо и даже очень тихо.

Д и р е к т о р: Что же тогда плохо?

У ч и т е л ь н и ц а: А плохо то, что они вроде были на уроке, а в то же время не были. Сидят, чего-то пишут и друг другу эти писульки передают.

Д и р е к т о р: А вы?

Учительница: Отобрала, какие-то карты, чертежи. Одним словом, что у них в голове не знаю (пожимает плечами). Они нас Игорь Валентинович или прославят, что сомнительно, или похоронят, что более правдоподобно.

Директор: Хорошо, если б первое. Я приглашу их к себе (оба уходят)

Действие третье.

Видно как мелькают лопаты, лязг о камни.

Витя: У тебя чего-нибудь нашлось?

Женя: Пусто. А у тебя.

Витя: перестань болтать, а то удача мимо пройдёт.

Женя: Ты суеверный стал, откуда?

Витя: Будешь тут суеверным, когда тройки да двойки. На контрольной, когда сидишь, хоть лешего в помощники приглашай.

Женя: Я чего-то выкопал.

Витя: И я тоже.

Приближается Мила и фотографирует мальчишек из-за укрытия.

Мила: (В зал) Ах, вот чем вы занимаетесь! Интересно. Запечатлим в электронной памяти (фотографирует и уходит).

Витя: Я уже устал до чёртиков (вытирает пот рукавом).

Женя: И я тоже. Пошли, дома при свете разглядим.

Дома рассматривают находки. Нашли звёздочку и какую-то жестянку.

В и т я: Я нашёл жестянку.

Ж е н я: А я звёздочку. Наверняка с пилотки бойца. Пилотка сгнила, а звёздочка осталась.

В и т я: Я думаю, что эта тоже не простая жестянка. Возможно это с танка Т-34.

Ж е н я: Пошли, покажем нашему историку.

В и т я: Хорошая идея.

Оба убегают.

Действие четвёртое

На сцене несколько столов с сидящими детьми. Среди них Витя и Женя. В класс входит историк Валентина Павловна.

В а л е н т и н а П а в л о в н а: Прежде чем начать занятие я хочу сказать вот о чём. Вчера мне двое наших ребят, не буду называть фамилии. Принесли, найденные ими, кусок железа и звёздочку. Они утверждают, что эти вещи найдены на месте проходивших боёв во времена ВОВ и что их нужно поместить в наш музей боевой и трудовой славы. Хочу заметить, что я сама когда-то являлся членом отряда, который проводил раскопки в местах сражений. Уверяю вас ребята, что ни эта звёздочка, ни кусок железа к сражениям в ВОВ никакого отношения не имеют.

Звёздочка выполнена из пластика, а в то время такого материала просто не существовало. Осмотрев жестянку, я выяснила, что на ней имеется табличка с надписью – «Стиральная машинка «Чайка»». Во времена ВОВ таких машинок не выпускалось. (историк многозначительно развела руками) К танку Т34 этот кусок железа никакого отношения, как видите, не имеет.

К а т я: А мы с Милой подготовили настенный листок. В нём мы показываем бездуховность Вити и Жени и говорим, что цель их была чисто потребительской. *Вывешивают листок на стену, разглаживают.*

В классе поднялся шум. Кто-то запустил в Витю и Женю кепкой. Послышались выкрики: «Чудилы!». У них стиральная машина вместо танка в бой ходила. Так на колёсиках тёп, тёп, тёп, тёп на немецких тигров, те врассыпную. А как же. Это же Сукачёв со Стукачёвым в бой на стиралке едут, от неё немцы драпают. Вот чудики! Прославится решили! Ха-ха-ха!!!
«Историю надо знать!», «Безмозговые!»

Открывается дверь, в неё входит директор школы. Шум прекращается.

Д и р е к т о р: (Строго) Кто тут прославиться решил?

И с т о р и к: Да вот небезызвестные всем нам Витя и Женя. Принесли в школу два изделия и утверждают, что эти предметы относятся к боевым действиям во времена

ВОВ, но это, к сожалению, оказалось не так. Потому ребята и смеются.

Ученик: (выкрик) Славу решили шапкой поймать. Ха-ха-ха!!!

Директор: (Строго) Тихо ребята. А я вам пришёл прочитать бумагу, которую мне только что принесли из военкомата. И бумага эта для нас для всех очень важная (зачитывает.)

Военный комиссариат Заводского района города Саратова уведомляет дирекцию школы № 2, что два её ученика Витя Сукачёв и Женя Стрекачёв совершили благородный поступок. Они спасли жизнь ветерану войны, трижды тяжело раненому Спиридонову Михаилу Игнатовичу, награждённому тремя орденами «Славы» и который брал Берлин. Если перевести действия ваших учеников на военный язык, то они как санитары под пулями и бомбами современной рекламы вытащили раненого с поля боя. Спасибо за воспитание подрастающего поколения. Низжайший вам поклон.

Подпись: Комиссар и так далее.»

Я связался с больницей и выяснил: врачи больницы долго боролись за жизнь ветерана. Операция прошла успешно. Мне хирург сказал, что если бы опоздали на пять минут, то жизнь бы ветерана оборвалась.

Ученики: (перебивая друг друга) «А что произошло?», «В чём их подвиг?»,

Мила, Катя загоразвивают листок на стене спинами и потихоньку его сдирают.

Д и р е к т о р: Их подвиг в том, что они не прошли мимо умирающего человека и вызвали скорую помощь. Десятки человек прошли мимо, а они нет. Это и есть подвиг духа. А так как они спасли ветерана войны, то и мы будем защитывать им этот поступок за победу на поле духовного боя. И бой они этот выиграли. Хотя десятки гаджетов и рекламных роликов в интернете их всячески отговаривали это делать. Но они им противостояли.

(В классе раздаются аплодисменты).

И ещё к этому. Как оказалось, этот ветеран войны оказался и мастером саратовской глиняной игрушки. Школа обязательно пригласит его на встречу, как только ветеран поправится.

(В классе снова раздаются аплодисменты).

2020 год. Март.

ПОГРАНИЧНИК

*Записано со слов Африкантова
Петра Андрияновича его сыном*

Пролог.

Героем этих записей является пограничник Африкантов Пётр Андриянович. Он 22 июня ровно в 4 часа, стоял на посту, охраняя западную границу СССР, а после окончания войны, стал участником Парада Победы на Красной площади.

В этих записях вы не найдёте описания героических поступков солдата, всевозможных бросков и взятий укрепрайонов. Всё это, конечно, было в его военной жизни, но в нашем повествовании это не самое главное. Главное заключается в простом вопросе, как солдат, получивший тяжелейшую рану в первые два часа войны, которая его почти обездвижила, сумел выжить в этой мясорубке? Там, где был он, не было никаких медсанбатов и санитаров, там никто и никаким транспортом не отправлял в тыл на излечение. Там, столкнулись грудь в грудь на низком берегу неизвестной речушки русские и немецкие пограничники.

Там не были слышны разрывы снарядов и бомб, там нечего было бомбить, потому как кроме столбов (знаков), обозначающих границу СССР, больше ничего не стояло. А драка была не на жизнь, а на смерть. В этом побоище были только слышны отборные ругательства, которые вряд ли найдёшь в словарях мира, лязг штыков, удары прикладов и стоны умирающих. Там не было криков «Ура», там русские и

немцы убивали друг друга молча и остервенело. Убивали кулаком, прикладом, штыком, каской, топили в речке, обливаясь своей и чужой кровью. А когда под рукой ничего не было, хватали противника за горло. Вода в речке порыжела от крови. Солдаты вермахта содрогнулись от увиденного – такого сопротивления они не встречали на границах оккупированных ими государств Европы. Здесь, на этих метрах низкого берега, резалась насмерть горстка пограничников с чужеземцами.

Участник событий рассказывает не о всей границе, охраняемой 86-м пограничным отрядом, а только о том крохотном её участке, на котором он был в дозоре.

Справка.

Африкантов Пётр Андриянович родился 12 июля 1920 года в деревне Малая Крюковка Татищевского района Саратовской области в крестьянской семье. Русский. В армию призван осенью 1940 года Татищевским РВК. Участник Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 года на Западном фронте и партизанского движения в Белоруссии.

В июне 1941 года – красноармеец, стрелок 17-й пограничной заставы «Скродске» 86-го Августовского пограничного отряда пограничных войск НКВД Белорусской ССР. В первый день войны в бою на заставе был

тяжело ранен и захвачен в плен. Совершил успешный побег и вступил в ряды партизан.

С 16 октября 1943 года – командир отделения партизанского отряда имени Ф.Э. Держинского партизанской бригады имени Ф.Э. Держинского Лидского партизанского соединения. За время пребывания в отряде лично взорвал три вражеских эшелона и три железнодорожных моста. В составе отряда в июне-июле 1944 году участвовал в разгроме немецких гарнизонов в Берёзовке и Вересково, во взрыве железнодорожных рельс под станцией Гавья.

С августа 1944 года – шофёр 54-й Отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригады РКК (полевая почта 71424).

Другие документы даны в приложении на стр. 283.

Вот так кратко и деловито гласит документ, присланный мне по электронной почте сегодняшними энтузиастами-следопытами, которые своим огромным трудом продолжают добывать сведения о воинах-пограничниках, принявших первый бой с немецкими захватчиками. Я назову их имена. Это Владимир

Анатольевич Тылец из Минска и Александр Васильевич Попов из Саратова.

А всё началось с небольшого рассказа «МИ» второй октавы», в котором я описал одну партизанскую историю, рассказанную моим отцом. Этот рассказ был напечатан в журнале «Молоко» за 2015 год №5. От него и оттолкнулись исследователи. В первую очередь они нашли меня, сына Петра Андрияновича, и попросили прислать номер отряда в котором служил на границе мой отец. Но, ни я, ни моя сестра Анна Петровна не могли им ничем помочь. Память не сохранила дат, названий, номеров застав, фамилий. Отец в рассказах о военных годах, конечно, всё называл, но мы этого не запомнили и не записали. Нам казалось, отец будет жить вечно и его всегда можно будет об этом спросить.

Но получилось по-другому. Умер этот жизнерадостный, подвижный с ясными голубыми глазами, всегда чисто выбритый и непременно улыбающийся человек. Умер, и оказалось, что мы ничего точно о его боевых делах и службе в армии не знаем и не помним. А тут приходит письмо, к нам, не помнящим и мало знающим, от следопытов, в котором незнакомые люди просят нас помочь хоть чем-нибудь, в поиске свидетельств о боевом прошлом Петра Андрияновича, чтобы им можно было хоть за что-нибудь зацепиться, чтобы оживить память о героепограничнике. Тут-то мы ближайшие родственники и

поняли весь трагизм положения. Мы стали судорожно перебирать всё, что у нас имелось из бумаг, надеясь, что где-то может быть что-то и заваялось.

ЗАЦЕПКА

И эта, заваявшаяся зацепка нашлась. В старых бумагах увидели характеристику на Петра Андрияновича, выданную ему из части полевая почта 71424. Документ был рукописный хрупкий, жёлтый, а вот печать части оказалась не на сгибе письма, а в центре полосы и хорошо читалась. По ней следопыты и вытащили ту информацию, что я разместил в начале письма в рамке. А потом у меня был телефонный разговор с Александром Васильевичем Поповым. В этом разговоре я узнал, что мой отец отважно воевал. «Да вы знаете, Пётр Петрович, – восклицает он, что ваш отец лично взорвал три вражеских железнодорожных моста и пустил под откос три эшелона, не считая других дел. Ваш отец - герой, а вы об этом ничего не знаете!»

Да! Мне было стыдно и больно. Стыдно больно и сейчас. Чтобы, как-то оправдать свою нелюбезность, опираясь на присланную мне информацию и на воспоминания отца, я и начну свой рассказ. Пишу от его имени.

НЕМНОГО О ГРАНИЦЕ

Наш 86 - й пограничный отряд охраняет границу по Сувалкскому выступу до города Граево. Это 139 километров пресечённой местности. В отряде двадцать застав. Каждая из них имеет участок охраняемой границы. В деревне Скродске расположена моя 17 - я застава. На заставе сорок человек пограничников. На других заставах может быть и больше. Всё зависит от протяжённости охраняемого участка.

Наш пограничный отряд образован только в сентябре 1939 года, а я призван на границу осенью 1940 года. Можно сказать, начало моей воинской службы почти совпало с его рождением и основанием застав. До меня на границе уже было много чего сделано, но и моему призыву тоже досталось.

Граница была совершенно новая. Ведь мы знаем из истории, что СССР в 1939-ом году присоединил Западную Украину и Западную Белоруссию. Отсюда и новая граница. Чтоб её обустроить нужно время. А что такое основание заставы? Отвечаю тем, кто не имеет представления о службе на границе. Граница на карте обозначается линией. Но, это на карте, а на земле она выглядит по-другому. Наш участок границы считается труднодоступным. Это значит, что границу перерезают, овраги, речушки, есть возвышенные и низменные места, заболоченные участки и труднопроходимые лесные чащи.

Мы, под руководством командиров продолжаем обустраивать границу: прорезаем пилами и топорами лесные дебри, расширяем просеки, оборудуем дозорные тропы и полосы, в опасных местах ставим дополнительные заборы из колючей проволоки, устраиваем секреты; в то же время ходим в дозоры, несём службу в секретах, тайно наблюдая за вверенным участком границы, учимся стрелять, окапываться, маскироваться, преодолевать полосу препятствия, изучаем материальную часть оружия и боеприпасов.

Примерно за две недели до начала войны, когда запахло порохом, мы в срочном порядке отрыли в полный рост окопы и ходы сообщения между ними. И, как говорится, не пожалели об этом. Ведь ходить в дозоры – это одно, а вести бой с превосходящим по вооружению и численности противником – дело совсем другое, нужно где-то укрываться. Тут-то наши окопы нам и пригодились. Сколько спасли они солдатских и жизней! При их помощи мы задержали противника на границе не меньше, как на два часа. Немцы отводили на прорыв нашего участка границы всего 15 минут.

Здесь надо сказать ещё вот о чём: ещё до появления наших окопов, через границу переходили отдельные разведчики с той стороны. Каких из них мы задерживали, а кого и нет. Разумеется, они видели, что граница не имеет оборонительной полосы, и докладывали об этом своему начальству. Немецкие

военные это учли в своих расчётах, но на практике просчитались. Окопы к их наступлению были готовы.

РАННЕЕ УТРО

Раннее утро 22 июня 1941 года выдалось вполне летним. На границе каждые сутки беспокойно, много перебежчиков. А в эту ночь с 21 на 22 июня особенно. Я несу охрану государственной границы СССР в тот момент, когда немцы через несколько минут начнут переходить границу и пойдут в атаку на наряд пограничников. Но, ни я, ни мои товарищи об этом ещё не знаем. Мы не знаем, что мы первыми примем бой с фашистами. Наши наряды усилены. То и дело вижу фигуру младшего замполита. Он нервничает, часто смотрит на часы и ударяет по голенищу сапога зелёной веткой.

Вдруг в небе что-то загудело. Это самолёты. Гуд приближается. Вот он уже над нами. Вглядываемся в небо. Бомбардировщики. Гуд их моторов заполнил всё окружающее пространство. Казалось, что в небе нет ни одного метра, где бы, не летел немецкий самолёт. Было очень рано, и они были видны не совсем чётко. Бомбардировщики мне кажутся зловещими тенями на просыпающемся небе среди крон деревьев.

Самолёты пролетели и улетели, затем на той стороне мелкой речушки, по которой проходит в этом месте граница, кто-то плюхается в воду.

Здесьние речки не похожи на Саратовские. Они низменные, питают окружающие торфяники и болота, часто соединяют болота между собой, потому узкие, мелководные, с топкими берегами. Воды, в этой речушке, что перед нами – не выше колен, зато тины предостаточно.

Нарушитель, весь в водорослях и тине кричит по русски: «Сейчас на вас нападут немцы, это война!!! Слышите! Это Война!».

Он, судя по одежде, польский крестьянин. С него течёт со свинцовистым отблеском грязь, а храбрец быстро и возбуждённо говорит, что немцы с минуты на минуту пойдут в атаку, у них приказ, солдаты ждут обозначенного часа, их много!

Этого крестьянина и других перебежчиков сразу уводят на заставу. Такие перебежчики, были и вчера, и позавчера. К ним за последние дни мы привыкли. Но к огромному количеству перелетевших через границу самолётов, привыкнуть нельзя.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Я стою на посту и изо всех сил вглядываюсь в противоположный берег мелкой речушки. Её берег порос низкорослым, по пояс, кустарником, за ним высокий лес. Оттуда только что, перебежал через границу поляк. Пока всё тихо. В голове кружатся мысли: «А может быть, этот поляк и правду говорил про войну?»

Только другие перебежчики говорили то же самое, но война не начиналась. Лучше б они и не перебежали, стоишь и нервничаешь, всё время ждёшь нападения». Внутренне сосредоточиваюсь. Минуты кажутся часами и вот оно началось.

На противоположный берег, выходят немцы, их немного. Они не торопясь, спускаются к воде, переходят речушку и движутся в нашем направлении.

Немцы не стреляют. Мы не стреляем тоже. Слышен голос политрука: «Не стрелять! Это провокация. Немцы сейчас повернут назад. Кто выстрелит в немецкого солдата – враг народа». В руках у него пистолет. Мучает вопрос – провокация это или нет? Возможно, политрук прав, такие провокации уже были. Немцы по два, три человека уже приближались к нашей границе и, не переходя её, уходили. Так те не переходили рубеж, а эти перешли. Почему политрук приказывает не стрелять? Чего он ждёт? Возможно, есть какой-то приказ сверху, о котором мы не знаем, или не хочет стать причиной военного конфликта?.. Нервы на таком пределе, что любой треснувший сучёк может стать сигналом к атаке. Что ж, раз нельзя стрелять – будем драться так.

Мы, с винтовками, наперевес, как по команде, выбегаем немцам навстречу и сталкиваемся с ними грудь в грудь, завязывается драка. Её ещё нельзя назвать рукопашным боем. Мы просто пытаемся прикладами винтовок и собственными телами вытолкать непрошенных гостей со своей земли. Немцы

пятятся, такого напора они не ожидали. У прибрежной кромки воды выталкивание переходит в кровавую рукопашную.

Дерёмся мы и немецкие пограничники; я узнаю их по форме. Мы нередко встречались с ними, будучи в нарядах, и издали приветствовали друг друга, а сейчас мы приветствуем их прикладами, штыками и кулаками. Бьём тех, кто стоит на ногах, кто бьёт нас. Кто ползает по земле в полуобморочном состоянии без каски не в счёт; не в счёт и те, кто бросил карабин и пытается перебраться на другую сторону речки, судорожно хватаясь за прибрежную траву и склонившийся к воде кустарник. Они уже не бойцы. Воинственный арийский дух их оставил.

Да – мы отчаяннее. Да – мы напористее. Да мы сплочённее и злее и наши приклады и штыки чаще достигают цели. Раз захотели рукопашной, то получите, мы – не против. Отражаю удары прикладом: один удар, второй, третий. Немец обнаглел и потерял осторожность. Делаю выпад штыком. Немец оседает и падает лицом в землю.

Никому не хочется умирать в этом лязге металла о металл, но кому-то придётся. Здесь драка на равных, кто кого. Вижу, как рыжий детина в каске топит нашего пограничника, окуная его голову в речную жижу. Немец настолько здоров, что наш пограничник против него, выглядит подростком. В ту же секунду прыгаю с берега

фрицу на спину и одновременно бью прикладом в шею и, по всей видимости, ломаю фрицу шейные позвонки. Он моментально выпускает жертву и тут же, я сам, оглушённый, падаю в ржавую воду рядом с верзилой.

Вода охлаждает мою голову и приводит в чувство. Я ощущаю, как кто-то хватает меня и тащит на берег. Вот я уже на берегу. Мир вокруг меня какой-то странный. Он глухонемой. Я вижу, но ничего не слышу. Перед глазами мелькают, топающие сапоги, вижу валяющиеся тела немецких солдат. Один из немецких пограничников катается по земле, обхватив голову руками; другой, с окровавленной головой, стоит на коленях, подняв руки на уровне плеч, и просит пощады. Он что-то лопочет, но я его не слышу. Слух ко мне ещё не вернулся. Один фриц сидит на земле и пытается одеть очки. Он подслеповато щурится и чему-то меланхолично улыбается. Вот он их одел; а в очках вместо стёкол торчат одни осколки. Жалкий и смешной этот воин великого фюрера.

Наконец слух мой прорезается. Я окончательно прихожу в себя и, покачиваясь, встаю, но мне уже не приходится участвовать в драке. Я вижу, как несколько немецких вояк торопясь выбираются из речки на ту сторону. Другие остались в ней навсегда.

Я смотрю вслед немцам, и думаю: «Зачем они шли? Что это за вылазка такая? В чём её суть?». Это были вопросы, на которые не было ответа. Для нас же стычка закончилась довольно успешно. У наших бойцов есть

разбитые носы, кто-то проверяет челюсть, на месте ли она, кто-то прикладывает широкие листья подорожника ко лбу и глазам. Ефрейтор показывает в кровь разбитые пальцы кулаков, а младший политрук ходит между нами и крутит головой, потирая шею. Двое наших не могут передвигаться самостоятельно. Они сидят на земле и, превознемогая боль, смеются. Это, наверное, нервное. Один лежит и стонет. Кто это, никак не могу определить, всё лицо залито кровью. Напрягаю память, но никак не могу ничего вспомнить.

«Отходим!» – командует политрук. Кто-то суёт мне в руки винтовку и спрашивает: «Ну, как, очухался!? Вижу, что очухался, а мог бы и того..., – и тут же весело добавляет, – А тот боров в речке плавает кверху задницей». Мы подхватываем двоих наших, забираем лежачего и уходим. Но не успели мы отойти, а побитые немцы, выбраться на противоположный берег речушки, как на тот берег, высыпают немецкие автоматчики. Их не меньше роты, они начинают по нам стрелять. Мы быстро занимаем оборону в окопах и начинаем вести ответный огонь. Бьём прицельно, не торопясь.

Окопы... окопы... Тогда, когда мы их рыли, то недоумевали – зачем нам окопы да ещё в полный профиль? За нами стоит батальон, эскадрилья. Если немцы нападут, то через несколько минут подойдёт подмога и от нападавших, только полетят клочки по закоулочкам. Однако всё пошло совершенно не так.

Мы ещё не знаем, что немецкой военщиной атакованы сразу все заставы нашего отряда и не знаем, что в Скродске на нашей 17-й заставе идёт бой, что порваны линии связи и что здесь идёт не просто разведка боем, а самое настоящее глобальное наступление немецких батальонов. Так началась Великая Отечественная война на вверенном мне участке границы моей Родины.

Нас отцы - командиры научили хорошо стрелять и это сказывается. «Каждая пуля в цель», – говорили они. И наши пули летят в цель. Мы видим, как падают немецкие солдаты; ими уже усеян весь берег, но они, не взирая на потери, лезут и лезут. Немцы уже совсем рядом. Мы начинаем закидывать их гранатами.

Наступление противника выдыхается, некоторые фрицы прячутся за трупы, другие лежат среди убитых и не шевелятся, выдавая себя за мёртвых. Обнаруживаю такого фрица и тут же всаживаю мнимому трупу в голову пулю. Вижу, как после выстрела немец дёргается и затихает.

Мы уже выдержали несколько атак, патроны и гранаты на исходе. У меня осталось несколько винтовочных патронов, две гранаты я бросил в атакующих, одна осталась. С одной гранатой много не повоюешь.

У немцев автоматы. Противник буквально засыпает нас свинцом. У нас появились раненые и убитые.

Младшего политрука не видно. Нами никто не командует, мы воюем сами. Понимаем, что одними винтовками нам немцев не остановить, нужен пулемёт.

Пулемёт и патроны на заставе. Мы отступаем к заставе. Она не близко. Немцы идут за нами по пятам. Вот и застава, входим и видим пустые, избитые пулями помещения. Полы устланы битым оконным стеклом и пулемётными гильзами. Ясно, что на заставе шёл бой.

На столе стоит пулемёт «максим», но без затвора. Ствол его ещё тёплый. Значит бой был совсем недавно. Почему бойцы бросили пулемёт – непонятно; возможно в него попал осколок от гранаты или мины; возможно, пулемётчик с оставшимися патронами остался прикрывать отход товарищей, а как только стрелять стало нечем – вывел пулемёт из строя.

Ясно одно – пограничники с заставы отступили, но в каком направлении они пошли, неизвестно. Атаковавшие здание заставы, подразделения немцев, по всей видимости, их преследуют. Надо срочно принимать решение. Пулемёта у нас нет, и теперь не будет, патронов тоже. Главное сейчас, это оторваться от немцев.

РЖАНОЕ ПОЛЕ

Мы, человек десять, не более, отступаем по ржаному полю, рассеявшись и огрызаясь редкими выстрелами из винтовок. Офицеров среди нас нет.

Поле, шириною с километр, увешано тяжёлыми колосьями ржи. Она по грудь, стебли мешают идти, вяжут ноги. За полосой, на взгорке, виднеется кустарник. Мы все, оставшиеся в живых, норювим как можно быстрее перебежать полосу ржи и укрыться в этом кустарнике за бугром.

Нашему отступлению мешают белополяки. Рядом стоит деревня, и они с чердаков ведут по нам прицельный огонь из винтовок. Стреляют неважно. Но вот с крыши забил и пулемёт. Откопали где-то и его. Пулемёт - это плохо. Надо снять пулемётчика. Я умею отлично стрелять. Это никуда не денешь, рос в семье охотников и этому меня учил ещё дед Илларион, а застава приучила к трёхлинейке. Из неё я могу стрелять быстро и из любого положения.

По пулемётчику бью с колена. Тщательно выцеливаю изрыгающий пламя ствол и нажимаю курок. Выстрел, пулемёт смолк и больше уже не начинает стрелять. Понятно, это был пулемётчик-одиночка. У него не было замены, но белопольские винтовки продолжают бить. Опаснее их всё же немцы; обученные и натренированные они наступают нам на пятки.

И вот, неожиданно сзади заговорил уже не польский, а немецкий пулемёт. Это самое опасное. Своей прицельной дальнобойностью он не оставляет нам шансов выйти из этой ржи живыми. Я бегу, оглядываюсь назад, и вижу, что нас, бегущих, становится всё меньше и меньше. И тут очередь

скашивает передо мной полоску ржи. Колосья не падают на землю, а виснут на соседних растениях. «Это конец...» – мелькнуло в голове. Я знаю, что сейчас пулемётчик возьмёт чуть ниже и всё. «Падай!» – буквально завопил весь мой организм. Но упасть я не успел.

ВЕЗЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Пламенем ожгло ноги выше колен. Я упал, но не потерял сознания. Это меня спасло. Несколько пуль вонзились в толстые места ног выше колен. Если б я потерял сознание, то наверняка бы истёк кровью. Кровь ушла бы быстрее, чем я успел бы очнуться и принять меры. Везением было и то, что я во время нападения фашистов на границу был в наряде, а стало быть, находился в полном боевом снаряжении. Это очень важно. У меня есть и винтовка, и граната, и медицинский пакет. Я разрываю пакет и начинаю перебинтовывать ноги. Бинтов для такого ранения не хватает, тогда я снимаю нательное бельё, разрываю его на полосы и наматываю полосы выше бинтов, кровь останавливается.

От потери крови, теряю силы, падаю в рожь, понимая своё безвыходное положение. В голове мелькает: «Выползу ли я с этого поля на одних руках? Если не смогу ползти, то сумею ли перекатываться?» – вопросы и вопросы, а немцы после пулемётного обстрела пойдут

в атаку, и будут добивать нас раненых. Пробую ползти. Тело от пояса и ниже, как мешок набитый ватой и песком. Руки устали и перестали слушаться. Пытаюсь перекатываться. Неимоверная боль в ногах, а до заветного бугра ещё далеко. Хотя, что меня ждёт за этим бугром, я тоже не знаю.

Вдруг немецкий пулемёт смолк. Я приподнимаюсь на локтях и смотрю на поле. По нему идут вразрядку немцы и короткими очередями достреливают раненых пограничников. Я опускаюсь на землю и ползу, цепляясь за растения.

Немецкие автоматчики подходят всё ближе и ближе. Я понимаю, что они подойдут ко мне быстрее, чем я доползу до этого бугра. Проверяю винтовку и обнаруживаю в ней один единственный патрон. Мелькнула мысль: «Как будто специально для себя оставил. Но нет. Так не пойдёт. Это называется – застрелиться за свой счёт. Такого не будет. Одного автоматчика я заберу с собой на тот свет, а вот другой меня обязательно добьёт, только уже своим патроном и за счёт своего рейха».

Глаза заливают пот, в прогал полёгшей ржи, где я только что прополз, вижу, как немецкий автоматчик стреляет в спину пограничнику. Передёргиваю затвор винтовки и, стреляю в автоматчика, почти не целясь, тот падает.

Второй автоматчик, после моего выстрела, приседает и двигается ко мне перебежками. Нащупываю в подсумке гранату и тянусь к ней рукой.

ВЕЗЕНИЕ ВТОРОЕ.

Мысль о том, как лучше использовать оставшийся боеприпас прерывается из-за заработавшего русского пулемёта «максим» на взгорке, куда я и полз. Очередями он прижимает немцев к земле и заставляет замолчать немецкий пулемёт. От радости у меня на глазах наворачиваются слёзы. Этот пулемёт дарит мне надежду на спасение. И вот оно, это спасение. – Два солдата от пулемёта «максим», ползут мне навстречу, я их вижу. Это не пограничники. Солдаты уже рядом. Они подхватывают меня под руки и ползком тащат в направлении своего пулемёта.

Боль в ногах невероятная. Наконец, вот он этот бугор, вот пулемёт, около которого хлопочут два бойца, и рядом тот кустарник, о котором я мечтал на поле. Только радоваться было рано.

Вытащившие меня бойцы и пулемётчик вдруг стали сниматься с позиции. «Ты вот что, говорит старший пулемётного расчёта, – Мы тебе помогли, а дальше ты уж сам, как можешь. Нам надо задание выполнять. У нас приказ». После этих слов солдаты подхватывают пулемёт и исчезают за кустами.

ВЕЗЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

«Вот тебе на, – думаю я, – кому я здесь нужен? Немецкие автоматчики скоро поймут, что русский пулемёт сменил позицию и ринутся сюда. Надо что-то делать?». Оглядываю местность. На ржаном поле уже не видно пограничников, только блестят каски немецких солдат.

В первую очередь отмечаю, что где-то совсем рядом, режут двигатели проезжающих автомашин. Это дорога. Приглядываюсь. Вижу среди кустов и редких деревьев проезжающие на большой скорости ЗИСы, полторки, эмки. До них метров сто, не больше. От меня к дороге идёт, поросший травой, склон.

Ползу по склону. Вниз по траве ползти гораздо легче, чем по ржаному полю. В некоторых местах я скольжу по траве. Подползаю к самой кромке асфальта. Вижу, что впереди, метрах в пятидесяти, дорога делает крутой поворот и уходит от границы. Начинаю лёжа голосовать. Машины не останавливаются. Они, как закусившие удила скакуны летят и на всём скаку, не тормозя, поворачивают влево, отчего их колёса визжат и пищат.

Думаю: «Кажется, меня здесь никто подбирать не собирается». Оцениваю дорожную обстановку: справа откос, слева крутой кювет, а дальше овраг, объехать препятствие будет нельзя. Я достаю гранату из подсумка и голосую гранатой, показываю её водителю

приближающегося грузовика и выкатываюсь с гранатой на дорогу.

Визжат неистово тормоза. Матерясь, трое дюжих гражданских мужиков спрыгивают с кузова, хватают меня за руки и за ноги, разматывают и бросают как мешок в кузов. Машина трогается и тут же набирает прежний темп езды. От удара большими ногами о пол кузова мутится сознание.

Наконец возвращается способность трезво оценивать обстановку. Сейчас для меня главное то, что я уехал с того места, где с минуты на минуту должны появиться гитлеровцы.

ВЕЗЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Шоссе не совсем ровное, машину трясёт и мотает. Каждая встряска как ножом режет искалеченные ноги. Полуторка, на которой меня везут, гражданская. В ней на двух лавках и на полу кузова сидят гражданские мужики и несколько женщин. Куда они едут и откуда, неизвестно.

Выезжаем на открытую без деревьев местность и сразу в небе появляются немецкие самолёты. С рёвом они обрушиваются на шоссе, расстреливая из пулемётов всё, что по нему движется. Автомобили резко тормозят. Все, кто едет в полуторке, разбегаются по кюветам, а я лежу и смотрю в небо, отслеживая каждый манёвр немецких лётчиков.

Вылезать мне из кузова нельзя. Да, я могу перевалиться через низкий борт полуторки и упасть к её колёсам и даже отползти в кювет, только назад меня никто в кузов затаскивать не будет. И вот я тихо лежу в кузове у борта, а пулемёты строчат и строчат, от кузова полуторки летят щепки. На шоссе горят отдельные машины, однако мой автомобиль не загорается, и я лежу невредимый.

«Ну, что, боец, Живой?» – спрашивают меня после обстрела, влетающие в кузов попутчики. – И даже ни одна не зацепила» – удивляются одни. – «Ты смотри... В кузове ни одной целой доски нет, а ему хоть бы хны...», «Ну, ты везунчик!» – говорят третьи. – А я отмечаю, что каждый раз после таких обстрелов в кузов поднимается всё меньше и меньше людей. «Значит, по кюветам остались лежать, – думаю я», а полуторка едет дальше.

После достаточно долгой езды, машина вдруг резко останавливается, слышатся впереди выкрики: «Минск немцы взяли! Поворачивай на Киев!». Такой информации я не верю. Не может немец за пол дня Минск взять, однако образовавшаяся колонна разномастных, избитых пулемётными очередями машин сворачивает на другую трассу. Едем по ней. Вдруг колонна останавливается, двигатели перестают работать. Установилась необычная тишина. Не слышу ни слова, ни вздоха.

И вдруг кто-то испуганно и тихо говорит: «Немцы».

ВЕЗЕНИЕ ПЯТОЕ.

Я подтягиваюсь на руках и смотрю через борт кузова. То, что я вижу, невысказано. На трассе стоит, перерезав её, немецкий танк с крестами, совсем рядом речка с зарослями осоки край берега. Немецкий офицер жестами приказывает всем выходить из машин.

Люди стали прыгать с кузова. Я переваливаюсь через борт, падаю и, не обращая внимания на боль в ногах, ползу к речке. Мне страшно хочется пить. Подползаю и плюхаюсь лицом в воду. Вода заливает рот, нос, глаза. Жадно глотаю иссохшими губами прохладную влагу и окунаю в воду всю голову. Пью бычком. Хорошо. Поднимаю голову и вижу, что вся масса людей, без всякой команды, лезет в эту речку. Я, тоже подчиняясь чувству стадности, лезу в речку и прячусь за осокой.

Рядом со мной, пригнувшись, стоит, судя по одежде, офицер, только без знаков различий. Он придвигается ко мне вплотную и срывает с меня зелёные петлицы. «А фуражку сам утопи и побыстрее, – говорит он и добавляет, – немцы всех пограничников считают коммунистами и сталинскими соколами, так что от греха подальше».

Я делю то, что мне сказал офицер и не напрасно. Вскоре немецкий унтер жестом дёт команду: «Всем вылезать из воды!». Из речки я вылезти самостоятельно не могу. Люди вылезают, а я торчу в воде и даже никого не прошу о помощи. Тут ко мне подходят два дюжих

артиллериста, берут под мышки, поднимают и вытаскивают из речки, но не бросают, несут до дороги, где немцы в это время всех выстраивают в два или три ряда. Перед строем расхаживает офицер и что-то говорит на ломаном русском языке про великую Германию и её непобедимую армию, затем велит всем коммунистам, жидам и пограничникам выйти из строя.

Выходят несколько человек, видимо, коммунисты и евреи. Немецкие солдаты шныряют по рядам и выпихивают ещё двух солдат-пограничников в зелёных фуражках и с зелёными петлицами и ещё несколько евреев. Всех отводят в сторону и тут же расстреливают. Оставшихся в живых, криками и пинками, сбивают на дороге в колонну, затем поступает команда идти и вся масса, в основном бывших военных, под дулами автоматов и оскалом рычащих псов, начинает двигаться.

Меня тащат всё те же артиллеристы, потом их меняют два морячка. Как здесь оказались эти морячки? Неизвестно. Потом их меняет ещё кто-то. Палящее солнце быстро изматывает, лишает сил, но меня уставшие люди не бросают. Я среднего роста, но не такой уж и лёгкий. На мне только намокшие в воде бинты сколько весят.

Дорога идёт под уклон и это облегчает труд моих носильщиков. Колонна, похожая на огромное живое существо движется, занимая всю ширину дороги. Иногда сзади и спереди раздаются одиночные выстрелы

из карабинов, или короткие очереди из автоматов. До меня доносятся слова: «Пристреливают тех, кто не может, или не хочет идти».

Меня не бросают, люди упорно передают меня из рук в руки и несут дальше, а я думаю: «Сколько эти люди будут меня нести? Насколько у них хватит сил? Кто и что меня ждёт впереди? Кому я нужен, когда немцы запросто расстреливают здоровых и крепких мужиков?».

Вскоре в низине замелькали крыши домов большого села. Колонна доходит до его окраины и останавливается. Все падают на землю, привал. Офицер, показывает тростью на большой дом и говорит: «Это бывший русская болница, а теперь – немецкий госпитал. Всех, кто нуждается в медицинской помощь, останутся здесь, а здоровые пойдут дальше».

Тут же всех тяжело и легко раненых немцы выводят, или вытаскивают из колонны и бросают за ограду больницы. Меня затащили за ограду артиллеристы и бережно положили на землю. Я мысленно попрощался со своими спасителями. Они мне ответили вымученными улыбками. Немецкие солдаты закрыли ворота, около которых встали часовые. Больше я этих морячков и артиллеристов никогда не видел.

ВЕЗЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Весь персонал в госпитале русский. Осматривает меня сам главный врач и хирург по совместительству. С

ним санитарка, которая записывает все данные обо мне: где родился? с какого года? и так далее. Другая медсестра разрезает ножницами слипшиеся бинты на моих ногах. Очень больно, но я терплю, это ведь первая квалифицированная медицинская помощь, о ней я даже не мечтал.

После первичной обработки пулевых ранений меня определили в палату. Я лежу на кровати и смотрю на стены и потолок. В палате всё чисто, выбелено или покрашено. Где-то под вечер в палату заходит уставший главный врач и садится ко мне с краю на койку. Смотрит на меня, улыбается одними глазами и тихо говорит:

– Из Татищевского района, С Малой Крюковки, говоришь...

– Да, я с деревни Малая Крюковка, – отвечаю, не понимая, куда клонит главврач.

– А я с Мизино-Лапшиновки, – говорит он. – Здравствуй, земляк, – и жмёт мне руку. – Чем могу, помогу, но лежать придётся с твоим ранением долго. Сильно они твои ноги покромсали. Кстати, твою одежду выбросили, будешь ходить в больничном. – Он встал и ещё раз, пожав мне руку, вышел.

После его ухода, я долго смотрю в окно на зарево садящегося солнца. Пытаюсь мысленно сложить события дня в единое целое, но у меня это плохо получается. Я начинаю складывать снова, и снова всё

рассыпается. Клонит ко сну. Первый день войны для меня закончился.

ВЕЗЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Как я уже говорил, лечили нас в госпитале русские доктора и персонал был весь русский, а охраняли больницу немецкие пулемётчики. Немцы с первого дня нашего сюда поселения, стали ставить вокруг госпиталя вышки. На них установили прожекторы. На вышках день и ночь торчат пулемётчики в касках. Забор у больницы из красного кирпича, по верху его немцы протянули колючую проволоку. Кроме постов на вышках, другой охраны не видно. Видимо немцы считают, что использовать пехоту для охраны лежачих и едва волочащих ноги людей, излишеством.

В госпитале мы относимся друг к другу настороженно, лишнего не болтаем. В одежду больных входят нательная рубашка и кальсоны. Потом, когда легкораненые стали выздоравливать немцы завели другой порядок – нам стали выдавать что-то одно – или кальсоны, или рубашку. Через каждые две недели происходит выписка. Выписывает, условно выздоровевших, приезжий немецкий врач с эсесовским офицером. При выписке всегда присутствует главный врач больницы, мой земляк.

Происходит это так. Немец осматривает больного и если он, по мнению немецкого врача, подлежит

выписке, то его тут же с постели хватают немецкие солдаты и уводят. Таким образом, идёт отбор в концлагерь. Если немец считает, что лечение будет долгим, то такого больного «выписывает» эсесовский офицер. Он достаёт парабеллум и тут же на койке расстреливает раненого.

За больных часто вступается главный врач госпиталя, он спорит с немецким врачом и иногда ему удаётся отстоять больного и последнего не отправляют в концлагерь или не расстреливают. Но это происходит реже, чем бы хотелось.

Два раза при таких выписках на соседних койках со мной расстреляли тяжелораненых. Моим же спасителем всегда выступал главный врач. Однажды, немецкий врач, осмотрев мои ноги, скривил рожу и покачал лысой головой, дескать, лечение затянется надолго. Эсесовец сразу расстегнул кобуру и достал пистолет. Главный врач в это время, буквально загородил меня телом и так стал убедительно доказывать немцам, что я скоро побегу и буду полезен Германии, что немецкий хирург с ним согласился и проговорил: «Пуст это будет под ваш ответственный», потом что-то быстро сказал эсесовцу. Офицер не глядя, произносит: «Если при следующей выписке этот больной будет лежать на койка, то я его пристрелю». Возможно, он и исполнил бы своё слово, но при следующей выписке был другой эсэсовский офицер и он ничего не знал об обещании первого.

ВЕЗЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Выздоровление ног идёт медленнее, чем бы хотелось. Идут дни, недели, месяцы, а я всё не могу ходить. Следующая выписка почему-то происходит ночью. Такого никогда не было. Неожиданно в темноте раздаются голоса команд немецких унтеров, палату освещают фонариками, в неё вбегает несколько автоматчиков, входят эсэсовец и немецкий врач. Сердце у меня оборвалось, такая выписка не сулит ничего хорошего. И тут я немного обрадовался – немецкий врач был другой и эсэсовец тоже. «Может быть, и не пристрелит», – мелькнула мысль.

На этот раз выписка происходит проще и интенсивнее. Солдаты ставят больного на ноги, и если он не стоит нужное время, то его пристреливают, а если, хоть стонет, но стоит, то решет немецкий врач. Хорошо, что моя койка находится в середине палаты, а не у входа, можно понять, что к чему?

При осмотрах первых больных я сразу сориентировался, как надо действовать. Хорошо ещё, что немецкие солдаты сами ставят больных на ноги. Я встать самостоятельно на ноги просто не в состоянии. К моей койке подходит главный врач и шепчет: «Крепись дружище, хоть умри, но стой...». И я выстоял. Подходят солдаты и ставят меня на ноги. От боли в глазах стоят красные и фиолетовые круги, мутится сознание. Я не помню, как солдаты бросили меня на постель и не

слышал, как немецкий хирург произнёс слово «ГУТ», а эсэсовец прошёл к следующей койке.

И на этот раз смерть с косою прошла мимо меня. Утром ко мне подошёл главный врач и сказал, что из их больницы мало отправлялось людей в концлагерь, заподозрили неладное и совершили ночную медицинскую облаву, поменяв и эсэсовца, и немецкого хирурга. А ты молодец, хоть и сознание потом потерял, но эти секунды простоял, выдержал.

«Выдержал ли я это сам?» – мелькнуло в голове, и впервые подумал об ангеле-хранителе.

ВЕЗЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Через некоторое время я начинаю потихоньку передвигаться. Выписывают опять больных прежний доктор и прежний эсэсовец. Почему я говорю больных, потому что их всех надо ещё лечить. Меня главный врач немцам не показывает – он меня и других, таких же, как я, прячет на чердаке больницы. Там мы забираемся в дощатые короба карнизов, что служат снаружи обрамлением крыши. Когда меня первый раз санитары запихнули на чердак и велели прятаться в коробах карнизов, то они оказались уже почти все заняты. Я всё же нашёл свободное местечко, втиснулся в короб и затих.

Немцы, как обычно, в своей манере провели выписку, затем солдат по лестнице поднялся, заглянул на чердак,

разрядил по чердаку магазин, потом походил по больнице, пострелял ещё по затемнённым местам и фашисты уехали. Все, кто прятался в коробах, остались живы.

После этого случая, я понял, какой великой души этот главврач госпиталя, хирург и мой земляк. Ходя по лезвию ножа, он умудряется обманывать фашистов. Он делает всё, чтобы сохранить как можно больше солдатских жизней.

Пришла дождливая осень. На улице ветер гонит опавшие листья. Я вижу в окно, как жители деревни, управившись с огородами и сделав все дела на полях, больше находятся в селе. Уже давно выкопана картошка, свезены с полос жёлто-зелёные тыквы, за дворовыми постройками стоят посеревшие и аккуратно уложенные копны сена, а меж домов и сараев плавают разлапистый, перемешанный с дымом из труб туман. За полем виднеются верхушки елового и соснового леса. Этот лес впоследствии и станет первым моим убежищем после побега.

А пока я лечусь. Прав хирург – лечение ног затягивается. Я умею ходить с палочкой. На улице по утрам морозец. Выхожу во двор больницы, это разрешается, дышу морозным воздухом. Ноябрь. Погода неустойчивая – то морозец, то идёт крупа, то льёт затяжной мелкий дождик. Я бы мог ходить и без палочки, но побаиваюсь.

Всё произошло очень неожиданно. Ночью мне шепнули, чтоб шёл в комнату для инвентаря, то есть в кладовку, где хранятся лопаты, скребки, и другая хозяйственная утварь. Когда я туда пришёл, там собралось около двадцати человек почти выздоровевших больных.

Незаметно, бочком входит хирург и говорит:

– Этой ночью вам надо всем бежать, завтра будет поздно. Немцы откуда-то пронюхали про наше убежище в карнизе. Единственное, что я для вас могу сделать, это вот это, – и он указал на ворох тряпья. Под тряпьем оказались недостающие нательные рубашки и кальсоны, другой одежды не было, и все мы были босиком. – Бежать будете через котельную, – продолжает говорить доктор, – из котельной пройдёте в дровяной склад. В стене склада две доски оторваны, вы их просто отставите в сторону и всё. Когда выберетесь из склада, стойте в тени забора и ждите сигнала. Мы постараемся чем-то отвлечь часовых. Бегите прямо через поле к лесу и врассыпную, чтоб было меньше потерь. У немцев нет караульного взвода. Одни пулемётчики на вышках, собак тоже нет, преследовать некому. Ты, Пётр, – обращается он ко мне, – ещё сильно не долеченный, бежать бегом ты не сможешь, но деваться некуда, уходить надо обязательно, крепись и прощай».

Он обнял каждого и вышел.

Мы стоим в кладовке подавленные расставанием. Каждому из нас он подарил надежду на жизнь. Как всегда в таких случаях находится шутник, что разряжает обстановку. Нашёлся такой и среди нас.

«Жаль, что немцы справки о нахождении в их госпитале нам забыли написать и печать приложить». – Пошутил кто-то.

«Не беспокойся, сейчас они их нам напишут из пулемёта и печать меж лопаток приложат», – вставил другой, и все замолчали.

В общем-то, остряк оказался прав. По иронии судьбы, в году этак 1980-ом меня обследовал, как фронтовика, консилиум врачей по месту жительства. Я показал израненные ноги. Хирург осмотрел шрамы и говорит: «Да, это тяжёлые пулевые ранения, тут ни одна пуля по ногам прошла, всё видно невооружённым глазом. – Затем помолчал и добавил, – извините, Пётр Андриянович, но подтвердить я вам эти ранения, без справки из госпиталя, где вы лечились, не могу, такие правила.

– Так где я того немца найду, чтоб он мне справку дал и печать поставил!? – вскипел я. Но хирург был не преклонен. Так и остался искалеченный человек обычным фронтовиком, а не инвалидом. Вот тебе и шуточка, прозвучавшая в кладовке для инвентаря.

Мы сделали всё, как нам было сказано главным врачом. Теперь, прижавшись к забору, стоим и ждём сигнала. Моросит холодный мелкий дождь с крупкой. Погода для побега хорошая, видимость слабая. Немецкий часовой, засунув руки в рукава шинели, ходит на вышке, видно пытается согреться. Менять его, по нашим подсчётам, должны только через полчаса, и он уже изрядно продрог. Вдруг в противоположной стороне от нас на больничной территории вспыхивает пламя. Это сигнал. Пулемётчик поворачивается в его сторону и тут же семнадцать человек разом бросаются бежать в тёмную пустоту.

Я, крещусь и тоже вроде бегу. Бежать мучительно трудно, босые ноги утопают в рыхлой холодной почве, разъезжаются. Я постоянно падаю, но встаю и снова бегу. Бегу, как умею. Это, конечно, не бег, а больше ковылястый умеренный шаг.

По полю заплясало желтоватое круглое пятно прожектора. Вот оно скользнуло передо мной, осветило меня. В голове промелькнула мысль: «Сейчас будет выстрел, падай!», – и тут же, будто какая-то невидимая сила толкает меня в спину, и я зарываюсь лицом в грязь. Слышу, как прямо над головой свистят пули, врезаются в землю и обдают лицо влажным крошевом, следом, другая очередь. Пятно прожектора смещается в сторону и выше.

Немец видно решил, что меня убил. Я скашиваю глаза и вижу, как к лесу по полю скользят тени бегущих

товарищей, а с вышки захлёбываясь лает и лает пулемёт. Я вскакиваю и бегу, или думаю что бегу. Ног, как будто нет. Хорошо, что мои ноги ещё как-то передвигаются. Я заметно отстал от товарищей, некоторые уже достигли леса, а кто-то приближается к нему. Пятно прожектора пляшет где-то на краю поля, а пулемёт бьёт и бьёт по убегающим.

Ноги совсем не слушаются. Я падаю, будь что будет, застрелят – так застрелят. Лежу неподвижно. Мокрая земля, мокрое небо, мокрое липкое нательное бельё, превратившееся из белого в грязно-серое. Я не думаю ни о жизни, ни о смерти, всё пустое. Даже минута лежания в холодной грязи стоит многого.

Пулемётная пальба стихла. По полю ползает, высматривая недобитые жертвы, жёлтое пятно прожектора. Иногда доносятся короткие очереди. Чувствую, как жёлтое пятно заползло мне на грудь, остановилось, немного потопталось, постояло, скользнуло по лицу и стало смещаться вбок. Видимо пулемётчик убедился, что я – труп и стал осматривать поле дальше. Затем луч прожектора останавливается на одном месте и стоит недвижно. Видимо у немца замёрзли руки, и он их греет, засунув в карманы шинели или в рукава. Я медленно встаю. Под руки попадает какая-то палка. Я беру её в руки, опираюсь на неё и, еле переставляя ноги, пошатываясь, шагаю в темноту. Немец меня не видит. Он думает, что сделал

своё дело. Это хорошо для меня. Только бы он не стал опять крутить прожектором.

Наконец, вот он спасительный лес. В нём полная темнота. Всё так же моросит осенний промозглый дождь. Огромная ель. Под елью мы. Нас в живых осталось семь человек. Нам повезло, мы живы и на свободе. Ёжимся. Все мокрые и грязные. Очень холодно.

ВЕЗЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Только это была ещё не полная свобода. Мучили вопросы: куда идти? далеко ли жильё? Кто приютит и даст корку хлеба? Решили идти в другое село, не отрываясь от опушки леса, чтоб был ориентир. К утру, мы подошли к селению. Дождь умерил свою прыть, и стало лучше видно. Селение небольшое в одну улицу, оно тянется вдоль речки. Прячемся под дубом, прислушиваемся. Деревня просыпается. Редко лают собаки, хозяйки провожают коров на выпас. Что они там найдут в этих лугах, но всё же, не в хлеву стоят. Крестьяне экономят, заготовленное на зиму сено.

Решаем сразу в село не идти, а подождать восхода солнца. Ждём. А вот и солнце. Идём в крайний дом. К дому подобралась незаметно. Увидели, как хозяйка, захватив дров, толкнула ногой сенную дверь и вошла в коридор, за ней мы и устремились.

Дом, куда мы пришли, оказался большим, с несколькими комнатами. В нём тепло, даже жарко.

Пожилая женщина хлопочет на кухне, а молодая, что принесла дров, накидывает на себя платок, верхнюю одежду и, уходя, говорит нам: «Пойду по соседям вам одежду пошукаю, нельзя же вот так в одном исподнем», – и вышла. Из комнаты выбегает мальчик лет пяти-шести, хватая шапку и маленькую фуфайчонку и бросается за матерью. Через некоторое время он возвратился надутый; разделся, сел против меня на скамеечку и стал от недовольствия ковырять в носу.

Я, поняв, что дитя хотело идти с матерью, а его препроводили назад, решил развеселить мальчугана и стал строить ему разные смешные рожицы. Мальчишка вскоре развеселился и спрашивает: «Дядя, а вы бандиты, да? – и, не дожидаясь ответа, добавляет. – И ни сколько вы не бандиты, а мамка сказала соседке, что вы бандиты и что она идёт в полицию на вас заявлять».

После слов мальчишки, нас как ветром сдуло. Мы выбежали из дома, пересекли двор и, не таясь, побежали к лесу. Оглядываюсь и замечаю, как во двор дома, где мы только что были на рысях въезжают пять вооружённых людей. Видимо, узнав, что мы убежали, они тут же направляют коней к лесу.

Вот они выезжают за хозяйственные постройки и видят нас безпортошных. На руках у верховых видны белые повязки полицейских. Они гонят коней, пытаясь нас догнать, а мы изо всех сил стремимся достичь леса. Мы гораздо ближе к лесу, чем они. Потом, я уже не так

отстаю. Меня подхватили под руки два товарища и помогают бежать.

Вот она опушка, густая, в основном из лиственных деревьев, она сразу поглотила нас и спрятала от полицаев. Полицаи же в лес въезжать не стали, чего-то побоялись, придержали коней, затем постреляли наугад и, ругаясь, зарысили к деревне.

ВЕЗЕНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Как не говори, а этот заход в дом был для нас сильной встряской; мы поняли, что не в каждом доме нас ждут с распростёртыми объятиями, надо было быть впредь осторожнее. Мы, нисколько не задерживаясь около этого села, двинулись дальше. Только теперь мы идём больше густым лесом и избегаем полянок и просек, за нами могли начать охоту. К обеду подошли к другому селу. Это очень большое село в несколько улиц, и эти улицы скрываются за бугром. На этот раз мы не стали заходить в крайний дом, а залегли и стали наблюдать. Если раньше я и мои товарищи думали о том, как прийти в деревню и согреться, то теперь мы все думаем о том, как найти надёжных приветливых хозяев и не попасть в руки полиции.

Мы выбрали для захода дом победнее и понеказистее. Подошли к нему с огорода, пролезли через колючий шиповник и спрятались за дощатым забором, рядом с дверкой на тропе, ведущей в огород.

Прождав около получаса, мы увидели входящую во двор пожилую женщину с вёдрами на коромысле. За ней вбежала маленькая лохматая собачонка и, почуяв чужих людей, сразу бросилась к тому месту, где мы притаились, и залилась громким залиvistым лаем.

Хозяйка, не занося вёдра с водой в дом, поставила их на лавку и осторожно подошла к забору. Она тут же увидела лежащих в исподнем белье мужчин, цыкнула на собаку, та сразу умолкла. Женщина, прикоснулась пальцем к губам, подав тем самым нам знак, дескать, лежите тихо, обвела взглядом соседние огороды, дома, выглянула в калитку, заперла её на засов, открыла дверь в хлев.

Проделав всё это не торопясь, без всякой суетливости, она подошла к нам и проговорила: «В хлев, и пригнитесь», затем взяла метлу и стала мести двор. Мы тут же юркнули в хлев, где ночевала скотина. В хлеву спрятались в овечьем котухе. Лежать на спрессованной соломенной подстилке было тепло, прелый навоз ударял в ноздри, пахло овечьим молоком и потом. Мы испытывали блаженство.

Минут через двадцать пришла хозяйка. Она принесла краюшку хлеба и полведра молока, сама села на жердину и стала наблюдать, как голодные, обессиленные мужчины поедают молоко с хлебом. На её глаза набегают слёзы, и она то и дело вытирает их концом платка. Когда мы поели, хозяйка взяла пустое

ведро, и, сказав: «Сидите тихо, меня зовите тётёй Мотрей», – вышла, плотно притворив за собой дверь.

Её не было до самого вечера. К вечеру она пришла с пожилой женщиной, можно сказать, старушкой. Они переправили нас в баньку, заткнули в ней ветошью маленькое окошко и зажгли фонарь. «Располагайтесь, – сказала старушка тихо, – мойтесь, парьтесь. Здесь пока жить будете, не шумите. В селе любопытных глаз и ушей много». – Женщины ушли, а немного погодя послышалось бляенье овец и рёв коров. В село возвращалась с лугов скотина, начиналась вечерняя деревенская жизнь.

В баньке жарко, из чугунного котла идёт пар, около входа несколько вёдер с холодной водой, на полу стоят деревянные шайки и лежат кусочки мыла и мочалки.

Такого блаженства мы не испытывали никогда. Мы хлещем друг друга веником, поливаем водой, трём друг друга мочалками со сползающих с них мыльной пеной. Мы радуемся как дети. Намывшись – все выползаем в предбанник отдыхать и тут обнаруживаем развешанные на верёвке рубашки, штаны, нательное бельё, картузы, шляпы и так далее. Чуть остыв, начинаем примерять обновки. Не всё подходит по размеру, а чего-то нет совсем, например, обуви.

Женщины пришли в баньку поздно вечером, когда уже было совсем темно. Чего не подошло, они взяли с собой, пообещав принести нужный размер, а вот с

обувью было совсем плохо. В малоимущих домах её просто в достатке не было, а в зажиточные – хозяйка и её соседка-старушка заходить боятся.

– Скажите, а у вас в селе лапти плетут? – спрашиваю я.

– А как же, для лета самая хорошая обувь была и есть. Её и сейчас, кто постарше носит – обрадовано произносит тётя Мотря.

– А есть, кто сплести может?

– Это к деду Тимохе надо, он хоть и старый, но за неделю наковыряет.

Все прибодрились. Выход из положения был найден. Через неделю нас было не отличить от тамошних крестьян бедного сословия. Прибодрились мы ещё и потому, что узнали – староста в селе добрый человек, выбранный народом, а не назначенный немцами. Он хозяйке приходится кумом. Хозяйка старосте о нас уже рассказала и тот завтра хочет нас беглецов видеть.

– Кум сказал, чтоб шли к нему в управу не кучей, а с разных сторон деревни по одному или два человека с промежутками по времени и чтоб выдавали себя за беженцев, – предупредила нас тётя Мотря.

На следующий день рано утром, выбравшись окольными путями за деревню и подождав, когда наступит день, мы двинулись в деревню с разных концов. Управу было видно издалека, над ней развевался флаг рейха.

На крыльце нам преградил путь рыжий полицаи.

– Куда прёшь, басота!?

– Так регистрироваться, замялись мы, чтоб всё по закону...

– Без доклада не положено, – проговорил полицаи и, смерив нас взглядом и не обнаружив ничего подозрительного, юркнул за дверь. За дверью послышался его голос:

– Желающих вас видеть уже семь человек накопилось. Их пущать по одному или как?

– Они из каких будут? – спросил староста..

– По виду басота, а кто они там погорельцы, али беженцы, разве поймёшь.

– Время у меня на разговоры нет. Заводи всех разом.

Тут же к нам вышел рыжий полицейский и сказал:

– Входите! Герасим Ильич вас всех впустить велит.

ВЕЗЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Мы вошли в комнату и остались в ней один на один с этим Герасимом Ильичём. Старосте было за шестьдесят. Посмотрев на нас, он задал каждому несколько простейших вопросов: «Кто? Откуда? Зачем?». Затем вызвал полицейского и спросил:

– Гришка, в селе много нуждающихся в работниках?

– Так точно! – гаркнул Гришка. – Особенно среди зажиточных мужиков. Любят они на халтурку чего-нибудь построить, или поправить.

– А бабам одиноким с малыми детьми помощники разве не нужны?

– Нужны, господин староста, у некоторых плетни заваливались, огороды остались недокопанными... Непорядок это. Мужские руки требуются.

– Вот и я об этом же... – и староста многозначительно поднял палец вверх. – Будем о своих сельчанах думать. Определим их жить в школу. Отведёшь и покажешь. – И он строго посмотрел на полицейского.

– Будет сделано, господин староста! – отчеканил тот.

– Через неделю зайдёте, я вам выправлю пропуска. – Сказал Герасим Ильич, обращаясь к нам. – Живите сколько хотите, только не озорничать и не воровать, девок не портить. Узнаю – лично сдам в гестапо. Ступайте.

Мы понимали, что нам очень повезло. Ещё мы понимали, что староста специально разыграл эту сцену с приглашением полицейского, чтоб отвести от себя подозрение. Даже базу под свои действия подвёл. Умён, ничего не скажешь.

Через неделю пропуска были у нас в кармане. Мы живём в школе и ходим наниматься на работу в деревню к хозяевам, как мы тогда говорили – к дядькам. Кто-то из нас подряжается за прокорм строить сарай, кто рыть колодец, кто строить изгородь и так далее. Работы в деревне хватает.

В школе нас живёт не семь человек, а гораздо больше. Кроватей в школе, разумеется, нет. Мы спим в шкафах, в которые вешали одежду дети. Сваленные на пол с закрывавшимися дверками, они служат неплохим укрытием от холода. Иногда мы эти шкафы кладём друг на друга, чтоб было теплее.

Понемногу стали обзаводится разной одежкой, честно заработанной у хозяев.

ВЕЗЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Надзирать за нами в школе поручено голенастому полицейскому из местных, по кличке Сыч. Этот Сыч частенько приходит по утрам и проверяет, кто из постояльцев на месте, а кого нет. Такие обходы дают ему некоторую прибыль. Каждого, кто не был на месте из его списка, он обкладывает данью: один должен за это поставить ему литр самогона, другой убрать его подворье от навоза и так далее. Наша семёрка беглецов в школе распалась. Совершившие вместе побег, мы вскоре обросли новыми знакомствами и образовали новые небольшие товарищества в два-три человека. Сходились, как говорится, по интересам и характерам.

Я тоже входил в такую компанию. Так легче было найти работу и пропитаться. Потом, с моими ногами было вообще трудно в одиночку найти работу. Ноги ещё болят, устают, ломают и ноют. В группе это понимают, что копать огород лопатой я не могу, возить тачку и

носить брёвна тоже. Мне находят работу полегче – заплести плетень, заклепать вёдра, сплести корзины. Ещё я ремонтирую или делаю заново грабли, выстругиваю черенки для лопат, вил, топоров и так далее.

В нашу группу входят: я, Лёнька-сорвиголова и Володька. Лёньку мы зовём сорвиголовой за лихой характер, весёлость и общительность. Кажется, что он знает в деревне всех и вся. И вот однажды этот Лёнька говорит мне одному и потихоньку:

– Слушай! Пётр. Пошли к немцам в полицейские наймёмся.

У меня от такого предложения округлились глаза.

– А что ты так на меня смотришь? У немцев паёк, одежда, сапоги и карабин, – продолжил он. – Жить можно. Неужели так и будем в этих шкафах вшивых валяться. А морозы настоящие настанут... Мы же эту школу не протопим. Отсюда даже клопы разбегутся.

– Нет, я к немцам служить не пойду, твёрдо говорю я.
– Они меня убивали, сколько моих друзей побили, а я к ним служить...

– Значит не допёр, – пожевав губы, говорит Лёнька, а я думал, что ты сметливее. Ладно, забыли, о чём шла речь, разговора меж нами не было. Живи, как знаешь. Прощевай, дружище. – Он хлопает меня по плечу и уходит.

Его уход я сильно переживаю. В голове постоянно вертится: «Как это, Сорвиголова и у немцев!! Скажи это в школе, так никто не поверит».

Насельники нашей школы и деревенские потом говорили мне, что встречали Лёньку на вокзале с повязкой полицейского и немецким карабином. Я с ним тоже встретился, но гораздо позже и при других обстоятельствах.

Зима. Рыхлый и мягкий снег завалил округу. Я помогаю местному столяру-инвалиду вязать рамы, делать табуретки и столы. У него одна нога деревянная. Я работаю у него до весны, а рано весной пойду к его брату Трофиму ошкуривать брёвна для строительства дома. При ошкуривании, в основном, работают только руки. Ноги я продолжаю оберегать, хотя они меня стали меньше беспокоить. Время делает своё дело. У столяра я научился многому. Потом, после войны я в домашнем хозяйстве делал сам табуретки, лавки, квашни, маслобойки и даже клепал маленькие кадушонки.

Весна. Я продолжаю жить в школе, хожу вместе с Володькой к Трофиму на работу. Однажды Трофим попросил меня поехать с ним в район, чтоб купить там скобяные изделия для нового дома: гвозди, скобы, петли для окон и дверей и так далее. Земля уже освободилась от снега, пригревает солнце, тепло. В город мы едем на телеге. Приехали мы в этот районный

город, Трофим пошёл в скобяной магазин, а я топчусь около лошадей. Откуда ни возьмись двое полицейских. Подходят: «Кто такой?». Я им пропуск показываю. Они пропуск посмотрели, положили себе в карман и спрашивают:

– Беженец?

– Беженец, – отвечаю. – У хозяина работаю. Он в магазин за покупками пошёл, а я коней стерегу.

– Ты нам и нужен. Хватит, отстерёг ты его коней, топай вперёд и не оглядывайся, – наставили на меня карабины и повели. Подвели к какому-то подвалу и втокнули в дверь.

Подвал длинный, стены из красного кирпича, а народу в нём, как этих кирпичей в стенах. Прислушиваюсь к разговорам. Оказывается это теперь немецкая тюрьма. Вскоре вывели нас из этого подвала, построили и повели. Ведут нас мимо того самого магазина, где меня схватили. Смотрю, Трофим, около лошади ходит, меня высматривает. Я кричу ему, что здесь я. Только меня за этот крик полицай так шибанул прикладом, что мне кричать сразу расхотелось.

Вскоре нашу колонну пригнали к одному разрушенному бомбой кирпичному дому, вручили лопаты, ломы, тачки и приказали разбирать и возить кирпичный бой на дорогу. Охрана – только полицейские. Их много, со всех сторон стоят, не убежишь.

Неделя проходит, другая. Мы работаем. Я смотрю, что нас на допросы не водят, значит просто потребовалась рабочая сила вот и нахватали людишек, за которых никто и ничего не спросит.

Самое главное в этой тюрьме – пережить ночь. Мы ночью лежим вповалку на соломенной трухе, воздуха не хватает. Более пожилым – совсем туго. А ещё нас донимают крысы. Они бегают по спящим людям и кусают за пальцы рук и ног, если обувь совсем никудышная.

За пальцы ног я не беспокоюсь. Трофим дал мне, хоть и старые, но ещё крепкие с коротко обрезанными голенищами сапоги. Тут крысам делать нечего, а вот руки я прячу в рукава. Ещё я боюсь, что укусят за нос. Вчера просыпаюсь ночью от того, что стало трудно дышать. Смотрю, а эта огромная тварь сидит у меня на груди и рассматривает моё лицо. Я шевельнулся, а крыса не убегает, ещё когтями цепляется, чтоб с меня не съехать. Со зла хватаю её за шкурку и бросаю в сторону. Кто-то, куда упала крыса, выругался.

Сегодня я расколачиваю старую кладку стен и избегаю возить тачку с боем на дорогу. С тачкой я совсем обезножу, нагрузка большая. Но сегодня мне не повезло. Один парень упал с тачкой и повредил колено. Полицейский подходит ко мне, берёт меня за шиворот, подводит к тачке и приказывает: «Вези». Я хватаюсь за

ручки и везу, но до конца не довёз, резко заболели ноги, в глазах поплыли круги и я упускаю тачку. Ко мне бежит, ругаясь, полицейский. Подбежал, ткнул меня кулаком в лицо и велел очищать от извести целый кирпич.

Мы отбираем целый кирпич и сбиваем с него топорами известь. Мы, это я и один высокий мужчина лет тридцати. Его зовут Олег. По виду и по манерам интеллигент. Мы сразу с ним разговорились и как-то сдружились.

– Ты, Петро, не спеши жилы на немчуру тянуть. Смотрят – работай, а лучше показывай, что работаешь, не смотрят – волянь. – Поучает он. – Ты кто по специальности?

– Тракторист, – отвечаю.

– Не похож ты на тракториста.

– Почему же?

Ухмыльнулся. Смотрит заинтересованно и со смешком.

– Пальцы у тебя тонкие, длинные. Такими пальцами удобно на рояле играть или кошельки из карманов тянуть, а не ключами гайки закручивать.

– У тебя тоже пальцы не молотобойца в кузне. – Киваю на его руки. – Я тракторист, а ты кто?

Олег усмехнулся.

– Я вор. – Отвечает он просто, – и тут же спрашивает:

– Ты как думаешь, разберём мы эти разбомблённые дома, замостим дорогу, и нас сразу по домам распустият? – и тут же сам отвечает. – Разевай рот шире. От даровой рабочей силы ещё никто не отказывался и от нас никто не откажется. Сделаем работу здесь – нас в другое место перебросят. Надо будет, они и автоматчиков с собаками к нам приставят... Мы сейчас с тобой вроде гражданских пленных.

– Я тоже так думаю, отвечаю я, – никаких допросов и обвинений не предъявляют, работай и всё.

– Олег помолчал и продолжил. – Я здесь долго не задержусь.

– Что, сбежишь?

– Почему сбежишь? Есть и другие средства выбраться из тюрьмы. Например, подкуп. Подкуп должностных лиц ещё в мире никто и нигде не отменял. Человеческие слабости, всегда и везде остаются человеческими слабостями. У меня есть на воле влиятельные друзья, только как им сообщить, что я здесь? А то бы вывели меня давно отсюда под белы руки.

Проходит неделя, но Олега никто из тюрьмы под белы руки не выводит. Он погрузился, стал нервный.

– Бежать надо, – говорю я ему, а не ждать манны небесной. Вдвоём бежать сподручнее.

– И как ты это собираешься сделать? – спрашивает Олег.

– Здесь один охранник есть, ни рыба, ни мясо. Он всё время чего-то ест. Толстый такой, глаза навывкате. Другие полицаи смотрят, придираются, в спину прикладом тычут, а этому всё по барабану. Если его старший полицай не видит, то он сядет и сидит на битых кирпичках. Рвения никакого. Да ещё бывает и от нас отвернётся.

– И как же ты думаешь дело обтяпать?

– Всё просто. Подобьём с тобой нависшую часть стены на втором этаже. Мы же здесь вдвоём работаем. Обрушим её в нужный момент, когда полицай отвернётся. Этот полицай и доложит, что нас стеной задавило.

– А мы где будем?

– А мы, пока он рот раззявит, будем уже метров за сто отсюда, в развалинах другого дома, который ещё не разбирают. Нам главное, чтоб полицейские обязательно подумали, что нас засыпало, преследования не будет. А так побежишь, так сразу поймают.

– Хорошо толкуешь, посмотрим, как будет на деле...

А на деле получилось всё совершенно не так. Стену мы, уже ближе к вечеру подковыряли, а вот столкнуть её не успели, неожиданно разразился ливень с сильным порывистым ветром. Полицай отвернулся. Мы с Олегом, не долго думая, прячемся под бетонной плитой, что лежит рядом. Под ней достаточно много места.

Только мы залезли под плиту, как в этот момент, стена начала рушиться.

После того, как грохот от упавшей стены утих, а пыль осела, с наружи до нас донёлся крик: «Рабочих стеной задавило!». Это кричит наш полицейский. Он видел, что мы стояли на том самом месте, куда рухнула кирпичная стена, но не видел, как мы спрятались от дождя под плиту.

Мы сидим под завалом и не подаём признаков жизни. Полицейские заставляют рабочих растаскивать завал, но те не спешат, за день устали. Потом и полицейские отказались от этой затеи, оставив эту работу до утра, дескать, к покойникам спешить незачем, подождут.

Когда полицаи и рабочие ушли, мы ещё долго лежим под плитой, обдумывая сложившееся положение. Однако, думай не думай, а выбираться как-то надо. Стали мы с Олегом ползать под плитой и ощупывать, образованные завалом стенки. Если где-то нам и удавалось вытащить с десятков кирпичей, то дальше мы натыкались на прочную известковую кладку упавшей стены. Тут без инструмента никак.

Ситуация в начале сложилась в нашу пользу – из под завала можно было вылезти и ночью убежать, но потом мы всё больше и больше начинали убеждаться, что выбраться из этого капкана самостоятельно нельзя. Радовало одно – мы живы и завтра нас откопают.

Мы лежим под плитой и ждём, когда наступит завтра. И вдруг я чувствую, как нечто, похожее на кошку, трётся о моё колено. Я протягиваю руку и в сумраке нащупываю шерстяную головку с ушками. Это кошка. Она мурлычит и ластится к нам.

– Постой, говорит Олег, – как она сюда пробралась?

– Она не человек, ей дырки диаметром с консервную банку достаточно, – отвечаю я.

– А где эта дырка? Надо за кошкой понаблюдать.

Наблюдать за кошкой мы можем, тем более что животное белого цвета с пятнышками на голове и спине. К нам, через трещину в плите проникает немного света и мы чуть-чуть ориентируемся.

Кошка, потеревшись о наши ноги, решила от нас уйти. Она медленно идёт мимо нас и мгновенно исчезает. Мы тут же осматриваем это место и нащупываем небольшую дырку, которая ведёт куда-то вниз. Начинаем её руками расширять. В начале идёт земля, потом трухлявая кирпичная кладка, а за ней руки проваливаются в пустоту. «Это подвальное помещение», – соображаем мы и быстро расширяем отверстие. Бросаем в него камешек. По времени падения определяем, что подвал совсем не высокий.

Первым лезет Олег. Я держу его за руки, а он всё ниже и ниже спускается в это отверстие, однако, пола не достаёт.

– Отпускай, – говорит мне Олег. Я отпускаю его руки. Слышу, как Олег приземляется.

– Здесь земляной пол, – говорит он снизу. – Давай спускайся, я придержу.

Мы оба в подвале, но есть ли из него выход?

– Выход должен быть, ведь кошка как-то сюда проникла, – говорит Олег.

Мы ощупью идём по подвалу и вдруг видим свет. Он струится через подвальное окно. Подходим ближе и видим нашу мурку. Она сидит за окном и умывается.

Вытащить старую раму дело несложное. И вот мы на свободе. По битым кирпичам уходим в дальний разрушенный бомбами дом, находим там уцелевшую комнату с кроватью и растягиваемся на ней. Сразу засыпаем.

После войны в доме пограничника были всегда кошки белого цвета с крапинками. Другого цвета кошек Пётр Андриянович не признавал.

Просыпаемся утром от чувства голода. Лежим на кровати, разговариваем.

– Мы свои жизни по жребию, что ли выиграли, – говорю я, ведь удавило бы!

– У меня в жизни знаешь, сколько таких жребиев было, не сосчитать, – отвечает Олег.

– А ты, что, правда вор, или пошутил?

– Правда, правда. Чего мне шутить.

– Как же тебя полицаи замели? – Я слышал, что все воры умные и сообразительные.

– И на маруху бывает проруха. Ладно, об этом. Голод не тётка, надо и о желудке позаботится. Пошли со мной. Здесь нам больше делать нечего.

Олег встаёт.

– Куда собрался? – Спрашиваю.

– В кабак... – говорит он просто, слезает с кровати и направляется к выходу. Я иду за ним.

– Нас полицаи не схватят? – спрашиваю.

– Не бойсь.

Мы идём какими-то дворами, переулками и закоулками.

Через сорок минут мы уже сидим в подвальчике и уминаем говяжьи котлеты. Олег шутит с официантками. Чувствуется, что его здесь знают. Он берёт всё в долг и лукаво улыбается.

В подвальчик входят двое хорошо одетых мужчин. Они смеются и обнимаются с Олегом. Один из них, приземистый, держит большой, перевязанный бечёвкой, пакет. Он отдаёт пакет Олегу и говорит:

– Это одежда, а это к ней, – и протягивает ему новенький немецкий пистолет.

– Спасибо Циркач.

– А он с нами? – Циркач кивает на меня.

– Ты с нами? – спрашивает меня Олег и кладёт пистолет в карман, – давай, решай быстрее. Решись – и

завтра франтом будешь сидеть в лучшем ресторане Варшавы, а не в этой забегаловке.

– Спасибо тебе, Олег, не дал погибнуть с голоду, – и отрицательно качаю головой.

– Ну, раз не с нами, не хочешь вольной и сытой жизни, тогда прощай. Живи, как знаешь. Я тебя к нашей жизни не приневоливаю. Собери, что осталось на столе, себе на дорогу.

Я затискиваю хлебные ломтики в карманы, и мы выходим из подвального. Тут же подъезжает откуда-то чёрный оппель.

Блатные влезают в него, машина трогается, а я иду снова жить в свою деревню и в свою школу.

Иду наугад, боюсь попасть в руки полицейских, ведь у меня теперь нет пропуска. На окраине города вижу цыганский табор. Стоят несколько шатров, цыганята бегают, старый цыган моет лошадь. Цыганка у входа в шатёр развешивает на верёвке юбки. И вдруг меня сзади за шкуру хватает чья-то крепкая рука.

– Попался! Пся... кровь..., – и поворачивает меня лицом к себе.

Вижу полиция, а за ним ещё одного.

– Пропуск давай! – а сам дышит в лицо перегаром.

– Откуда у него пропуск, – по роже видно, что он беглый, – говорит второй.– Давай вязать и в комендатуру.

Понимаю, что попался. Наелся в подвальчике котлет, расслабился, потерял осторожность. Надо быстро принимать решение. Сую полицейскому какую-то бумажку, что держал в кармане для самокрутки. Тот пытается развернуть её одной рукой, помогая бородой. На секунду полицейский ослабляет пальцы, я делаю рывок и тут же ныряю за угол дома.

– Убежал, сука! – слышу его крик. – Я за ним, а ты дом обогни... – говорит он второму полицейскому.

Вижу открытую дверь подъезда, ныряю в подъезд и сразу встаю за дверь.

Слышу с улицы:

– В дверь шмыгнул, сволочь, больше некуда. Здесь он от меня никуда не уйдёт. Сам в мышеловку залез. Додумался, вбежать в подъезд дома, где я живу! Хо! Хо! Хо!

Большая грузная фигура полицейского входит в подъезд. Я нащупывю рукой половинку кирпича и когда он проходит чуть вперёд, бью его по голове. Удар оказался не точным. Он даже не оглушил полиция, но на некоторое время всё равно вывел его из строя. Этого мне достаточно, чтобы выбежать из подъезда. Второго полицейского на этой стороне дома нет. Бросаю взгляд на цыганский табор и вижу, как цыганка энергично машет мне рукой. Я устремляюсь к ней и сразу ныряю под полог шатра. Следом входит цыганка и накрывает меня периной.

Слышу, как вокруг дома бегают чертыхаясь полицейские. Топот их ног всё ближе. До меня доносятся слова:

– Сволочь. Шаркнул меня по голове кирпичом. Как найду, так сразу и удавлю, даже в комендатуру не поведу.

– Ты сначала найди, – говорит второй. – Я думаю, что он у цыган. Больше здесь спрятаться негде. Пошли к ним.

Слышу шаги приближающихся полицейских.

– Говори, стерва, где беглый? – это полицейай обращается к цыганке.

– Нет никаких беглых. – Раздаётся её голос. – Не веришь!? Можешь проверить.

– И проверю... У-у-у... Курва.

Слышу, как полицейский вошёл в шатёр. Цыганята сразу запрыгали на моей перине и чем-то стали бросаться. Полицейский поймал одного цыганёнка за ухо и прорычал:

– Говори змеёныш, где бродяга прячется. Ну! Или ухо оторву.

– Никого нет, господин полицейский, – пропищал детский голос.

– А, чтоб вас, – полицейский вышел.

– Он, наверное, сразу под мосток нырнул – Проговорил его напарник, – А мы к цыганам пошли.

– Пошли, проверим мосток.

Шаги стали удаляться, а через некоторое время в шатёр вошла цыганка и проговорила:

– Вылезай, червонный.

Затем пришёл цыган, и я рассказал им свою историю.

– Надо помочь человеку, – сказала цыганка.

– Сам знаю. – Проговорил хозяин. – Пешком тебе идти в твою деревню нельзя, далековато. Сцапают по дороге. Завтра в ту сторону Петша едет на повозке. Он тебя заберёт. Сеном накроет и довезёт, – а ты Станка, накорми человека и пусть отдохнёт.

На другой день я оказался снова в своём селе и в школе.

Был такой случай после войны. Пётр Андриянович работал на тракторе. Зимой он этот трактор ремонтировал в 20-ти километрах от деревни в мастерских. Дома его не было по целой неделе. В это время приехал в деревню цыганский табор и расположился на Рудиной стороне, за оврагом. Морозы были сильные и однажды ночью цыгане запросились в дом Петра Андрияновича переночевать. Цыган у нас в деревне побаивались и недолюбливали. В доме были в это время две сестры Петра Андрияновича. От цыган они заняли глухую оборону, заперев все двери и вооружившись ухватами.

Цыгане ушли, а ночью приехал Пётр Андриянович. Узнав об инциденте, он тут же пошёл в табор и привёл цыган к себе на постой. Цыган напоили, накормили.

Прожили цыгане четыре дня и уехали, а Пётр Андриянович сказал сёстрам: «Они мне жизнь спасли. Для них у меня всегда дом открыт».

ВЕЗЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

После того, как я вернулся в село, на этой же неделе к нам в школу пожаловал пьяный Сыч и обвинил меня в том, что я украл у хозяйки гуся.

– Я тебя за воровство сейчас расстреляю. – Он вытащил пистолет и велел мне одеваться, потом повёл меня по селу и велел прощаться с жителями, которые меня все знали. Процедура прощания такая: подходит Сыч к калитке очередного дома, стучит в неё и требует хозяина и хозяйку выйти. Те выходят, и Сыч им объявляет, что я украл гуся и что вор должен понести за это заслуженную кару. Это значит, что я, полицейский Сычѐв, окажу этому вору большую честь и расстреляю его собственной рукой. После этого идёт минута прощания. Женщины меня обнимают и плачут, а мужики жмут на прощание руку и прячут глаза.

Все знают этого Сыча и понимают, что ничего я не крал, а Сыч просто с перепою выбрал очередную жертву для расправы. Тем более повод был, и у Марьки действительно пропал гусь или гусыня. Она целый час ходит по селу и манит: «Тега! Тега! Тега!»

Люди из школы говорили, что Сыч иногда собственноручно производит такие расстрелы, но

расстреливает только поселенцев из школы, так как знает, что ему за тамошний сброд, то есть за нас, ничего не будет, даже похвалят за рвение.

Наконец прощальная процедура у последнего дома закончена, и Сыч ведёт меня к оврагу. Этот овраг и ту кручу я знаю, видел. Пройдя, не больше ста метров, нам наперерез выбегает пожилая женщина и кричит: «Гусь у Марьки нашёлся! В кадучку, сваленную набок, залез! Лихоманка его туда занесла! А ты, ирод, неповинного человека стрелять ведёшь! Как твои бесстыжие глаза не лопнут! Отпусти, окаянный!».

– Но-но, Лукерья, потише, – опешил Сыч. – Если щас не украл, то завтра украдёт, а это острастка для других будет! – прохрипел Сыч и повёл меня дальше. До оврага оставалось совсем ничего.

Я иду и думаю только о том, как упредить выстрел? Перехватить руку полиция я не могу, Сыч, с пистолетом наизготовку, идёт на безопасном для него расстоянии. Решаю: «Как только полицейский меня поставит перед обрывом, то я до выстрела прыгну в овраг, а там попробуй, попади, тем более сгущаются вечерние сумерки.

До обрыва осталось два шага. Делаю эти два шага и... Тело всё напряглось. Руки у меня за спиной, но развязаны. Сыч никого не водит со связанными руками. Очень сильный и цепкий по природе он не боится

нападения одного человека. И вот этот последний шаг. Я его делаю и тут же проваливаюсь во мрак.

ВЕЗЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Очнулся. Лежу на дне оврага. Ярко светит луна, голова гудит. Начинаю ощупывать тело руками, пытаюсь определить, куда ранен? Немногодвигаю ногами. Руки и ноги работают, сильно гудит и болит одна голова. Ощупываю голову. На затылке нащупываю рукой рану, она кровоточит. Нет, это не рана от пули. Значит, Сыч ударил меня рукояткой пистолета по голове, и я улетел в овраг. Получается – я живой и даже почти невредимый. Надо попытаться встать. Я встаю, и, пошатываясь, бреду по дну оврага. Затем выбираюсь наверх и иду в школу. На крыльце вижу Володьку. Он обнимает меня и ведёт в комнату. Здесь и рассказал мне друг, что в школу недавно приходил Сыч, устроил здесь застолье и поручил нескольким постояльцам поутру прикопать меня в овраге, чтоб не смердило. «Я, – говорит, – ему мозг вынес».

Друг обрадовался, что я живой, перевязал мне голову, но, в тоже время, он был сильно обеспокоен моим положением, потому, как Сыч не смирится с таким позором и обязательно добьёт жертву.

– Тебе надо на дня два-три скрыться от Сычёвых глаз у какой-нибудь из хозяек, а я к тому времени всё устрою,

– говорит Володька. – Что ты такой невезучий? То в тюрьму угодил, то к Сычу чуть на мушку не попал.

– Что ты, Володька, можешь устроить? – спрашиваю, – ты такой же бедолага как и я.

– Это не твоя забота. Твоя забота – исчезнуть из поля зрения Сыча и всё.

Я соглашаюсь и вечером, чтобы никто не видел, пробираюсь в баньку своей спасительницы тёти Мотри. Женщина продержала меня в баньке четыре дня, а потом заявился Володька. Он дал мне какую-то бумажку. Я развернул и ещё больше удивился, это был пропуск на торфяной завод, где я и Володька уже числимся рабочими. Рабочий с завода и с документом – это что-то.

Теперь для Сыча мы недосыгаемы.

ВЕЗЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Утром с рабочими мы входим в ворота завода и нас отправляют копать канавы, для отвода воды. На копке канав я опять услышал рассказы о действиях партизан. Зимой в селе я тоже о них слышал, люди говорили. Я тогда пытался осторожно выяснить места их дислокации у хозяина-столяра. Тот понял, к чему я клоню и говорит.

– Ты вот что, Петро. О партизанах пока не думай. Твоя задача ноги вылечить, чтоб нагрузку терпели. Ну, какой из тебя партизан? Они по лесам стокилометровые

переходы делают при оружии, боеприпасах и прочем. Ты столько пройти сможешь? Нет, не сможешь. Так что сиди до весны и не рыпайся. Хотя мне твой настрой нравится. Другие вон беженцы, из молодых, прижились у вдовушек и ни о чём не думают.

А я думал. И чем явственнее приближалась весна, тем сильнее мной овладевало желание уйти к партизанам и воевать. Воевать за тех, кто погиб на ржаном поле, за тех, кого эсесовцы пристрелили в госпитале, за тех, кто не добежал до леса и остался лежать, настигнутый пулемётной очередью.

Однажды я сказал об этом Володьке и предложил идти к партизанам вместе, а не добывать здесь торф для немчуры. Тот отставил лопату и очень просто сказал:

– Знаешь, дружище, быть партизаном это не только по лесам с винтовкой бегать и немчуру где-то выслеживать. Вот ты сейчас с винтовкой по лесам не бегаешь, а с немцами воюешь, – и он хитро улыбнулся.

– Как это так? Ты, Володька, говори, да не заговаривайся. С кем это я здесь воюю?

– А ты знаешь, что я сам и есть партизан, только партизан-подпольщик, понял. Ты думаешь, я просто так в школе жил? Я там к людям присматривался и стоящих в партизанский отряд отправлял. Знаешь, сколько их из этой школы к партизаном ушло!? Вот так-то. А то в лес он захотел...

– А мне почему ничего не сказал и к партизанам не направил? Сомневался во мне, значит?! – сержусь я.

– В тебе я не сомневался ни минуты. Давно бы был в партизанах, если б не твои ноги. При себе держал, как самого надёжного, на всякий случай. А болтать до времени не приучен. Тебе, кстати, пришлось жить у тётки Мотри в бане после сычѣвского расстрела потому, что мне надо было согласовать твою переброску в отряд. Согласовать-то я согласовал, только команда поступила другая, командование отряда приказало тебе перейти на нелегальную работу и определило нас на этот завод. Так что гляди в оба, ничем себя не выдавай. Скоро нас переведут работать на склад, будешь вплотную работать с писарем. Через него будешь получать липовые накладные и так далее. Он тебе всё скажет.

Такого резкого поворота в жизни я не ожидал.

Я и Володька работаем на вещевом складе.

Директор завода у партизан свой человек, нам же надлежит через заводской склад снабжать партизан одеждой, обувью и всем необходимым. Володька работает на приёмке продукции, а я на выдаче.

Писарь, угрюмый, пожилой человек, встретил меня не очень ласково, даже накричал. А когда мы остались одни, то попросил не обижаться и что это надо для порядка, чтоб все видели. Затем, понизив голос, говорит:

– Инструкции простые – обычные немецкие машины грузите, как и положено, согласно документации. Партизанские машины тоже грузите согласно

документации, только липовой. Партизанская машина будет приходить всегда одна и та же, с одним и тем же водителем. Я её тебе покажу. Главное, чтоб офицер, отвечающий за склады, ничего не заподозрил. Следи за порядком, немцам это нравится.

Даже странно как-то. Я теперь партизан-подпольщик. Я чётко выполняю поручения немецкого офицера, порядок на складе у меня отменный и лейтенанту это очень нравится. Грузы со склада, уходят своими дорогами. Я, как и Володька щеголяем в хороших сапогах и всё на нас чистое и приличное. Этого требует офицер. Он говорит, что мы лицо склада. Такая жизнь ни мне, ни Володьке даже не снилась.

И всё бы было хорошо, если б не офицерская собачонка по имени Пита. Маленькая, злая, фунт веса, она, почему-то сразу стала относиться ко мне настороженно. Что ей не нравилось во мне неизвестно, то ли своим фашистским нутром чуяла псина, что этот рабочий не тот, за кого себя выдаёт, то ли чего ещё. А может быть она недовольна тем, что и меня, и собачку офицер называл одним именем – Пита. И когда он зовёт «Пита», к нему бежим и я, и собачка одновременно. Это офицеру нравится, это его веселит. Таким образом, проявляется в нём его фашистская натура. Собачку наоборот, это злит и она на меня злобно рычит, когда мы вместе подбегаем к унтеру. Видимо, она считает

меня своим соперником в отношении к хозяину и ревнует.

Инцидент произошёл в один из дней, когда офицер уехал в округ, а собачка осталась полностью на моём попечении. При загрузке машины, она могла попасть под её колесо и офицер приказал в его отсутствие Питу на это время привязывать. Но Пита мне не подчинилась и юркнула под машину. Без применения палки выгнать её оттуда было нельзя. Вот я и шуганул Питу из под машины метлой. И это было главной моей ошибкой. Пита такого неделикатного обращения мне не простила и озлобилась. В отсутствие хозяина, она на меня лаяла и близко не подпускала, а когда приехал офицер, она просто стала преследовать меня и хватать зубами за каблуки.

Я рассказал про инцидент своему другу Володьке. Тот действительно потребовал, чтоб я подружился с собачкой, это в интересах партизан.

– Надо разругать эту ссору. Нас из-за этой собачки могут вытурить со склада, офицер найдёт новых кладовщиков и необязательно из партизан. Сам понимаешь, – говорил он.

Подружиться с Питой никак не выходило. Мало того, собачка, заметив дружеские отношения меня и Володьки, перенесла свою ревность и на него. Офицер заподозрил неладное в отношении рабочих склада и Питы и разрешил конфликт очень просто. Он позвал

меня и говорит: «Мне, очень нравится, как ты ведёшь дела на складе. У тебя чисто, настоящий немецкий порядок, но мне не нравится ваш отношения с моей собачка. Это плёхо. И если немецкому офицеру приходится выбирать между русский рабочий и арийской собачка, то я как патриот Рейха выбираю последнюю, а ты иди снова копать канавы и своего дружка прихвати, чтоб не скучно было, его Пита тоже почему-то невзлюбила.

На этом наша работа с Володькой на складе закончилась.

ВЕЗЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Если досадную оплошность на складе, можно назвать просто оплошностью, или невезением, то случай на копке траншей так уже не назовёшь. Да и кто мог подумать, что среди рабочих-канавщиков заведётся настоящая гнида.

Все рабочие на копке канав наёмные и получают деньги в зависимости от объёма выполненных работ. С нами же находятся и немецкие солдаты, вооружённые трёхлинейками. Солдаты все пожилые и живут они в сторожке на краю леса. Чего они здесь охраняют совсем непонятно. Не понимаем этого ни мы, ни сами немцы. Рабочие никуда не убегут, на этих канавах они трудятся по собственной воле, зарабатывают хлеб насущный, зачем им бежать? Охранять сточные канавы – смысла

нет, они никому не нужны и тоже никуда не денутся. А немцев это радует – никто не нападёт и никто не убежит, рай, а не служба. Они большей частью пьют самогон, распевают песни и рассматривают довоенные фотографии своих жён, детей, внуков да режутся в карты. А что ещё делать пожилым людям, хоть они и немцы.

– Зачем нас здесь держат! – возмущаюсь я в разговоре с Володькой. – Отозвали бы в отряд, и мы бы с немцами воевали, а ни эти дурацкие канавы рыли.

– Не отзывают, значит так надо, – отвечает Володька. – Мы с тобой всех моментов не знаем. Завтра этого Курта с собачкой переведут в другое место или на другой завод и нас снова на склад отправят. Такое ведь тоже может быть. На заводе, я думаю, не так-то много подпольщиков, каждый на счету, вот нас и держат в запасе. Поживём – увидим.

Только пожить на заводе на копке траншей долго нам не удалось. И произошло это не по воле немцев, а по досадному случаю. Однажды немцы устроили на поляне тир. Поставили лопату в конце поляны, выдали каждому рабочему по три патрона, показали, как заряжать и стрелять и пальба началась. Подошла очередь стрелять и мне. Я без всякой осторожности, легко и просто взял до боли родную трёхлинейную винтовку, положил ствол на пенёк и передёрнул затвор. Как говорится, молодо-зелено.

В это время я не видел, как одни цепкие глаза наблюдают за каждым моим движением. А когда я, быстро перезаряжая и не менее быстро целясь, всадил чуть ли не в десятку все три пули в лопату, после этого наша история с Володькой чуть не закончилась плачевно.

– Очень корош... Очень корош, – говорит немец, руководивший стрельбами. – Я знай – ты охота. Я тоже охота. – И он тычет себя пальцем в грудь.

Для понятливости он хлопает руками, как хлопает крыльями утка, и изображает стреляющего по птице охотника.

– Да, да. Я охотник, – и тычу себя в грудь.– Вся фамилия охотники,– подтверждаю я.

Ни Володька, ни я не видели, как к немецким солдатам подошёл этот рабочий с цепким взглядом и что-то сказал. А через минуту ко мне подходит тот самый немец из охотников и говорит:

– Рабочий из ваших, пошёл в полицию докладывать о том, что вы и ваш товарищ – партизанен. Я ему сказал, что ты охотник, а он не верит. Он сказал, что ты хорошо обращаешься с боевым оружием и метко стреляешь. Он приведёт гестапо. Вам надо немедленно уходить, гестапо это плохо.

И вот, мы с Володькой бежим в направлении леса по канавам залитыми водой. Другого пути нет. Сзади раздаются выстрелы русской трёхлинейки. Это

немецкий солдат-старичок имитирует патриотизм Гитлеру. Затем доносится лай овчарок и автоматные очереди. Началась настоящая погоня.

Мы бежим, вслушиваясь в злобный лай. Я думаю о том, что в этих канавах у нас с собаками примерный паритет в скорости передвижения.

Овчарки плюхаются в канавы, рычат, захлёбываются, и, не доставая ногами дна, перебираются вплавь, выбираются из одной канавы и тут же плюхаются в другую. Я знаю, что ближе к опушке леса, канавы кончатся и вот тогда эти натасканные на людей псы нас настигнут очень быстро, а у нас в руках для самообороны ничего нет.

– Нам бы, Петро, только до опушки добежать, только до опушки и мы спасены! – повторяет Володька.

– Разве там, какую-никакую палку найдём, – отвечаю я. Володька молчит. И вот она опушка, дорога, а за дорогой стоит раскидистый большой дуб. Володька бросается к дубу, я за ним. В голове мелькнуло: «Неужели он решил спастись от собак на дереве. От собак спасёшься, а от жандармов нет».

Но, Володька и не думает лезть на дерево. Он ныряет под крону и быстро начинает руками разгребать почву. В это время с поля вылетает пятёрка разъярённых овчарок. Они уже совсем рядом, а Володька разгребает и разгребает землю. Наконец он выдёргивает из земли ручной пулемёт, сбрасывает с него покрывало,

передёргивает затвор и даёт длинную очередь. Два пса падают от нас буквально за три метра, другие заскулили и завертелись на месте.

После этой очереди, мы встали. Володька закинул за спину пулемёт и мы, не торопясь, пошли вдоль лесной опушки. Сзади было слышно, как скулят раненые псы, а вот автоматных очередей не слышно.

– Кажется, преследование прекратилось, – говорю я.

– Они не дураки на пулемёт лезть, – Володька смеётся.

– А чё ж ты мне про пулемёт не сказал?

– Болтун – находка для шпиона. А теперь в отряд. Доложим обо всём и будем ждать решения, – ответил он.

В ОТРЯДЕ

Прибыв в отряд, первым кого я увидел, это Лёньку-сорвиголову. Он сидит на поваленном стволе дерева и рассказывает, окружившим его партизанам, что-то весёлое. То и дело раздаётся смех. Увидев меня, он встаёт и идёт навстречу.

– А! Пётр Андрияныч! – рокошет он басом, – добро пожаловать, добро.

– А ты здесь откуда? – спрашиваю его я недоумённо, зная что он служит в полиции у немцев.

– А всё оттуда, – сказал Лёнька и подмигивает товарищам. – Ты со мной тогда не пошёл, а зря.

Пришёл я к бургомистру, так и так, хочу служить великой Германии. Небольшую сценку разыграл, мне поверили, выдали обмундирование, сапоги, дали карабин, поставили на довольствие. А довольствие у немцев, это не довольствие в школе. В общем, отъехал я у них, присмотрелся, прознал про партизан. Они как раз партизана из отряда повязали. Вот мы с этим парнем от немцев и ушли, прихватив с собой документы и немецкого офицера.

Без всякого шума и пыли ушли. Этого офицера я подпоил, посадили его в коляску мотоцикла и в отряд. Всё просто. Здесь я воюю в разведке. Ты знаешь, как меня здесь зовут? – и, не дожидаясь ответа, говорит, – Сорвиголова я здесь, – и хохочет. Вишь, как припечаталось, хотя я этого прозвища, что дали мне в школе никому здесь не говорил...

Ты знаешь, я в школе сразу понял, что на партизан нам там не выйти, не по лесам же их бегать искать. Вот и придумал план с полицией. Главное, сработало.

Немного погодя нас, бывших подпольщиков, вызвал к себе командир отряда. Он всё знал и про собаку Питиу, и про меткую стрельбу, и про побег из больницы.

– Откуда вы всё знаете? – удивляюсь я.

– Если мы ничего не будем знать, а будем только по лесам в землянках сидеть, то грош нам цена, – отвечает он. – А теперь надо подумать, куда тебя, пограничник, определить, чтоб больше толку было.

– Он немного помолчал, потом сказал, – ты, пограничник, пойдёшь в группу подрывников. У нас там ребята лихие, но все из гражданских, военных знаний маловато. Вас ведь в погранотряде хорошо обучали! Пограничные войска всегда были лучшими в войсках СССР. Думаю, про минное дело вам там рассказывали, про всякие там способы скрытности, маскировки в секрете и так далее. Так ведь?!

– У меня было всё на отлично, товарищ командир, – отчеканиваю я.

– Вот и хорошо, – говорит он, – нам у подрывников как раз такой боец и нужен. – Затем говорит Володьке. – Проводите бойца Африкантова к подрывникам, пусть знакомится и воюет.

– Есть воевать! – говорю я громко и, повернувшись по военному, иду к выходу.

– Ну, вот, солдата сразу видно, – донеслось мне вслед.

И потянулись партизанские военные будни. И будни эти были суровые.

Немцы хорошо охраняли железные дороги и мосты, с наскока не возьмёшь. Лес нигде не подступает к железнодорожной насыпи, его на значительное расстояние немцы вырубали; По железке то и дело курсируют дрезины с солдатами – автоматы и пулемёты у них всегда наготове, шныряют обходчики; однако самым паршивым делом – являются секреты и конная

жандармерия. Для секретов немцы тайно оборудуют места наблюдений и тщательно их маскируют. В секретах сидит по два-три немца. Они не курят, не шевелятся, не разговаривают и даже не кашляют. Эти, притаившиеся замаскированные фашисты, выявляют партизанские группы подрывников на подходе к железнодорожным магистралям.

Устраивают такие секреты, как правило, в кустарниках. Если солдаты с дрезины, обходчики или наблюдатели секретов обнаруживают партизандиверсантов они сразу начинают их обстреливать и пускают ракету. Ракета – это сигнал для конной жандармерии. Партизаны, в случае обнаружения, пытаются отойти, но тут в бой вступает конная жандармерия или конная полиция. Они быстро охватывают участок, где обнаружены подрывники, и выйти из этого капкана бывает очень сложно. Как правило, без потерь такие стычки не проходят. Иногда после боя не досчитывается до половины состава группы.

Только и на немецкие премудрости были свои хитрости. Прежде чем бросаться взрывать мост или железнодорожное полотно, мы через своих людей в деревне, или на железнодорожной станции узнаём – уходят ли немцы рано утром или поздно вечером небольшими группами и когда приходят? Если такие факты есть, то можно точно сказать, что уходят они менять секреты.

Узнав, в каком направлении уходят немцы, мы начинаем вычислять точки залегания секретов. Иногда, чтобы определить нахождение немецкого секрета приходится неделю и больше сидеть в своём секрете и наблюдать за продвижениями немцев.

Враг меняет солдат в секретах тоже незаметно. Например, идёт группа немцев, обогнули солдаты с двух сторон невысокий кустарник и продолжили путь дальше. Вроде бы ничего особенного не произошло. Неопытный, боец даже не заметит, как фрицы в считанные секунды заменили свой секрет в кустарнике.

После обнаружения секрета мы не торопимся его уничтожить, а начинаем отслеживать время смены в нём солдат, частоту движения грузовых составов, частоту проезда дрезин и периодичность обхода участков солдатами из роты охраны железных дорог. И только тогда, когда мы это всё узнаем, то и определяем время минирования дороги. То есть, определяем те минуты, когда мы должны начать операцию.

Подходит расчётное время и группа партизан быстро и, главное, бесшумно уничтожает секрет противника, и тут же, не теряя ни минуты, бежит, идёт, или ползёт к железнодорожной насыпи. Обязательно оставляя группу прикрытия.

После минирования железнодорожного пути группа быстро отходит. Закладывает заряд обычно один человек. Он рискует больше всех. Бикфордовых шнуров мало, их экономим. Боец поджигает шнур, или дёргает

за бечёвку тогда, когда он видит движущийся поезд и этот поезд уже не может остановиться, даже если машинист видит партизан.

Вот мина сработала, состав летит под откос. С этого момента начинается самый тяжёлый временной отрезок. Немецкие летучие отряды и конная жандармерия не бросаются к месту взрыва. Они стараются охватить это место большим кольцом или полукольцом, если им ясно, куда отходят партизаны. Запереть в этом полукольце партизан – главная задача всех этих конных летучих отрядов. Когда им это удаётся, они при помощи подкреплений прочёсывают это полукольцо и уничтожают партизан.

Только осуществить такое им далеко не всегда удаётся. Если мы оказываемся в западне, то начинаем искать выход из сложившегося положения.

ВЕЗЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ И ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

В этой главе я расскажу, как однажды я со своей группой подрывников попал вот в такое самое окружение.

Тёплый, солнечный осенний денёк. Моё отделение подрывников прошло десятки километров, оно возвращается с задания и уже подходит к своему лесу, где дислоцирован наш отряд. До леса по склону глубокого оврага, чуть больше километра.

Дойдя до небольшого кустарника, мы буквально валимся на землю, ноги не идут. Близость базы нас немного расслабляет.

Мы довольны, как-никак, взорвали линию железной дороги и пустили под откос состав с живой силой и техникой. А вот отход у нас оказался не столь гладким. Мы были зажаты конными егерями и ротой охраны в небольшом леске в клещи и выхода, казалось, не было никакого. В какую сторону не выглянешь из леса – везде по два-три конника, а нас всего шесть человек. Как прорваться? А прорываться надо немедленно. Егеря отрезают нам путь к отступлению и ждут подхода тех солдат, что прочёсывают лес. Егеря никуда не торопятся. Скоро им на помощь подойдёт ещё машина с автоматчиками и вопрос будет решён. Немцы просто выкосят этот лесок автоматными и пулемётными очередями, а то ещё и миномёты применяют.

Я командир этого запертого в леске отделения. В голове один вопрос и тот без ответа: «Почему так быстро подошли конные егеря?? По моим расчётам они должны была подойти минут через двадцать, не раньше. Что это – нелепое совпадение, или немцы как-то узнали о выступлении подрывников? Может быть предательство на станции или в деревне? Сейчас на эти вопросы не ответить, надо принимать решение. Идти на прорыв через егерей – значит погубить группу. Отступать назад? Этот вариант не пройдёт – от железной дороги партизан подпирают солдаты из

охраны железных дорог. Они идут цепью по лесочку и поливают из автоматов всё, что видят впереди без разбора.

«А что, если?» – мелькнуло в голове.

– Отделение, за мной, – говорю я и бегу назад в сторону прочёсывающих лес солдат, забирая влево. Вскоре мы добежали до огромных елей.

– Прячьтесь за их стволами под ветками, – командуя я, и мы ныряем под лапы огромных елей, доходящих до земли, и встаём за стволы. Фрицы обязательно плотно обстреляют эти ели, но стволы пули не пробьют.

Расчёт был рискованный, но в нашем положении, единственно верный. Немецкие солдаты охраны вряд ли будут осматривать каждую ель, и совать голову в их кроны. Они уверены, что русские убегают от них, зачем им прятаться под деревьями? С егерями бы такая обманка не прошла.

Но и солдаты охраны не дураки. Подходя к еле, они начинают её обстреливать, затем проходят её и обстреливают ещё раз с другой стороны. С боку они крону дерева обстреливать не могут, так, как при прочёсывании идут шеренгой и в этом случае обязательно попадут в своих. Мы пользуемся этим и ждём, стоя за стволом, когда немцы пройдут ель, и быстро перемещаемся на другую сторону ствола. Немцы обстреливают дерево с другой стороны, но мы опять не уязвимы.

Мы выждали, когда мимо елей, строча из автоматов, прошли немецкие солдаты. Ещё минута и мы бегом устремляемся по лесу в сторону железной дороги. Пробежав с полкилометра, падаем в заросли шиповника и затаиваемся.

– Мы что, опять к железной дороге идём, – спрашивает меня мой заместитель по кличке Грач. – Там же немцев полно, линию восстанавливают, вагоны поднимают. Разве к ним можно приближаться?

– Там, Грач, сейчас самое безопасное место, – говорю я. – Туда нам надо незаметно подойти. Опять перейдём пересохшую речку и по овражку, что тянется к насыпи, дойдём до железной дороги. Этот овражек мы все видели, во время установки заряда. Когда дойдём до железной дороги, осмотримся. Нам желательно перейти железку и по той стороне от железной дороги уйти.

– А в овражке пересидеть нельзя? – спрашивает Грач.

– Можно, только с одним условием, что к нему никакой солдатик вермахта не пойдёт справить нужду. Егеря, конечно, быстро поймут, что нас в том лесочке нет, и будут искать. Додумаются ли они до того, что мы у железной дороги прячемся, под самым носом у немцев? – вопрос. Хотелось бы, чтоб не додумались.

С моим планом все согласились. Примерно, через полчаса мы уже сидим в овражке около железной дороги и вслушиваемся в гортанную немецкую речь, отрывистые команды унтеров, лязг инструментов о

рельсы. Мы ждём своего часа, а точнее своей заветной минуты, чтобы переползти насыпь и рельсы. Но такой минуты нам днём, к сожалению, немцы не предоставили.

Из овражка мы видим, как на противоположной стороне речки, на её пологий берег из леса, откуда мы недавно убежали, выехали на лошадях немецкие егеря. Они осматривают местность, даже смотрят в сторону железной дороги в бинокль. Однако к речке не спускаются, видно решили, что туда, к железной дороге, где полно немцев, мы не сунемся. Это они не сунутся, а мы сунулись. Наконец егеря вздыбили своих широкогрудых и большегривых лошадей и стали на рысях уходить, обходя опушку с левой стороны. В лесу им больше делать было нечего.

Мы же, после ухода егерей, облегчённо вздохнули, дождались густых сумерек, и пошли знакомым нам путём назад. Только до отряда было ещё далековато. Перед этим была ещё ночёвка в лесу и только потом затяжной подъём к заветному лесу, где располагался наш отряд.

Итак, вот он рядом наш лес, там отряд, там заслуженный отдых. Мы лежим в низкорослом кустарнике дикой смородины и щуримся на тёплое солнце. Слева от нас, до самого леса, простирается крутой и широкий овраг. На той стороне оврага селяне копают картошку.

– Остаёшься за старшего, – говорю Грачу, – а я пойду к хозяину, что картошку копает, может табачком разживусь, да и узнаю, как у них в селе немцы есть, или нет?

Перебираюсь через овраг, сажусь рядом с дядькой на телегу, тот отсыпает мне в кيسет самосада, мы разговариваем.

Немного погодя слышу крики. Кричат с той стороны оврага. Оглядываюсь. Мои бойцы кричат и показывают на восток карабинами и автоматами. Я смотрю, куда показывают партизаны, и сердце у меня ёкает. От края поля, по левой и правой стороне оврага рысит отряд немецкой жандармерии.

Быстро соскакиваю с телеги, делаю отмашку отделению – «Уходите к лесу», а сам, пригибаясь и, петляя между кустами и деревьями, бегу тоже к лесу, но по своей стороне оврага. В овраг прыгать, чтобы соединиться с отделением бессмысленно, меня там сразу запрут и на аркане притащат в комендатуру.

Хорошо, что у меня всегда на груди ручной пулемёт. С ним я не расстанусь никогда. Как я не беги, но егеря на лошадях меня всё равно догонят. И это происходит. Они начинают меня настигать. Не стреляют, видят, что я один и хотят взять живым. Это мне наруку. Подпускаю их ещё ближе, слышу, как тяжело дышат лошади. Поворачиваюсь и даю очередь. Этой очередью спешиваю ближайших всадников.

Жандармы, после очереди из пулемёта и гибели двух своих явно поостыли. Да, они меня преследуют, стреляют, но без особого энтузиазма, на рожон не лезут, пулемёт есть пулемёт. Я бросаю взгляд через овраг и вижу как мои бойцы, отстреливаясь, заходят в лес.

Так уж получилось, что в расположение своего отряда я прибыл первый и тут же доложил комиссару о случившемся. Комиссар же, вместо расспросов, расстёгивает кобуру и кладёт на стол перед собой маузер. Он смотрит на меня ледяным взглядом. Этот взгляд не предвещает ничего хорошего. Комиссар рычит:

– Где, вверенное тебе отделение подрывников, сукин сын!? Где ты его положил!? Почему ты не лежишь с ними рядом?! Почему не разделил участи своих бойцов, а топчешься передо мной, как мразь навозная!?

– Отделение должно подойти, – говорю я, не понимая в чём дело?

– Откуда подойти!? – продолжает рычать комиссар, – с того света?! Но раз ты утверждаешь, что подрывники живы, даю тебе двадцать минут. Если отделение не появится в расположении отряда через двадцать минут, я тебя расстреляю как труса. Ты угробил отделение и должен за это отвечать. Я тебя расстреляю, не смотря на твои прежние заслуги. Твоё время пошло.

Он снимает с руки часы и кладёт их передо мной. Я стою около его стола навытяжку и молю бога, чтобы ребята не опоздали, и не могу понять, где они задерживаются? Я же видел, как они оторвались от конной жандармерии и втягивались в лес.

Проходит пять, потом десять минут – стрелки на часах двигаются, а отделения нет и нет. Вот уже прошло пятнадцать минут. В голову лезут мысли: «Интересно, где он будет меня расстреливать, не в землянке же? Наверное, выведет меня на улицу, отведёт к дереву. На всё это уйдёт не меньше трёх, четырёх минут; затем скажет короткую речь. Набирается не меньше пяти минут. Так это уже не двадцать, а двадцать пять минут. Может быть, ребята успеют подойти за эти двадцать пять минут? Хоть бы успели...

Рассуждения мои прерывает громкий крик снаружи: «Подрывники пришли!». Комиссар тут же вызвал к себе Грача и, узнав от него подробности, положил маузер в кобуру и говорит: «А мог бы и застрелить. Повезло тебе, пограничник. Иди, радуйся жизни, а за подорванный состав всех благодарю».

Только позже я узнал, что в отряд пришёл человек из деревни и сказал про гибель моего отделения. Ему об этом шурин сказал, что на станции служит, а тому егеря.

Возможно, такой бы реакции со стороны комиссара и не было бы, но перед этим ещё одна группа партизан погибла, вот он и вскипел, увидев меня одного.

ВЕЗЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Много путей дорог пришлось мне прошагать со своими товарищами. Научился говорить на польском, украинском и белорусском языках. И говорил так, что украинцы принимали меня за украинца, поляки за поляка, а белорусы за белоруса. Это помогало. В деревнях крестьяне охотнее разговаривали с незнакомым человеком, если он говорил, так же как и они и принимали его за своего.

Немало в отделении было потерь в стычках с украинскими националистами и бандеровцами. С ними воевать было труднее всего. Это не то, что немцы, логику и характер которых мы изучили. Эти такие же, как и мы, русские, только с мозгами набекрень. Вот и повоюй с таким противником. От них погиб Лёнька-сорвиголова, они расшифровали, разведчика Володьку и прибили его гвоздями к дереву. Один раз в их расположение, а точнее в траншеи, попал и я со своими ребятами. Думая, что это бойцы соседнего отряда, мы заняли позиции рядом с бандеровцами.

Была ночь, туман, слякоть. По одежде не определить, бандеровцы, как и партизаны одеты кто во что. И только выработанная осторожность не болтать лишнего и знание мной языка западенцев сделали своё дело. Прислушавшись к разговору бандеровцев, я смекнул, кто они такие, и вывел своё отделение из их расположения. Это тоже было большим везением. Ведь

достаточно было кому то из отделения заговорить на русском языке, наш вопрос был бы решён мгновенно.

ВЕЗЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

После соединения моего партизанского отряда имени Дзержинского с частями Красной армии, отряд был расформирован, а мы влились в другие подразделения. Из нас, кто-то сразу был направлен на фронт, кто пробыл в отряде менее года, теми занималось НКВД. А вот трактористов и шоферов сразу выделили в отдельную группу. И это было неслучайно. В это время в тылу формировались две полностью механизированные противотанковые бригады, и водители были нужны позарез. Для этих целей открыли школу подготовки и переподготовки шоферов и всю эту разношерстную массу партизан и не партизан стали учить шофёрскому делу.

После окончания курсов мне дали новенький студебеккер, которого водители называли «Стударь». Я на этом студебеккере стал обслуживать формирующуюся бригаду. В дальние поездки командиры всегда направляли меня. «Этот водитель от бога, – говорили они, – как получил машину – ни одной царапины. Когда бы не приехал с рейса, из гаража не уйдёт, пока машину не отчистит и не отмоет. Все бы были такие, а то, то согнут, то помнут, то прольют».

Соседняя бригада была сформирована быстрее и её отправили на фронт раньше. А перед тем, как отправлять нашу бригаду, первую уже привезли с фронта по железной дороге вдребезги разбитую.

После того, как наша бригада была сформирована, её отправили на фронт своим ходом. Как сейчас помню – наши студебеккеры с пушками на прицепе, не останавливаясь двигаются день и ночь. И вдруг, днём, в одном большом селении нам навстречу высыпает толпа людей. Это жители посёлка. Мы останавливаемся. Что такое? – на людей не поедешь. Нас и наши грузовики с пушками они начинают осыпать цветами. От жителей мы и узнали, что война закончилась.

В этот же день нашу, с иголки сформированную бригаду, с новейшей техникой, развернули и направили своим ходом в Москву. Прибыв в столицу, мы узнали, что наша противотанковая бригада будет участвовать в параде Победы на Красной площади.

Машины и пушки мы чистим, моем и подкрашиваем. Весь бензин с баков слит, топливная система продута. К машинам подвезли бочки с новым топливом. Они все опечатаны. Заливаем в баки новое топливо и их тут же опечатывает НКВД.

Я в составе сводного полка на своём студебеккере еду по Красной площади в первом ряду, третьим справа. За собой мой автомобиль тянет крупнокалиберную пушку. Перед тем как тронуться, чтоб ехать на Красную

площадь, командир нашего сводного полка говорит: «Не дай бог вашим машинам заглохнуть во время парада.... Сами знаете».

Проходим площадь без сучка и задоринки. Нам аплодируют, а мы, вцепившись в руль, держим дистанцию. Наконец Красная площадь позади, облегчённо выдыхаем, но на взгорке одна из машин всё-таки глохнет. Думаю, что водитель перенервничал, сказалося перенапряжение. Эта машина не из нашей бригады. Заглохший автомобиль мгновенно, даже не пытаясь заводить, берут на буксир и выдергивают из колонны, а в это время по площади идут и идут другие сводные полки.

* * *

Вот, пожалуй, и всё, что я хотел рассказать о своём отце. Сражался он храбро. Ещё находясь в партизанском отряде, был награждён орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу». Но орден он не получил, а когда его спрашивали об этом, отвечал: «Самолёт, видно, с документами не долетел, сбили». Только Пётр Андриянович был неправ. Самолёт долетел и наградной лист доставил. Только назад награду он не привёз. Что тогда случилось, неизвестно. А вот в архиве эта награда за Петром Андрияновичем значит, этот наградной лист разыскали в архивах тоже следопыты.

С участием в Параде Победы пограничнику, можно сказать, тоже повезло. Разумеется, справок бойцам,

участвовавшим в этом грандиозном событии, никто не выдавал. Им это было и не надо. Все радовались тому, что разгромили фашистов и остались живы. Но, это было тогда, а как обстоят дела сейчас?

Совсем недавно вышла книга с названием «Победители и наследники», автор Николай НАД. В ней перечисляются имена бойцов, участвовавших в Параде Победы. Отца в этой книге я не нашёл. Тогда я связался с автором издания по телефону, и он мне поведал о том, что в книге обозначены далеко не все участники знаменательного события, что всех найти довольно сложно, да теперь ему уже и здоровье не позволяет это сделать. Однако, если кому-то интересно, могут поискать. Есть главное – название и номер полевой почты бригады. Известно, что она противотанковая.

По всей видимости, часть военнослужащих бригады вошли в сводный полк, который и прошёл по Красной площади. Если б знать название сводного полка, то было бы всё просто. А если это неизвестно, то всё, оказывается, довольно сложно. «Я в книгу включил, – говорит он, – только тех, кто был командирован на Парад с фронтов, согласно приказам. В Параде Победы участвовало много частей, которые находились и в тылу. Например, бригада твоего отца. Она была сформирована, но до фронта не дошла. Значит фронт, или армия её не могли направить в командировку в Москву. Тогда, кто это сделал? Кому она в то время подчинялась? Вопросов больше чем ответов».

Послесловие

Умер Пётр Андриянович 30 июля 1993 года в г.Саратове, оставив после себя двух детей и четырёх внучат. Он всю жизнь проработал в родном колхозе им. Ф.Э. Дзержинского трактористом, растил хлеб и был этим доволен. Похоронен на кладбище в родной деревне. На гранитном памятнике, которое ему поставило министерство обороны, написано:

*Он добрым был,
Любил Россию,
Косил луга, которые вокруг,
Пахал поля и сеял ниву
И был прекрасный муж, отец и друг.*

Только на этом биография Петра Андрияновича не заканчивается. Она продолжается в его внуках и правнуках. И здесь главным воспитателем поколений выступает дом, семья и семейные фотографии, которые никуда не прячутся. Так фотографии двух братьев Африкантовых: Петра Андрияновича и Ефима Андрияновича, участвовавших в Великой Отечественной войне, висят в доме на стене. Здесь же висит фотография их отца Африкантова Андрияна Илларионовича, награждённого серебряным Георгиевским крестом ещё в Первую мировую. В свою

очередь, его отец Африкантов Илларион Африкантович участвовал в войне 1812 года и о нём тоже помнят.

Помогает помнить о них и летопись семьи. Рассказы о выдающихся представителях рода опубликованы в книге «Сказки о Саратове», книга третья. В настоящее время внуки и правнуки Африкантовых участвуют в патриотической акции «Бессмертный полк». Как видим, семье, есть кого чтить и на кого равняться.

В День Победы порадовала бабушку с дедушкой (то есть меня и мою супругу) самая младшая в семействе – внучка Ксюша. Она по собственной инициативе написала поздравление с великим праздником на листе А4. Об этом никто в семье не знал. Написала, как сумела, ведь ей всего шесть с половиной лет. Когда я это поздравление увидел, то растрогался и непременно включил его в книгу. К нему не нужны пояснения. Оно само за себя говорит. Ксюша, узнав, что её поздравление будет опубликовано, тут же его подписала. Письмо опубликовано в приложении на стр. 294.

10. 05. 2020 г.

Рис. 1. Африкантов Пётр Андриянович. Саратов, 1985 год.
(к стр. 190).

Рис. 2. Дом в деревне малая Крюковка Татищевского района, откуда был призван на службу в погранвойска П.А. Африкантов. Четыре года не приходили в этот дом от солдата письма. В деревне его считали погибшим. Фото. 1966 г.

Рис. 3. Полковник погранвойск Владимир Анатольевич Тылец из г. Минска и Александр Васильевич Попов из г. Саратова по крупицам восстанавливали боевую биографию героя-пограничника. (К стр. 194.)

Рис.4. Африкантов Пётр Андриянович в форме рядового стрелка-пограничника. Май 1941 года.

Рис.5. (к стр. 194).
В этом журнале № 5 за 2015 год, А.В. Попов прочитал рассказ «МИ» второй октавы» о партизане, бывшем пограничнике западного рубежа. С полученной информации из рассказа и начался поиск.

Полковник в отставке Гурий Константинович Здорный перед Отечественной войной и в первые месяцы войны командовал Августовским погранотрядом, принявшим первые удары немецко-фашистской группировки войск. Затем служил в войсках охраны тыла действующей армии. После войны и до увольнения — начальник пограничных войск Камчатского округа.

Г. К. Здорный

Рис. 7. Полковник Гурий Константинович Здорный. В начале войны командовал 86-м Августовским пограничным отрядом. За успешное освоение нового участка границы он был награждён орденом Ленина. Начальник штаба отряда капитан И. А. Янчук за хорошую организацию оперативно-служебной деятельности и боевую подготовку личного состава был награждён орденом Красной Звезды. (К стр. 196)

Рис.8. Карта расположения 17-ой заставы 86-го пограничного отряда со штабом в деревне Скродске. Красными линиями со стрелками обозначены границы охраняемого участка. (К стр. 196)

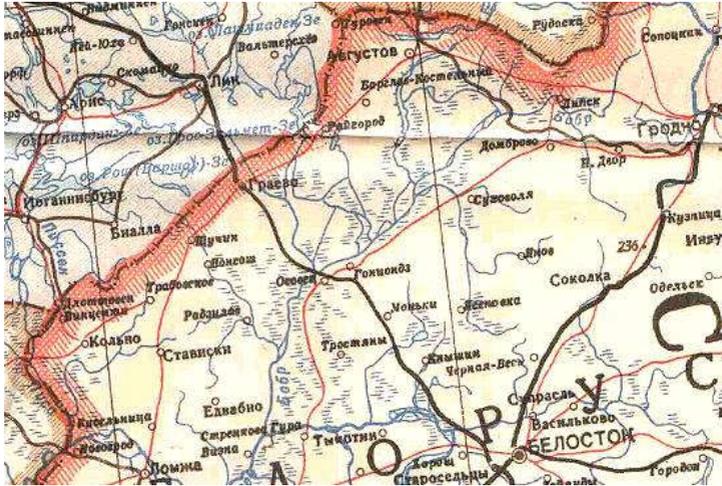

Рис.9. В городе Августове находился штаб 86-го пограничного отряда. В настоящее время это город в Польше.
(К стр. 196)

Рис. 10. Пограничники учатся штыковому бою, 1941 год.
«Стоявшие насмерть», граница, начало войны, док. Фильм. Скриншот
(К стр. 196)

Рис. 11. Немецкие бомбардировщики в небе над границей. Пётр Андриянович рассказывает: «Самолёты летели низко. Гуд их моторов и сам облик бомбардировщиков были зловещими. В сердце было нехорошее предчувствие». (К стр. 198)

Рис. 12. Рукопашная. Реконструкция боя на участке 86 –го пограничного отряда. (Битва оружейников. Пулемёты. Фильм 8.) Скриншот. (К стр. 200).

Рис. 13 - 14. На одном из этих студебеккеров, с крупнокалиберными пушками на буксире и солдатами в кузове пограничник и партизан Пётр Андриянович Африкантов проехал по Красной площади в День Победы. При жизни он сам, смотря хронику с парада, указывал именно на эти машины. Жаль, что их показывают всего несколько секунд и не в полном объёме.

Скриншот с хроники Парада Победы на Красной площади.
(К стр. 277)

Рис. 15. Страница сайта «Партизаны Белоруссии». На этой странице опубликован наградной лист на Петра Андрьяновича и показаны награды солдата: орден Красной Звезды и медаль «За отвагу».
 (К стр. 278)

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

33 ¹⁰

ПОСТУП

1. Фамилия, имя и отчество *Африкантов Пётр Андреевич*

2. Звание *Ком.* *отд.* *им. Дзержинского*
отд. *им. Дзержинского*, часть /до войны/ *86 постр. Отр. 14 заст.*
5 команданту ра. Краснояр. мез.

3. Должность, отряд *Ком. отд. Отр. им. Дзержинского*

4. Представлен к награде *Медаль партизана Отеч. войны 1-ой ст.*

5. Год выдачи *1920* ? *Партизаны Б.И.* ✓

6. Национальность *русск.*

7. Участие в гражданской войне и в последующих военных действиях по защите СССР /где и когда/ *не участвовал*

10. Имеет ли ранения или контузы в отечественной войне *44 контуза*

11. С какого времени и партизанском отряде *16. X. 1939.*

12. Чем ранее награжден /за какие отличия/ *орден "Красная Звезда"*

13. Постоянный домашний адрес /предоставляемого к награде или его семьи/
Саратовская обл. Житомирский р-н. д. Малая Кривовка

14. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:
За время пребывания в отряде имел на своем счету 5 вражеских взрывных элементов, 3 ж.-д. моста.
Участвовал в разгроме вражеских гарнизонов Березовка 29.6.44г., Березово 3.7.44г., а так же во взрыве ж.-д. рвыс под станцией Тава 20.7.44г.
За смелость, энергичность, находчивость в боях командованием отряда назначило п. Африкантова на должность командира с командой от взвода справился, проявляя и здесь многократный, смелости и требовательности к своим подчиненным.

Командир бригады им. Дзержинского *Командир бригады им. Дзержинского*
 КАПИТАН *Машкин* / *Машкин* / КАПИТАН *Машкин* / ДЯ. СВ /

Начальник штаба бригады им. Дзержинского
 СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ *Вильямов* / *Вильямов* /

ЛЕНЧАНСКИЙ РК КП/Б/Б

Рис. 16. Наградной лист на партизана отряда им. Дзержинского П. А. Африкантова. В нём перечисляются подвиги бойца..

(К стр. 278)

Рис. 17. Бессмертный полк. В первом ряду, слева направо, сын пограничника и партизана П.П. Африкантов, правнучка А.В. Козырева, и боком, справа, стоит внучка О.Н. Козырева. В руках у Петра Петровича две фотографии – своего отца и тестя И.В. Ковалёва. Саратов 2018 год.
(К стр. 281)

Рис. 18. Африкантов Ефим Андриянович, брат Петра Андрияновича, миномётчик, участник Курской битвы.
Из семьи Африкантова Андрияна Илларионовича на фронте было два сына, оба остались живы и вернулись в родной дом.
(К стр. 281)

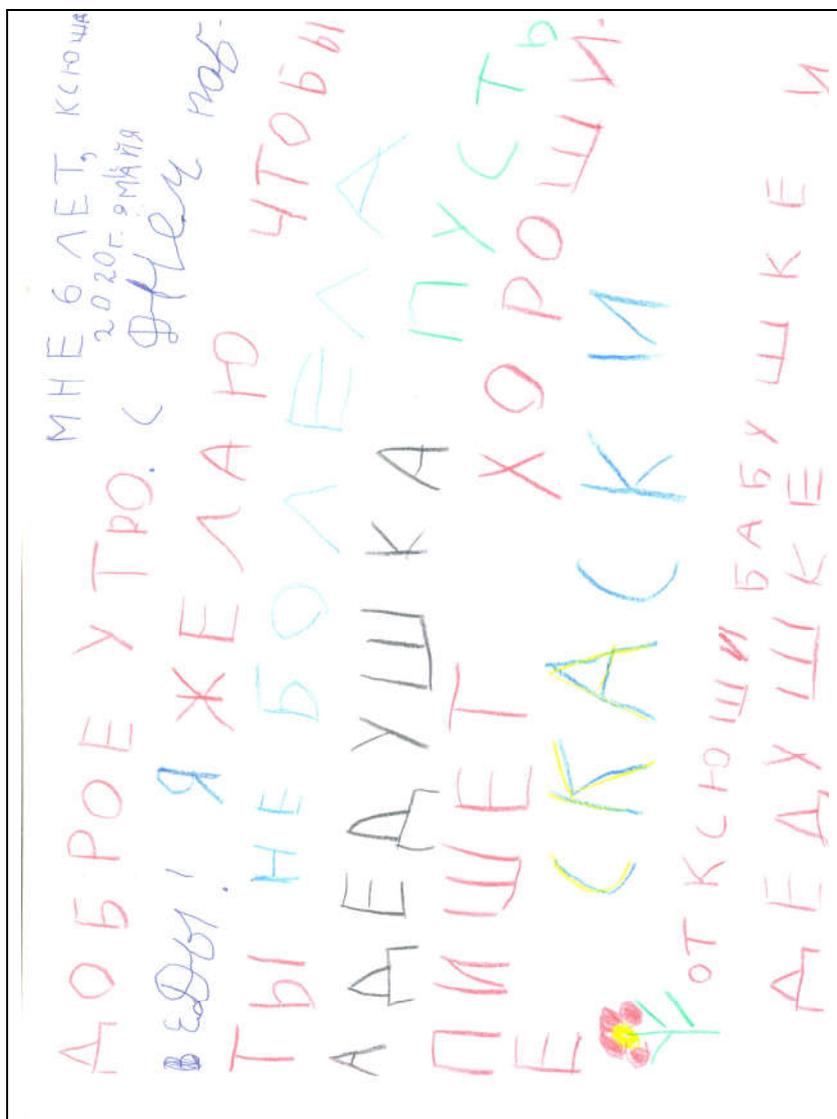

Рис. 19. Письмо Ксюши.
(К стр. 281)

Содержание

Сказки о саратовских символах

1. Сказка о глиняном петушке золотом
гребешке, гармошке с колокольчиками,
да румяном калаче с хрустящей корочкой4
2. Лесной великан Берендей.....27
3. Чего око не видывало, ухо не слыхивало
и язык не ощущал.....36
4. Серебряная стерлядь с золотыми плавниками.....49
5. Перламутровый туман.....74
6. Глиняный денщик103
7. Монстр Тунгалот.....116
8. Вязары.....130

75 - летию Победы в Великой Отечественной войне
посвящается

Пьесы для детей.

9. Глиняный денщик (пьеса).....157
10. Жаворонки (пьеса).....172
11. Сорванцы (пьеса).....182
12. Пограничник (очерк).....192
13. Приложение.....283

Литературно - художественное издание

Пётр Петрович Африкантов

Сказки о Саратове

СКАЗКИ О САРАТОВСКИХ СИМВОЛАХ

Книга десятая

Книга издана в авторской редакции.
Компьютерная вёрстка, обложка и макетирование
П.П. Африкантова